

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2021

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Филологические науки

- 10.01.01 – Русская литература
- 10.01.08 – Теория литературы. Текстология
- 10.02.01 – Русский язык
- 10.02.19 – Теория языка
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое
типологическое и сопоставительное
языкознание
- 10.02.21 – Прикладная и математическая
лингвистика

Педагогические науки

- 13.00.02 – Теория и методика обучения
и воспитания

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

1.2021

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, г. Москва.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук; старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор перевода (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; principal research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University, Russian Federation.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Ilona Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University, Hungary.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental Digital Library «Russian literature and folklore», Moscow, Russian Federation.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

К.Ю. Дойкина

О конструкциях со связками в текстах полоцких грамот XIV–XVI вв.	9
---	---

Е.Н. Куликовская

Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения	30
---	----

Ю.А. Ландер, И.Г. Багирокова

Цилитивы ('легко' и 'трудно') в адыгейском языке: семантика, аргументная структура и частеречные характеристики	56
---	----

К.Н. Прохоров

Относительные конструкции в момбо	76
---	----

МЕТОДИКА

А.М. Арутюнян

Лингводидактический потенциал мультимедийной программы конкорданс AntConc	99
--	----

Е.А. Комочкина, Т.В. Селезнева

Обучение академическому письму на родном языке русскоязычных студентов гуманитарного профиля	111
---	-----

Т.В. Сидоренко, А.В. Кудряшова

Использование CLIL в Томском политехническом университете: успехи и проблемы	129
--	-----

Contents

LINGUISTICS

K. Doykina

About constructions with auxiliaries
in Polotsk charts of the 14th–16th centuries 9

E. Kulikovskaya

Semi-performative verbs in Russian charms:
Criteria and definition. 30

Yu. Lander, I. Bagirokova

Cilitives ('easy' and 'difficult') in West Circassian:
Semantics, argument structure
and part-of-speech characteristics. 56

K. Prokhorov

Mombo relative constructions 76

TEACHING THEORY

A. Arutyunyan

Linguodidactic potential
of AntConc multimedia program 99

E. Komochkina, T. Selezneva

Teaching of academic writing techniques
to Russian-language students of the Humanities
in native tongue 111

T. Sidorenko, A. Kudryashova

CLIL methodology evolution
in Russian Technical University
(Tomsk Polytechnic) 129

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-9-29

К.Ю. Дойкина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук,
119019 г. Москва, Российская Федерация

О конструкциях со связками в текстах полоцких грамот XIV–XVI вв.

Данная статья посвящена функционированию связок в западнорусских деловых текстах – полоцких грамотах XIV–XVI вв. В этот период связки начинают активно конкурировать с их полноударными вариантами – личными местоимениями, поэтому особое внимание уделено закономерностям распределения конструкций типа л-форма + местоимение и л-форма + связка. Было выяснено, что модель, включающая и связки, и местоимения, употреблялись в живой речи и была одним из вариантов развития перфектных форм в западных диалектах позднерусского языка. В настоящей работе также рассматриваются случаи, где связки, являясь полным синонимом местоимений, выступают в качестве лично-числового показателя при деепричастиях.

Ключевые слова: язык Великого княжества Литовского, связки, личные местоимения, клитики

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дойкина К.Ю. О конструкциях со связками в текстах полоцких грамот XIV–XVI вв. // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 9–29. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-9-29

K. Doykina

Vinogradov Institute of the Russian Language,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation

About constructions with auxiliaries in Polotsk charts of the 14th–16th centuries

This article is devoted to the functioning of auxiliaries in Western Russian documents – Polotsk charts of the 14th–16th centuries. During this period, auxiliaries begin to actively compete with their full-stressed variants – personal pronouns, so special attention is paid to the distribution of constructions such as participle + pronoun and participle + auxiliary. It was found out that the model including both auxiliaries and pronouns was used in live speech and was one of the variants of the development of perfect forms in the West. In this paper, we also consider patterns where auxiliaries, being a complete synonym of pronouns, are used as a personal numeric mark for past verbal adverbs.

Key words: language of the Grand Duchy of Lithuania, auxiliaries, personal pronouns, clitics

FOR CITATION: Doykina K. About constructions with auxiliaries in Polotsk charts of the 14th–16th centuries. *Rhema*. 2021. No. 1. Pp. 9–29. (In Russ.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-9-29

1. Вводные замечания

В восточнославянских языках связки перфекта были клитиками¹. Впоследствии они утратились во многих диалектах, т.е. были вытеснены своим полноударным вариантом – личными местоимениями. Как отмечает Г.А. Хабургаев, «формы *есмь*, *еси* (и т.д.) выступают исключительно как показатели лица (а не времени!), оказываясь синтаксическими синонимами личных местоимений» [Хабургаев, 1978, с. 45].

¹ Особую позицию занимали связки 3 лица, об этом будет сказано в соответствующем разделе.

Это замечание касается переходного периода, когда связки еще сохранялись, но начали выступать в новой для них функции.

В настоящей работе мы хотим определить, во-первых, утрачивались ли связки в западных диалектах позднерусского языка в соответствии с закономерностями, справедливыми для северо-восточной территории, или путь их развития был другим; во-вторых, как распределяются модели со связкой (клитикой) и местоимением (полноударной формой) в период, когда древняя система энклитик начинает разрушаться.

Статья в целом посвящена связкам 1 и 2 лица в контексте разрушения ранней общерусской системы энклитик, объектом исследования являются перфектные клаузы. Однако в последнем разделе говорится о связках 3 лица, которые в текстах употребляются редко (19 случаев на весь корпус), поэтому для изучения данных форм привлекаются также и именные клаузы. При первоначальной обработке текстов насчитывалось более 600 употреблений связок 1 и 2 лица перфекта, впоследствии повторяющиеся контексты исключались.

В качестве материала будут использованы полоцкие грамоты, изданные под редакцией А.Л. Хорошкевич [Полоцкие грамоты, 2015] (далее, если не указано иного, все примеры из этого издания). Они написаны на русьской мове, т.е. языке Великого княжества Литовского, в основу которого легли местные диалекты. Ранее этот сборник привлекался для изучения местоименной экспансии в древнерусском языке, однако они были включены в общий корпус деловых текстов [Буденная, 2018, с. 48–119]. Из-за неоднородной языковой ситуации на территории Великого княжества Литовского нам кажется необходимым еще раз взглянуть на данные тексты отдельно и рассмотреть некоторые особенности употребления связок. Кроме того, при необходимости более широкого взгляда на язык Великого княжества Литовского мы будем обращаться к так называемым украинским (югозападнорусским) грамотам (далее УГ) XIV – первой половины XV вв. [Украинские грамоты, 1928], а также к старорусскому подкорпусу Национального корпуса русского языка и духовным и договорным грамотам великих и удельных князей [ДДГ, 1950] для сравнения с северо-восточными диалектами.

Сделаем небольшое замечание в отношении связок на восточнославянской территории. На северо-восточной территории в живом языке связки 1 и 2 лица утрачиваются в XVII в. [Зализняк, 2008, с. 262]. В говорах современной Беларуси они не встречаются, так же как и «польские» формы, где связки превращаются в подобие аффикса [Аванесов, 1964, с. 283–286; Barszczewska, Jankowiak, 2012]. Украинские диалекты делятся на два типа. Первый – юго-восточные и северные говоры,

сформировавшиеся в XVII в., в них связки отсутствуют [Керницький, 1967, с. 218–219]. Однако эти клитики есть в документах, созданных на русскоязычной Украине, они встречаются спорадически в местных текстах вплоть до конца XVIII – XIX вв. [Danylenko, 2012, p. 16]. В юго-западных говорах связки сохраняются [Толстая, 2012, с. 195]. По мнению А. Даниленко, такая ситуация объясняется следующим: «Поскольку современный украинский язык был в большей степени основан на юго-восточном украинском языке, связки оставались изолированными в консервативных юго-западных украинских диалектах, которые были частично интегрированы в новый литературный украинский язык только в конце XIX – начале XX века» [Danylenko, 2012, p. 11].

Связки в полоцких грамотах употребляются в следующих позициях:

а) после первой тактовой группы: у *вашего есмь немчина Аврамка корчму вынали* (№ 107);

б) после первой тактовой группы с учетом ритмико-синтаксического барьера: *про то ж //² послали есмо к вамъ испод(а)ра нашег(о)* (№ 146, 1459);

с) после неодночленной группы³: и *того Мартинца есмо вправили и приказали есмо Богдану Сѣстафьевичу* (№ 2796, 1492 (XVI–XVII)⁴);

д) после проклитики: *нашы не мають в тые дела духовные вступатися, бо есмо приказали архиепископу Луце судити* (№ 379, 1502 (XVI–XVII)).

Случаев, где связки находятся в нехарактерных для клитик позициях (например, в начале клаузы или непосредственно после паузы), в грамотах не обнаружилось. Относительно глагола (*л*-формы) связки располагаются в соответствии с типом клауз: в тяжелых клаузах⁵ преобладает постпозиция, в простых и многоактантных (на упрощенных отрезках фразы) – препозиция, т.е. ситуация стандартна, на что указывает коэффициент препозиции связок – отношение случаев препозиции связок к общему числу примеров без учета клауз с начальным сказуемым (табл. 1).

² Здесь и далее ритмико-синтаксические барьеры обозначаются знаком //.

³ О пунктах с и d см. [Дойкина, 2019].

⁴ В круглых скобках указан период создания списка с грамоты.

⁵ Тяжелые клаузы – клаузы, содержащие тяжелую актантную группу или несколько таких групп, многоактантные клаузы содержат несколько актантных групп [Зализняк, 2008, с. 17]. Актантная группа – это слово, подчиненное сказуемому, включая зависимые от этого слова [Там же, с. 15].

Коэффициент препозиции связок
[Preposition coefficient of auxiliaries]

Тип клауз [Type of clauses]	Простые [Simple]	Многоактантные [Multi-actant]	Тяжелые [Complex]
Коэффициент препозиции [Preposition coefficient]	60% 94/156	78% 55/70	29% 27/94

Отдельно стоит затронуть вопрос о месте, которое занимают связки в цепочке энклитик. А.В. Циммерлинг пишет, что в текстах полоцких грамот конца XIV – начала XVI вв. закреплён порядок *X быть есмь*, т.е. связка плюсквамперфекта занимает более высокий ранг в связи с более ранней клитизацией плюсквамперфектных форм [Циммерлинг, 2019]. Полностью разделяя это мнение, прокомментируем лишь те примеры, где порядок оказывается обратным *X есмь быть*:

- (1) *поведиль перед нами, што ж есѣмо перви сего // дали были ему семь служобъ* (№ 95, 1440);
- (2) *а а есми сам тых часов // нешто был прихворел* (№ 200, 1471);
- (3) *И мы, подле их речей, вты и люди владыце не казали вступатися и на то есмо имъ нашъ листъ судовый // дали были* (№ 380, 1502).

А.В. Циммерлинг указывает, что случаи препозиции связок перфекта «связаны с дистантным порядком» [Циммерлинг, 2019, с. 49], однако, как нам кажется, в большей степени это обусловлено разделением цепочки клитик вследствие выделения темы, при котором слабые энклитики (т.е. более новые) могут располагаться во фразе левее, чем сильные (т.е. более древние), ср.:

- (4) *а оу королева еси мужа // слышала ли о томъ честномъ крестъ?* (Киев. лет. 1152, 166 об.) [цит. по: Зализняк, 2008, с. 52].

2. Двухчленные модели

В качестве основы для нашего анализа будут использоваться правила употребления личных местоимений [Зализняк, 2008, с. 241–246]. Это позволит узнать, насколько они применимы к языку полоцких грамот. Рассмотрим некоторые из них, начиная с тех случаев, где личное местоимение должно использоваться обязательно.

I. После союза *и*, если в предыдущей клаузе содержится условие или тема:

- (5) *што милые дѣти ваша м(и)л(о)сть присылали естъ сее зимы к нам посла своего(о) пан(а) Ганоуса Филипович(а) и **мы** и в тое посольство ваше вразумѣли* (№ 148, 1459);
- (6) *а пак ли не станет(ь) ему заплаты, и **мы** велимы на Захарце ему пенязеи своихъ смотрете* (№ 160, 1464).

Однако в полоцких текстах XV в. правило расширяется, и вместо союза может выступать наречие:

- (7) *и кол(и) к нам възведут(ь) тогда **мы** вашъ товаръ втпустим* (№ 57, 1409).

Кроме того, если союз *и* отсутствует и субъект не меняется, местоимение может отсутствовать:

- (8) *што и перво писали есмо к вамъ про того Петра ино и нинѣ пытали **есмо** тыхъ людъниковъ* (№ 62, 1411).

II. Наличие обращения:

- (9) *А давалъ **ты** мнѣ ГЛ(е)ѣ(а)ндро четвертую долю сам оу томъ wzере оу Солонци ино а не хотел имати* (№ 121, 1447).

III. Подлежащее находится в противопоставлении с подлежащим соседней клаузы:

- (10) *А вамъ блюсти полочанина какъ бы своего немѣчина. А **мы** хотимъ вашего немѣчина блюсти какъ бы своего полочанина* (№ 32, 1394).

IV. Самым основным условием употребления личного местоимения является эмпфаза, однако здесь мы сталкиваемся с проблемой интерпретации. Ниже приведем примеры, где логическое ударение можно предположить с высокой степенью уверенности:

- (11) *И Федоръ мовит(ь) А то **ты** што мнѣ дал три струги соли Мелѣшку еси втдал а в том мною водишь. И Мина мовит(ь) так: **Я** Мелешку не давал* (№ 171, 1465);
- (12) *сведомъ ли вн того коли тот листъ брали в небожчика короля его м(и)л(о)сти. И Сопега рекъ **Я** ещо тогда и дочки в нее не понял* (№ 152, 1463).

Данные фразы – это передача устных прений в суде. Можно предполагать, что местоимения имеют логическое ударение, потому что важен статус участников спора: «а вот я», «а вот ты».

Таким образом, мы видим, что обязательные правила употребления местоимений, действовавшие в древнерусском языке, справедливы и для языка Великого княжества Литовского.

Есть такие правила, которые А.А. Зализняк называет факультативными [Зализняк, 2008, с. 243–244], в полоцких грамотах же их действие можно считать обязательным. Остановимся на некоторых из них.

1. Если субъект отличается от субъекта предыдущей клаузы и является темой, то употребляется личное местоимение. В полоцких грамотах это правило работает так: местоимение появляется при любой смене подлежащего, если речь идет о самостоятельных клаузах. Приведем последовательные примеры из отрезка одной грамоты:

- (13) *А про то **есмѣ** посылали к вам свои послы на има Федька Булавинича а Фалел(ѣ)я Севрюковича а Гѡльфериѧ Чернату. И **вы** нашими послы втказали к нам свои речи кого имете нашего немчина корчму продая... И **мы** еще после того как есмѣ к вам посылали досыть ваших детей оунимали ‘в достаточной мере ваших детей утихомиривали’...И **они** нас не хотели слухать вт того са не оуцоунили ‘отступились’: как держали так держали оу нас корчму. И **мы** оуже болиши того не можем терпети. Оу вашего **есмѣ** немчина Аврамка корчму вынали (субъект не меняется в начале самостоятельной клаузы, так что личное местоимение не употребляется). А также **Захарка** немчинъ пивноую корчму продаеть. И **мы** ваших немецъ послали к вам на низъ и съ ихъ делы⁶ (№ 107, 1444).*

Ситуация, когда при смене субъекта употребляется энклитика, встречается редко:

- (14) *[И] **вы** нам в том не исправляетеса и теперь во **есмо** послали к вам (№ 128, 1447);*
- (15) *Слышали **есмо** што еси вт а [sic!] мистра ‘главы ордена’ и втѣ арицби скѹпа и вт ратмановѣ ризких што всего посольства посольствомъ приездил **еси** к бояром полоцкым и к мѣстичомъ (№ 143, 1459).*

⁶ Приведенные контексты не являются полностью «чистыми»: перед местоимением оказывается проклитический союз *и*. Однако примеров без союза в полоцких грамотах нет.

II. Личные местоимения также употребляются в начале периода: после изложения сути дела и претензии выносятся заключение:

(16) *Такъши то вашѣи м(и)л(о)сти свѣточно про т(о) што там кипа сукна нашѣ(о) купца ГѸлфера Кортѣнѣвича мѣщанина пол(о)цькоз(о) оу вашѣе м(и)л(о)сти оу Ризѣ забавлѣна бѣз лѣпно ‘присвоена ошибочно’ а забавил ‘присвоил’ ее Ганусѣ Единко ГѸдамовѣ складник. И **мы** вашѣе м(и)л(о)сти за то просим...* (№ 241, 1481);

(17) *потом ваша м(и)л(о)сть прислали до нас слугу своез(о)... жадаючи того, ижбыхом тот товарѣ вѣрнули...
Ваша м(и)л(о)сть сами то вѣдаетѣ. И **мы** подлуг ‘согласно’ всп(о)д(а)ра нашего вѣвѣценоз(о) вѣликого короля его м(и)л(о)сти приказан(ѣ)а тот товарѣ вашей м(и)л(о)сти вѣсѣ вѣрнули, што было забрано.* (№ 202, 1471).

Этому правилу не подчиняются формульные элементы. В начале грамоты после интитуляции традиционно используется связка:

(18) *Тым почестливым сусѣдомѣ нашим и приятелем... вт мѣщанѣ полочких всех посполите поклонѣ приятельскыи вѣм добрым.
Посылали **есме** до ваше м(и)л(о)сти посольством брат(ѣ)ю свою Григорѣя Ильинича а Матфеѣ Неоумович(а)* (№ 162, 1464).

Существуют и другие формулы, где местоимения отсутствуют:

(19) *Такѣж послали **есмо** до ваше м(и)л(о)сти приятелеи наших* (№ 458, 1510).

Есть и другие случаи, описанные А.А. Зализняком, где употребление местоимений факультативно, а в полоцких грамотах стало обязательным, однако специально мы их рассматривать не будем. Нашей же задачей в большей степени является описание лишь части этого процесса: утраты связок перфекта, т.е. энклитических форм.

Основное правило употребления связок перфекта в полоцких грамотах таково: если подлежащее (субъект) в независимых клаузах не меняется, то в норме используется л-форма и связка без местоимения⁷.

(20) *Ино **мы** того досмотревшы с паны радами нашими и выслухавшы того листа // брата нашего пана Ивана **есмо** в томѣ вправили, третью часть именеи брата его Степана ему **есмо** присудили. И што сѣ тычетѣ того имен(ѣ)а Плина такѣ **есмо** вчинили* (№ 441, 1509 (XVI–XVII));

⁷ В редких случаях л-форма не имеет при себе ни связки, ни местоимения, речь об этом пойдет ниже.

- (21) *Ино **мы** на их чоломбѣ(ѣ)е то вчинили при тои нашои перво и дани не их **есмо** вставили и на то дали **есмо** им сесь наш листъ* (№ 472, 1511 (XVI–XVII))⁸.

В зависимых клаузах может использоваться как связка (пример (22)), так и местоимение (пример (23)):

- (22) *Ино слышим ѡт людей, што **есте** пограбили правых людей полочан, тымъ вернути не хотите ихъ товару. А мы к вам послали истыцевъ* (№ 100, 1440).
- (23) *Нижли слышалъ есми, ижъ **ты** поведаль на мене заучъ не з(о)с(по)д(а)ру* (№ 418, 1507).

Однако те из них, которые обозначают тему дальнейшего высказывания, устойчиво сохраняют связку:

- (24) *Што жо писали **ѣсте** намъ ѡ вѣсу ѡ солоном ѡ томъ вѣсу много было словъ* (№ 4, 1264);
- (25) *Што и перво писали **есмо** к вамъ про того Петра ино и нинѣ пытали есмо тыхъ людъниковъ* (№ 62, 1411).

Полоцкие грамоты, как говорилось выше, включают передачу прямой речи. Она отражает те же тенденции, что и основной текст документов:

- (26) *И панъ Станиславъ поведил перед нами **я** деи тые первые сел(ѣ)ца Ладосно а Дернцы а Величковицы въ васъ ѡтнать... и потомъ тыи сел(ѣ)ца **был есми** вамъ напротивку того дал и заса **есми** въ вас ѡтнать дла того штожъ з(о)с(по)д(а)ру его м(и)л(о)сти шкоднo. А тое сел(ѣ)цо Дернцы в тыхъ людех **есми** купиль и то держу въ своихъ п(е)н(а)зех* (№ 466, 1509 (XVI–XVII))⁹.

Местоимение здесь появляется в начале периода, далее при сохранении субъекта употребляется связка. Высказывание может и не иметь начального местоимения:

- (27) *а рекучи так: Торговали дѣи **есмо** з немцом з Ганусом Тимофѣевым з рижанином на погълъ* (№ 184, 1468);
- (28) *И Адам рек перед нами: Заплатил **есми** вѣщое ѡт тыхъ дву мѣховъ соли* (№ 238, 1480 – 1481).

⁸ Здесь может обратить на себя внимание то, что в приводимых примерах (20) и (21) первое подлежащее выражается местоимением. Так как речь идет только о формах 1 и 2 лица, другого способа выражения подлежащего в подобных контекстах быть не может.

⁹ Заметим, что в первом случае связка входит в состав плюсквамперфекта и подчиняется «перфектным» правилам.

Примеры (27) и (28) дают основания полагать, что связки перфекта по-прежнему активно употреблялись в живой речи и не были принадлежностью канцелярского языка. Итак, основными моделями в полоцких грамотах являются местоимение и *л*-форма (*язь даль*) или *л*-форма и связка (*даль есмь*).

Завершая разговор о двухчленных моделях, сделаем еще одно замечание. Если мы обратимся к более поздним памятникам, написанным на языке Великого княжества Литовского, то увидим, что перфект мог развиваться иначе. Так, Е.А. Смирнова указывает, что в Евангелии В. Тяпинского обнаруживаются формы типа *виделом, виделесь, виделехмо/виделесмо/виделехмы/виделесмы* и т.д. [Смирнова, 2018, с. 182–189]. Это вариант развития перфекта по польскому образцу, когда энклитическая форма связки меняет свой фонетический облик. В полоцких грамотах встретился лишь один подобный случай и, что самое замечательное, содержится он в прямой речи:

(29) *И Адам рек давалом на то свѣтъки што есми въщое заплатил и тыи суд(ь)и свѣтъковъ моих не приняли* (№ 238, 1480–1481).

В следующей клаузе употребляется стандартный перфект, что, как кажется, обуславливается тем, что энклитика должна занимать вторую позицию во фразе.

Случай (29) – это, безусловно, результат взаимодействия двух близкородственных языков на территории Великого княжества Литовского, при котором могло происходить грамматическое калькирование. Подобное происходит и с другими элементами энклитической системы. Например, в полоцких грамотах единожды появляется местоименная энклитика *му* (3 лица, муж. рода, ед. ч.). В югозападнорусских текстах обнаруживаются перфектные конструкции с редуцированной связкой (*такое смы мы опытали старцев* (УГ, № 49, 1419)), что, по-видимому, тоже является польским влиянием. Такие заимствования в дальнейшем развития в деловом языке Великого княжества Литовского не получили: в Литовском статуте 1561 г. представлены стандартные формы перфекта, за исключением одного случая [Мякишев, 2008, с. 309–312].

3. Трехчленные модели

А.А. Зализняк отмечает, что в древнейший период связка употреблялась при сказуемом, выраженном именем или *л*-причастием, а личные местоимения в нейтральных контекстах не употреблялись вовсе, но ранние памятники уже отражают отхождение от этой тенденции, так, например, добавляются местоимения, и возникают конструкции типа *язь есмь даль*. Далее эта тенденция превращается в «живом» языке в правило,

и местоимения и связки оказываются в состоянии дополнительной дистрибуции: если есть местоимение, то связка отсутствует. «Следствием этого оказывается исчезновение трехчленной конструкции» [Зализняк, 2008, с. 246–247]. Она становится принадлежностью книжных памятников, как перфект или аорист [Там же].

В полоцких грамотах употребление в одной клаузе местоимений и связок встречается в следующих случаях.

Как обычно бывает в восточнославянских документах, трехчленная модель обнаруживается в интитуляциях, где наличествует приложение при местоимении:

- (30) *Мы, великии кн(а)зь Витовтъ, дали есмо сию грамот(у)*
(№ 39, 1399).

Другие примеры встретились также в осложненных, но уже в «неформальных» контекстах:

- (31) *Ино мы // з ласки наше и за его службу // то есмо вчинили и тую землю Щовенскую дозволили есмо в тых людех ему купити* (№ 360, 1499 (XVI–XVII));

- (32) *И мы // подле свидетельства пана Станиславова Глебовича и подле листа купчого и евангелиа // тую землю... С(вя)тым мученикомъ Борисъ и Глебу есмо присудили вечно*
(№ 468, 1511 (XVI–XVII)).

В примерах (31) и (32) личное местоимение появляется из-за начала нового периода: выше приводится суть челобитья. Связка же в данном случае при наличии барьеров выступает в роли продублированного личного показателя. Этот механизм схож с Clitic Doubling: избыточное употребление «местоименных клитик, кореферентных синтаксическому аргументу, выраженному ИГ <именной группой> или ударным местоимением» [Циммерлинг, 2013, с. 497].

Так как местоименные клитики в полоцких грамотах представлены слабо [Дойкина, 2019], приведем пример из северо-восточных текстов:

- (33) *тако же и тобъ, от брата моего молодшего, ко мнѣ бояр и слугъ кто приѣхал до сего докончанья..., или кто приѣдет тобъ, брату моему... // на тыхъ ти нелюбъ не держати*
(ДДГ, № 5, 1367).

В (33) выбор формы местоимения зависит от условий: полноударная форма оказывается после проклитики, что недопустимо для энклитик Д. п., энклитическая форма употребляется закономерно в нейтральной

позиции. Более того, в грамотах Северо-Восточной Руси в осложненных клаузах возможно и дублирование связки:

- (34) *и тѣ **есмь** вѣсѣ волости, и села, и деревни тѣх волостей, и гъзы //*
*дал **есмь** своеи кн(я)г(и)нѣ* (ДДГ, № 61, 1461).

Таким образом, примеры (31)–(32) – это образец дублирования грамматического показателя, где местоимение употребляется согласно общим закономерностям.

Дважды в полоцких грамотах встречается трехчленная модель при отсутствии барьера:

- (35) *А пишѣте ваш(а) м(и)л(о)сть до нас штобыхмо пану Зеновѣю*
говорили штобѣ вашѣму немѣчину Радивону тот кругъ вѣрнулѣ.
*И **мы есмо** для вашѣг(о) листа пану Зеновѣю доброе слово*
говорили (№ 237, 1480).

То же самое мы видим и при передаче прямой речи:

- (36) *А теперѣ тот рок оуже естѣ близко а **а есми** сам тых часов*
*нешто был **прихворел*** (№ 200, 1471).

Такие конструкции используют авторы югозападнорусских и северо-восточных текстов, однако в случае последних мы имеем дело с территорией Пскова:

- (37) *иныхъ досытѣ при то(м) было добрыхъ. а **мы есмо** на то свои*
*ли(с) **дали*** (УГ, № 45, 1413);
- (38) *И псковичи же емоу о вѣсѣ томѣ отвѣтъ такоу починили...*
толко невгородчи не оуздадоут, у себѣ ни препоустятѣ
*до Новагорода оузметныхъ положить, а **мы есмы** тыя*
*грамоты, государь, по твоемоу слову **послали** от себѣ.*
(Псковская 3-я летопись: Строевский список (1400–1568)).

На наш взгляд, трехчленная модель в полоцких грамотах – это не признак древности, о чем говорилось выше, а промежуточная стадия перехода системы из состояния «л-форма (глагол) и связка» (*даль есмь*) в состояние «глагол и местоимение» (*язь даль*). Наше предположение обосновывается тем, что трехчленные модели выходят из употребления еще в ранний период развития общедревнерусского языка, а в полоцких грамотах подобная конструкция появляется только со второй половины XV в. Местоимения в приведенных примерах появляются в результате усиливающегося действия новых правил, связки же продолжают выступать как грамматические показатели по инерции. В этот период местоимения начинают составлять им конкуренцию в данной роли,

т.е. наличие эмфазы становится для них необязательным, что, на наш взгляд, демонстрируют примеры с инверсивным порядком слов, где местоимение становится на место связки:

- (39) *И Гѣлксандро мольвит(ь) Дѣль Ѧ Тимофею томъ слишок.
И Чернѣта молвит(ь) Не знаю Ѧ ТимофеѦ оу томъ слишку.
НѣльсѦ ты мне прислати с низу, а при томъ были оу насѣ люди*
(№ 67, 1422–1434).

Заметим, что в закарпатских украинских диалектах, где сохранилась система энклитик, личные местоимения подвержены вторичной энклизе и, тем самым, могут встраиваться в цепочку, занимая место связки, т.е. местоимения и связки оказываются полными синонимами [Толстая, 2013, с. 134–141].

4. Деепричастные клаузы

Говоря о трехчленных моделях, следует отдельно рассмотреть фразы с деепричастиями. А.А. Зализняк пишет, что личное местоимение должно обязательно употребляться, если оно является общим членом для двух клауз, в том числе и деепричастного оборота [Зализняк, 2008, с. 242]. В нормальном случае в полоцких грамотах это правило актуально, и таким образом для главной клаузы мы получаем трехчленную модель:

- (40) *И мы их // не кораючи се zde // послали есмо до вас*
(№ 267, 1487).

Это подтверждается и такими случаями, где связка при наличии местоимения отсутствует:

- (41) *И мы, в томъ межи нихъ досмотревши, врѣдили такъ.*
(№ 440, 1509 (XVI–XVII)).

Известно, что старые формы кратких причастий (в дальнейшем преобразовавшиеся в деепричастия) выступали в роли второстепенного сказуемого, особенно при наличии сочинительного союза [Потебня, 1958, с. 191]. Исходя из этого пример, где главное и второстепенное сказуемое связано союзом *и*, может наталкивать на мысль, что обе клаузы здесь не имеют общих членов, и *ты* относится к деепричастию, а *л*-форма имеет при себе связку:

- (42) *И Михаило с Онѣдреемъ рекли Ты деи брата нашего Степана
заперѣши вдного и какии хотель еси запись такии в него браль.*
(№ 250, 1482 (XVI–XVII)).

Отметим также, что деепричастные клаузы не всегда требуют грамматического показателя лица и числа:

- (43) *И того досмотревши с паны радами нашими пана Ивана Сопегу в томъ знаши **есмо** правого (№ 464, 1511 (XVI–XVII)).*

Таким образом, можно предполагать, что местоимение принадлежит либо деепричастной клаузе, либо всей фразе в целом, порождая трехчленную модель. Возможным подтверждением первого варианта этого может служить такой пример:

- (44) *И доведавшись **есмо** певное старыны через марьяшька нашего наместника полоцкого п(а)на Станислава Глебовича и подле листу п(а)на ГГлехнова Судимоньтовича и тежъ подлугъ ‘согласно’ свидецтва боярына полоцкого Сенька Епимаховыхъ люди церковьныхъ долчан и путильковцовъ и весничовъ зъ рукъ боярь и мецанъ полоцкихъ тым то листом нашимъ **выняли есмо** и дали зася владыце полоцкому (№ 380, 1502 (XVI–XVII)).*

Здесь мы видим кажущееся дублирование связки. Проблема в том, что первая связка оказывается внутри деепричастной клаузы. Это явление похоже на вынос клитики в вышестоящую клаузу (clitic climbing) [Циммерлинг, 2013, с. 79], однако отношения между деепричастной клаузой и клаузой с перфектом нельзя назвать созависимыми. Следовательно, связка оказывается в самостоятельной клаузе и не имеет отношения к л-форме другой клаузы. В таком случае можно предполагать, что связка выступает в роли показателя лица и числа, но не грамматического времени, что делает ее полным синонимом личного местоимения. То же оказывается в примерах с прямой речью, где, думается, при каждом сказуемом есть грамматический показатель, в том числе и при деепричастии:

- (45) *У-в одного купъца на имѣ <...> **взал еси** десять золотыхъ и **далъ еси** ему доброволенство за границу серебро и илово и инииши речи провадити и потом **еси** его **впнпустивши** с Полоцка и засѣ на дорозе **казалъ еси** его догнати тыи речи в него **еси забралъ** (№ 418, 1507 (XVI–XVII)).*

Приведенные выше примеры могут указывать на то, что в полоцких грамотах сказуемые (как основные, так и второстепенные) требовали показателя лица и числа, причем связка или местоимения появлялись в соответствии с основными правилами употребления связок и местоимений (см. выше).

В югозападнорусских текстах также обнаруживаются конструкции, подобные (45):

(46) *аже възрѣвше **есмо** на вѣрную службу нашего верно(г) слугы... што есть на(м) вѣрнѣ **послужи(л)** и служи(т) имѣ(т) дае(м) и дали есмо ему село* (УГ, № 54, 1424);

(47) *мы... кнѣжны... подумавши **есмо** с нашими дѣтми... **придали** есмо у до(м) стѣя тр(о)ци* (УГ, № 94, 1459).

В старорусском корпусе образцов л-форма + связка оказалось три:

(48) *Се азъ преосвященны архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова владыка Теофилъ, взрѣвъ **есмь** въ грамоты жалованныя прежнихъ архіепископовъ, братьи своеи, Евѣмиеву и Ионину, **пожаловаль** есмь игумена Никиту* (Грамота новгородского архиепископа Феофила Спасскому Верендовскому монастырю, устанавливающая обязательство явки на суд только по владычной позовной грамоте (1471–1482));

(49) *Се азъ преосвященны архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова владыка Иона, высмотрѣвъ **есмь** въ грамоту жалованную брата своего владыки Евѣмія, **пожаловаль** есмь игумена Мисаилу* (Жалованная грамота новгородского архиепископа Ионы Спасскому Верендовскому монастырю, устанавливающая обязательство явки на суд только по владычной позовной грамоте (1459–1470));

(50) *М[ило]стию б[о]жю мы, кн[а]жны Г[е]лксандоваа Настас[ъ]я киевская, подоума[вши] **есмо** с нашими дѣтми... **придали** есмо дом с[ва]тѣя Тро[и]ци к манастирю* (Жалованная данная грамота киевской кнг. Анастасии с детьми Тр.-Сергиеву м-рю на волости Почап и Передол, в Малоярослав. у. (1458–1459)).

Нужно обратить внимание, что (48) и (49) обнаружены в документах, создававшихся на северо-западной территории Руси. Пример (50) можно вовсе не учитывать: в грамоте есть помета: «дана оу Киевѣ», т.е. текст создавался в Великом княжестве Литовском.

5. Одночленная модель

Использование термина «одночленная модель», который будет использоваться в данном разделе, связано исключительно с планом выражения. На самом деле, здесь мы сталкиваемся с феноменом нулевой связки, когда позиция для связки есть, но формально она не выражена.

Прежде, чем перейти к модели типа *далъ*, состоящей из одного глагола (л-формы), сделаем небольшое отступление. В норме в полочких

грамотах при сохранении субъекта при каждом из сказуемых будет употребляться связка:

- (51) *Што перьво сего з ласки наше жаловали **есмо** место наше все Полоцкое выняли **есмо** их с права и присуду городского и дали **есмо** имъ право вол(ь)ное хрестияньское маитборское ‘магдебургское’ и для полатъковъ нашихъ местъскихъ поддали были **есмо** имъ всихъ путниковъ сел(ь)скихъ. (№ 367, 1500 (XVI–XVII)).*

То же отмечается в случае передачи чужой речи:

- (52) *И тотъ немецъ поведиль у-в одного купъца на има <...> взал **еси** десеть золотыхъ и далъ **еси** ему доброволенство за границу серебро и влово и инии речи провадити... заса на дорозе казалъ **еси** его догнати тыи речи в него вси **еси** забралъ (№ 418, 1507 (XVI–XVII)).*

В поздних грамотах связка может опускаться, однако только в том случае, если в соседней клаузе присутствует грамматический показатель, таких случаев без учета повторяющихся контекстов 10:

- (53) *И того досмотревши... в томъ знаиши **есмо** правыхъ и при тои перво и нашо и данине ихъ **вставили** и тыи сел(ь)ца Черсватское... а Дернцы имъ **есмо** присудили (№ 466, 1511, (XVI–XVII));*
- (54) *вни сут(ь) замку нашоу Полоцкому потребъ ни заса **есмо** ихъ вт кн(а)зеи Соколинскихъ вызволили и **казали** им намъ служити по тому как и перед тымъ служили. И на то **есмо** листы наши вызволены подавали (№ 482а, 1511, (XVI–XVII)).*

Заметим, что это явление нужно считать инновационным, т.к. в более ранних текстах одна связка на две л-формы не фиксируется.

7. Замечание о связках 3-го лица

Говоря о связках 3 лица, А.А. Зализняк пишет: «Основная особенность связок третьего лица состоит в том, что в живом древнерусском языке в перфекте их не было вообще и даже при именном сказуемом они употреблялись весьма редко» [Зализняк, 2008, с. 256]. Е.В. Буденная, применяя статистический метод к имеющемуся древнерусскому материалу, утверждает, что связки полностью утрачиваются к XII в. [Буденная, 2018, с. 104]. Таким образом, в живом языке эти формы не употреблялись.

Связки 3 лица в перфекте в полоцких грамотах также не распространены: единственный встретившийся пример заставляет в целом задуматься о функции таких форм в полоцких грамотах.

(55) *Ино деи пак оу Невгини поймавшие попроведили деи к вам оу Ригу а и тыи люди **есть видели** как провадили* (№ 124, 1447).

В (55) отсутствует согласование между подлежащим, л-формой и связкой по числу. Это означает, что *есть* в данных примерах соответствует диалектным конструкциям и имеет экзистенциально-модальное значение [Шевелёва, 2001, с. 199–216]. Это еще раз доказывает, что в диалектах позднерусского языка формы *суть* не было, *есть* распространилось на мн. ч. и/или начало превращаться в частицу. В именных клаузах такого значения нет:

(56) *а в записох оу Мининых так **есть записано*** (№ 170, 1465);

(57) *ако границы тог(о) села на листе купъчомъ меновитею писаны **суть*** (№ 26, 1393 (XVI–XVII)).

В северо-восточных деловых текстах связки отсутствуют, а в юго-западных документах продолжают употребляться, в том числе в перфекте, однако стоит заметить, что количество примеров крайне мало:

(58) *што **есть** намъ вѣрно **послужилъ**. и юще служити будетъ* (УГ, № 12, 1377);

(59) *и съего братию посполною рукою **позвали суть** ала бѣлецко(г)* (УГ, № 51, 1421).

Переходя к именным клаузам, необходимо отметить следующее. Именные клаузы примечательны тем, что в них, на первый взгляд, сохраняются связки 3 л.:

(60) *вни **суть** здавна мешчане полоцкии* (№ 369, 1501).

Их особенность в том, что, во-первых, формы *есть* и *суть* характерны в основном для книжных памятников. Во-вторых, «связки 3-го лица в значительной части случаев выступают в роли акцентно самостоятельных словоформ, а не энклитик» [Зализняк, 2008, с. 238]. О.Ф. Жолобов пишет, что в древнеславянской письменности в вопросительных предложениях нулевая форма презенса¹⁰ (*е* и *су*) имеет статус энклитики,

¹⁰ Под нулевыми формами презенса О.Ф. Жолобов подразумевает формы без конечного *-ть*. Далее он дает такой комментарий: «Термины “нулевые” и “ненулевые словоформы презенса 3 л.” имеют условный характер и характеризуют раннепраславянские словоформы» [Жолобов, 2016, с. 116].

тогда как формы неактуального презенса считаются полноударными [Жолобов, 2016, с. 116–122]. В полоцких грамотах, относящихся к деловой письменности, есть один пример с нулевой формой, стоящей во второй позиции во фразе, но выводы здесь сделать трудно:

(61) *а то ꙗ белька наша* (№ 15, 1386).

В случаях употребления ненулевой связки 3 л. соотношение таково: 12 случаев препозиции связки относительно именной части сказуемого и 5 случаев постпозиции, поэтому с точностью утверждать, что связки имеют энклитическую природу, мы не можем.

8. Выводы

1. В полоцких грамотах связки 1 и 2 лица перфекта являются энклитиками, о чем свидетельствует отсутствие примеров, где они бы занимали нехарактерную для энклитик позицию. Что касается распределения связок и личных местоимений, то было отмечено, что для полоцких грамот справедливы те же обязательные и факультативные правила, что и для древнерусских текстов.

2. В полоцких грамотах процесс утраты связок и экспансия местоимений четко наметились, особенно в XV–XVI вв., и связано это с тем, что факультативные правила использования личных местоимений, описанные А.А. Зализняком, превращаются в обязательные. В такой переходный период хорошо удастся описать лишь условие, где энклитики прочно удерживают свою позицию: в отсутствии смены субъекта при каждом из однородных сказуемых будет употребляться связка.

Выборка примеров в таблице 2 формировалась на основе исключения повторяющихся контекстов: мы учитываем самый ранний случай употребления энклитики или местоимения для каждого периода. В выборку также не включаются те случаи, которые предполагают обязательное наличие местоимений. Общее количество будет распределяться по векам, стоит, однако, сразу отметить, что тексты XV – начала XVI вв. преобладают.

Таблица 2

Распределение моделей по векам [Distribution of models by century]

Века [Century]	<i>Даль есмь</i> [I-form and auxiliary]	<i>Язь даль</i> [Personal pronoun and I-form]	<i>Язь есмь даль</i> [Personal pronoun, auxiliary and I-form]
XIII–XIV	25	1	–
XV–XVI	270	158	8

Господствующей моделью по-прежнему остается *дать есмь*. Это можно связывать с застывшим синтаксисом деловых грамот, однако выше приводились примеры употребления связок в пассажах с прямой речью, что свидетельствует о существовании энклитик в живом языке.

3. Трехчленную модель типа *язь есмь дать* нельзя назвать влиянием книжного языка: она обнаруживается в разговорных отрывках. Модель со связкой и местоимением *есть* и в основном тексте грамот, но обычно это следствие сложности фразы, где существует тенденция к дублированию грамматических показателей.

4. Что касается употребления и местоимения, и связки в клаузах с деепричастиями, кажется, что в некоторых случаях, особенно в тех, где между деепричастием и *л*-формой наличествует сочинительный союз, личное местоимение относится к деепричастию в пределах отдельной клаузы. Таким образом, в данном случае будет прослеживаться общая тенденция: каждая предикативная единица имеет свой грамматический показатель лица и числа. Напомним, что в норме в полоцких грамотах при каждой *л*-форме стоит связка, хотя уже встречается ряд исключений-инноваций. Примеры из югозападнорусских грамот говорят о том, употребление связки при деепричастии было общей чертой для языка Великого княжества Литовского, в северо-восточных текстах встретившиеся примеры локализуются на новгородской и псковской территориях, что не исключает западного влияния.

5. В полоцких грамотах сохраняются связки 3 л. в именных клаузах. В перфекте связки отсутствуют, кроме одного спорного случая, где словоформа *есть* могла превратиться в частицу. О том, были ли данные формы энклитиками, вывода сделать нельзя из-за недостаточного количества примеров.

Библиографический список / References

Аванесов, 1964 – Аванесов Р.И. Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мн., 1964. [Avanesov R.I. Narysy pa belaruskai dyialektalogii [Essays on Belarusian dialectology]. Minsk, 1964.]

Буденная, 2018 – Буденная Е.В. Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. [Budennaya E.V. Evolyutsiya subktnoi referentsii v yazykakh baltiiskogo areala [Evolution of subject reference in the languages of the Baltic area]. PhD thesis. Moscow, 2018.]

ДДГ, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950. [Wills and contracts of Grand and local princes of the 14th–16th centuries. L.V. Cherepnin (ed.). Moscow; Leningrad, 1950.]

Дойкина, 2017 – Дойкина К.Ю. История системы энклитик (по материалам духовных и договорных грамот XIV–XVI вв.). Магистерская дис. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. [Doikina K.Yu. Istoriya sistemy enklitik (po materialam

dukhovnykh i dogovornykh gramot XIV–XVI vv.) [History of the enclitic system (based on wills and contracts of the XIV–XVI centuries)]. Master's thesis. Lomonosov Moscow State University. 2017.]

Дойкина, 2019 – Дойкина К.Ю. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16. Вып. 3. С. 400–419. [Doikina K.Yu. Some peculiarities of enclitic system in Polotsk charts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 400–419. (In Rus.)]

Жолобов, 2016 – Жолобов О.Ф. Заметки о словоформе е 'есть' в древнерусской и старославянской письменности // *Slověne*. 2016. Т. 5. № 1. С. 114–125. [Zholobov O.F. Notes on the word form *e* 'is' in old Russian and old Slavic writing. *Slověne*. 2016. Vol. 5. No. 1. Pp. 114–125. (In Rus.)]

Зализняк, 2008 – Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008. [Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, 2008.]

Керницький, 1967 – Керницький І.М. Система словозміни в українській мові (на матеріалі староукраїнських пам'яток XVI ст.). Київ, 1967. [Kernits'kii I.M. *Sistema slovovzmini v ukrains'kii movi* (na materiali staroukrains'kikh pam'yatok XVI st.). [The system of inflection in the Ukrainian language (based on the material of old Ukrainian monuments of the XVI century)]. Kiev, 1967.]

Мякишев, 2008 – Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008. [Myakishev V. *Yazyk Litovskogo Statuta 1588 goda* [The language of the Lithuanian Statute of 1588]. Kraków, 2008.]

Полоцкие грамоты, 2015 – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. М., 2015. [Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v. [Polotsk documents of 13th – beginning of 16th century]. A.L. Khoroshkevich (ed.) Vol. 1. Moscow, 2015.]

Потебня, 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. [Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [Notes on Russian grammar]. Moscow, 1958.]

Смирнова, 2018 – Смирнова Е.А. Формы прошедшего времени в «простой мове»: на материале Пересопницкого Евангелия в сравнении с Евангелием Тяпинского // *Slavistic avilnensis*. 2018. № 63. С. 173–195. [Smirnova E.A. Past tense forms in 'prostamova': On the material of the Peresopnytsia gospel in comparison with the gospel of Tyapinsky. *Slavistic Avilnensis*. 2018. No. 63. Pp. 173–195. (In Rus.)]

Толстая, 2012 – Толстая М.Н. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Т. 2. / Под ред. А.А. Плотникова. М., 2012. С. 190–211. [Tolstaya M.N. Carpathian Ukrainian enclitics in the South Slavic perspective. *Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft: Yazyk i kultura*. Vol. 2. A.A. Plotnikova (ed.). Moscow, 2012. Pp. 190–211. (In Rus.)]

Толстая, 2013 – Толстая М.Н. Энклитизация личных местоимений в украинских закарпатских говорах // *Slavica Svetlanica: Язык и картина мира: К юбилею Светланы Михайловны Толстой* / Под ред. А.В. Гура, О.В. Беловой, Е.Л. Березович. М., 2013. С. 134–142. [Tolstaya M.N. Enclitization of personal pronouns in the Transcarpathian Ukrainian dialects. *Slavica Svetlanica: Yazyk i kartina mira: K yubileyu Svetlany Mikhailovny Tolstoi*. A.V. Gura, O.V. Belova, E.L. Berezovich (eds.). Moscow, 2013. Pp. 134–142. (In Rus.)]

Толстая, 2014 – Толстая М.Н. Синтаксис возвратного **se* в говоре гуцульского села Головы начала XX века // *Діалекти в синхронії та діяхронії: загальнослов'янський контекст. Тези доповідей міжнародної конференції* / Під ред.

Ю.П. Грищенко. Київ, 2014. С. 483–489. [Tolstaya M.N. Syntax of the reflexive **se* in the dialect of the Hutsul village Golovy of the beginning of the XX century. *Dialekti v sinkhronii ta diakhronii: zagalnoslovyanskii kontekst*. P.Yu. Grishchenko (ed.). Kiev, 2014. Pp. 483–489. (In Rus.)]

Украинские грамоты, 1928 – Українські грамоти XIV – пер. пол. XV вв. / Под ред. В.А. Розова. Т. 1. Киев, 1928. [Ukrainski gramoti XIV – per. pol. XV vv. [Ukrainian letters 14th and first half of 15th centuries]. V.A. Rozov (ed.). Vol. 1. Kiev, 1928.]

Хабургаев, 1978 – Хабургаев Г.А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1978. № 4. С. 42–53. [Khaburgaev G.A. The fate of the auxiliary verb of ancient Slavic analytical forms in Russian. *Moscow University Philology Bulletin*. 1978. No. 4. Pp. 42–53. (In Rus.)]

Циммерлинг, 2013 – Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013. [Zimmerling A.V. Sistemy porjadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte [The system of word order of Slavic languages in the typological aspect]. Moscow, 2013.]

Циммерлинг, 2019 – Циммерлинг А.В. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 4. С. 41–57. [Zimmerling A.V. Pluperfect auxiliaries in the Russian language of the 14th–16th centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 2019. Vol. 18. No. 4. Pp. 41–57. (In Rus.)]

Шевелева, 2001 – Шевелева М.Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. научных статей к 80-летию проф. К.В. Горшковой / Под ред. Е.В. Клобукова. М., 2001. С. 199–216. [Sheveleva M.N. About the loss of the Old Russian perfect and the origin of dialect constructions with the word 'est'. *Yazykovaya sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve*. E.V. Klobukov (ed.). Moscow, 2001. Pp. 199–216. (In Rus.)]

Barszczewska, Jankowiak, 2012 – Barszczewska N., Jankowiak M. Dialektologia białoruska. Warszawa, 2012.

Danylenko, 2012 – Danylenko A. Auxiliary clitics in Southwest Ukrainian: Questions of chronology, areal distribution, and grammaticalization. *Journal of Slavic Linguistics*. 2012. Vol. 20. No. 1. Pp. 3–34.

Статья поступила в редакцию 28.08.2020

The article was received on 28.08.2020

Об авторе / About the author

Дойкина Ксения Юрьевна – кандидат филологических наук; научный сотрудник отдела древнерусского языка, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Ksenia Yu. Doykina – PhD in Philology; Researcher at the Old Russian Language Department, Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: kseniya.doykina@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55

Е.Н. Куликовская

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина,
196605 г. Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация

Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения

В статье решается актуальная методологическая проблема разграничения перформативных, полуперформативных и неперформативных глаголов в заговорах, связанная с перформативным характером ритуала как коммуникативного акта. Была выдвинута гипотеза о функционировании в текстах заговоров глаголов, наделенных особой ритуальной семантикой, противопоставленных каноническим перформативам и неперформативным единицам в составе заговора. В целях удобства для данных лексем был принят термин «заговорный полуперформатив». Представление о полуперформативности дает возможность отыскать лексическое, глагольное ядро заговорной перформативности, не ограничиваясь глаголами с семантикой речевого действия и в то же время оставаясь в рамках лингвистического анализа.

Ключевые слова: перформативный глагол, заговор, каузативность, иллокутивная цель, адресат

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Куликовская Е.Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 30–55. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55

E. Kulikovskaya

Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Pushkin, 196605, Russian Federation

Semi-performative verbs in Russian charms: Criteria and definition

In this article I discuss the actual methodological problem of distinguishing between performative, semi-performative and non-performative verbs in charms, associated with the performative nature of the ritual as a communicative act. I propose a hypothesis of the functioning in charm texts of verbs endowed with special ritual semantics, opposed to canonical performatives and non-performative verbs in charms. For convenience, the term “charm semi-performative” was adopted for these lexemes. The idea of semi-performativeness makes it possible to find the lexical, verbal core of charm performativity, not being limited to verbs with the semantics of speech action and at the same time remaining within the framework of linguistic analysis.

Key words: performative verbs, Russian charms, causative, intentionality, illocutionary goal, addressee

FOR CITATION: Kulikovskaya E. Semi-performative verbs in Russian charms: Criteria and definition. *Rhema*. 2021. No. 1. Pp. 30–55. (In Russ.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55

1. Введение

Текст заговора, заклинания (данные термины будут использоваться нами как синонимы) представляет собой перформативный текст, использующийся в ходе магического акта. В теориях ритуала ритуальная речь интерпретируется как особый вид речи, в которой звучащее слово приравнивается к действию, воспринимается как способное оказывать прямое, непосредственное влияние на действительность. В исследованиях заговора отмечалось, что он обладает свойством перформативности [Топоров, 1993, с. 7]. Развитие теории перформативности обусловило интерпретацию заговора как перформативного жанра.

Идея магической воздействующей силы слова нередко понимается как причина появления в языке многих перформативных высказываний [Тюпа, 2014, с. 107]. По Проскурину, культура предстает как сеть с перформативными высказываниями в качестве «узлов»: так, успешный вербальный перформатив является ядром ряда религиозных концепций [Проскурин, 2011, с. 25].

Широкая трактовка перформатива как действенного, эффективного воспроизведения какого-либо текста сближает перформатив и перформанс, позволяя осмыслить общность ритуала, театра, танца и других видов деятельности [Шехнер, 2020]. Семиотический подход к тексту делает возможным описание в качестве перформативов различных знаковых последовательностей, несводимых только лишь к вербальным действиям. Благодаря своей интегральной сущности перформативные исследования, поле которых вторгается в пределы философии, социологии, искусствоведения, культурологии и лингвистики, вносят серьезный вклад в изучение всех типов социальных взаимодействий и реальностей, возникающих в результате перформативов в каждой из сфер жизни (см., например: [Бурдье, 2005, с. 102–103]).

В свете распространения в 2010–2020 гг. новых видов коммуникации, таких, как креолизованная интернет-коммуникация, в которой, как и в ритуале, сочетаются вербальный и невербальный планы [Ягодкина, 2019]; в свете лингвистического изучения маркетинговых текстов, которое в настоящее время находится на пике, и непрерывного развития данной области, постоянного появления на наших глазах новых стилей и школ рекламных суггестивных текстов и осмысления исследователями данных текстов как структурно и прагматически схожих с заговорами на основании перформативных признаков («Подобно рекламе, заговоры актуализируются при произнесении текста и ориентированы на немедленное достижение результата, являясь, таким образом, ярким воплощением тождественности слова и дела» [Четыркина, 2002, с. 221]); наконец, в свете вхождения во всеобщий обиход социальных сетей и связанного с этим вынесения самого магического дискурса в публичное пространство, где соответствующие тексты активно функционируют, а также интенсивного развития урбанистической фольклористики, изучения городских мифологических представлений и магических практик, влияния на них телевидения и интернета – в свете всего того, что обуславливает выход фольклора за пределы породившей его среды [Христофорова, 2012; Байдуж, 2016; Неклюдов, 2019], интерес к перформативности, перформативным жанрам и магическим текстам нельзя считать исчерпанным: ощущается необходимость в анализе

различных перформативных текстов, а также в специальных исследованиях заговора с точки зрения перформативности в структурном, лингвистическом, прагматическом, сравнительном и других возможных аспектах.

Итак, подход к магическому тексту как к базовому, «чистому» перформативу существенно обогащает, с одной стороны, теорию перформатива, с другой – исследования заговоров с точки зрения семантики и прагматики использующихся в них языковых средств.

В настоящее время исследуются различные аспекты заговорной перформативности на региональном материале: так, М. Вильякайнен объясняет перформативность заговора присутствием в нем коммуникативной личности заговаривающего [Viljakainen, 2011, с. 203], Д. Вукелич рассматривает хорватские уроки как перформативную речь [Vukelic, 2019, p. 69]; Д. Николич понимает заговор как перформатив в русле прагмалингвистического подхода, с целью рассмотреть структуру обряда как ряд рациональных аргументативных техник для достижения желаемого эффекта [Nicolíć, 2019, p. 89].

Перформативность заговора как сакрально-ритуального акта обусловлена тем, что в нем соблюдаются перформативные конвенции (или «условия успешности») перформативного высказывания. Заговор не может быть истинным или ложным: однако он может быть успешным или неуспешным. Причем успешность определяется соблюдением некоторых условий: правильное место и время ритуала, личность заговаривающего, который наделен авторитетом «знающего» (см., например: [Христофорова, 2010; Мороз, 2012]). В качестве необходимых условий перформативности иногда называются вера в исполнение желаемого и адресованность: так, имя адресата – сверхъестественной силы, к которой обращается заговаривающий – называется в заклинании, но не называется в суде при требовании привести заклинание [Plomäki, 2019]. Результатом перформативного акта, по мнению заговаривающего, должно стать превращение желаемого в действительное: «Магические процедуры, как мы видим, имеют два логических хода. Первый ход – утверждение темы: вводится некое качество, метафорически поименованное знаком, создаваемым в процессе магического акта. Второй ход – перформативный акт, за счет которого утверждаемое качество присваивается объектам реального мира, что совершается за счет преобразования последних в иконические знаки, содержанием которых становится то же качество» [Адоньева, 2014, с. 395]. Понятая таким образом, ритуальная перформативность не ограничивается произнесением текста: текст может сопровождаться или полностью замещаться

действиями, вместо содержательного текста может произноситься так называемая «абракадабра», в которой единственным референтом являются сами слова [Meuser, Mirecki, 2002, p. 10], или использоваться магический перформативный объект [Strother, 2000].

Важнейшим подходом к изучению перформативности заговора является коммуникативный, или социально-интеракционный, подход. Перформативный ритуальный акт приводит к формированию определенной картины мира у участников интеракции за счет изменившейся коммуникативной установки, и заговор предстает в качестве одного среди многих вида ритуальной коммуникации, наряду с гаданием, литургией, профетивом, аутотренингом и пр. [Романова, 2001; Романов, Романова, Федосеева, 2013].

Вне теорий ритуала и анализа дискурса существует и иной метод изучения перформатива, заостряющий внимание на лексико-семантических характеристиках перформативного глагола, в частности, на особенностях его семантической сочетаемости, наличии у него определенных сем и пр. [Кошмидер, 1962; Апресян, 1986; Красина, 1999; Кустова, Падучева, 2003; Михеев, 2003; Hlebec, 2015]. Именно перформативный глагол является ядром перформативного высказывания-действия. Этот тезис неоднократно доказывался: так, П. Амрейн на материале результатов эксперимента показывает, что понимание речевого акта напрямую зависит от понимания интенции говорящего, выраженной глаголом [Amrhein, 1992, p. 780]. Под перформативным глаголом, как правило, имеется в виду глагол в 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. залога изъяв. накл., обладающий семантикой речевого действия и называющий речевой акт. Такие перформативы получили название эксплицитных (канонических).

Учитывая вышесказанное, мы можем описать заговор как область пересечения коммуникативной и лексико-семантической перформативности. С одной стороны, при помощи заговора, вне зависимости от его семантики, действие не описывается, а совершается; с другой стороны, в заговоре широко распространены канонические, особенно директивные, перформативные глаголы, эксплицирующие речевое действие, совершаемое посредством заговора. Перформативность как категория лексикализуется в заговорах при помощи глаголов в перформативной форме. Исследование семантики заговорных перформативных глаголов способно стать важнейшим шагом на пути к всестороннему описанию перформативности заговора.

Однако при рассмотрении перформативных глаголов в заговорах мы сталкиваемся с серьезной методологической проблемой. Е.Е. Левкиевская отмечает, что в заговорных текстах нередко встречается «использование в качестве перформативов таких глаголов, которые в обыденной

речи перформативами не являются» [Левкиевская, 2002, с. 224]. Так, произнося: *Я сваю скаціну зялезным тынам заграждаю* (бел.), заговаривающий не описывает свои действия, а совершает их. Употребляя неперформативные (не имеющие значения речевого действия) глаголы в эксплицитной форме, говорящий, тем не менее, не констатирует факт действия, а реализует апотропейческую функцию слов. Это же наблюдение делает М.В. Завьялова: «формой настоящего времени..., как правило, бывают выражены действия самого заговаривающего, реализующего желаемое действие в настоящий момент. Эти действия представляют собой в основном перформативные глаголы: *Змяя Шкурэпя, усіх цяпер – і жарых, і рабых, і ярых – усіх цяпер я дамаўляю, выгавараваю: выбер зубі* (Замовы, № 335, ад змей); *Загаварую чэлюшчы-прашчуршыны... Ссылаю на мхі, на балата, на ніцыя лозы, там, дзе сабакі не брахалі і сарокі не ішчакаталі* (Замовы, № 405, ад гадзюкі); *Рожжа-рожа, ты не прыгожа, ідзі ты на мхі, на балоты, на гнілыя калоды, на ніцыя лозы, на сцюдзёныя росы, на быстрыя воды. Я цябе словам убіваю* (Замовы, № 710, ад рожы)» [Завьялова, 2006, с. 70]. Соответственно, в заговорах границы перформативного глагола расширяются: в качестве перформатива понимаются не только эксплицитные глаголы, но и такие глаголы, как *ссылаю, убиваю* и др. Проблема, которую мы видим, связана с определением критериев выборки перформативных глаголов для последующего изучения. Решение этой проблемы явилось целью данной работы.

Для достижения цели нам понадобилось выполнить следующие задачи:

- 1) разграничить эксплицитные и неэксплицитные перформативные глаголы, использующиеся в заговорах;
- 2) отделить неэксплицитные перформативные глаголы от констативных глаголов в перформативной форме;
- 3) выявить и описать основы для формулирования семантических критериев неэксплицитной перформативности.

Мы придерживались традиционного понимания эксплицитного перформативного глагола как употребленного в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., называющего речевой или социально-институциональный иллокутивный акт. Мы исследовали также неперформативные глаголы в той же форме. Необходимо отметить, что заговорная перформативность несводима к данным глагольным формам и включает в себя другие временные, а также неличные формы.

Перформативность заговора обеспечивается выполнением условий успешности перформативного высказывания, а также представлением о воздействующей силе заговорного текста: грамматическая форма первого лица, как и в случае канонических перформативов в обыденной

речи, эксплицирует цель высказывания и соотносит его с настоящим моментом и лицом. Именно с точки зрения экспликации цели заговора формы 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. представляют наибольший интерес. Данные формы представляют собой модель перформативного высказывания, которое, безусловно, функционирует и в других вариантах [Кустова, Падучева, 2003]. В данной статье в центре нашего внимания находится именно эксплицитная перформативная форма: мы не затрагиваем, в частности, формы императива, которые, согласно некоторым исследователям, представляют собой скрытые перформативы (так, уже у Э. Бенвениста было предпринято разграничение императива и перформатива [Бенвенист, 1974, с. 309]). Это ограничение принято нами для удобства решения сформулированной проблемы, заключающейся в построении семантической классификации. Грамматический критерий и значимость эксплицитной формы рассматривается нами за пределами данной работы.

Материалом послужила выборка глагольных лексем в указанных формах объемом 367 единиц, выполненная из сборников «Великорусские заклинания» В. Майкова [Майков, 1869] и «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры» [Болонев и др., 1997]. Использовались только заговорные тексты.

Классификация была проведена нами по следующим направлениям:

- 1) каузативность;
- 2) иллокутивные характеристики;
- 3) адресованность.

2. Обоснование критериев выделения полуперформативных глаголов в заговорах

2.1. Каузативность

Перформативность и каузативность являются достаточно близкими категориями. В широком смысле каузативность можно понимать как функционально-семантическую категорию, объединяющую языковые единицы, функция которых «заключается не в передаче знаний, не в утверждении или отрицании чего-либо, а в побуждении к какому-либо действию или изменению состояния объекта» [Шустова, 2010]. Методом выявления семантики каузативности является каузативная перифраза: (1) «делать так, что» + (2) «некоторая ситуация возникает (или существует)» или «делать так, что некоторая ситуация начинает иметь место или имеет место». Каузативы могут выполнять две функции: дескриптивную и перформативную, при этом перформативной функцией обладают некоторые каузативы с семантикой речевого действия, дескриптивной же обладают все без исключения каузативы [Корди, 1985; Шустова, 2010].

В интерпретации категории каузативности мы следуем подходу С.В. Шустовой, которая подразделяет каузативы на информационно-модифицирующие, модифицирующие физическую сферу, физическое состояние, психическую, эмоционально-волевую, перцептивную сферы. Согласно Шустовой, некоторые информационно-модифицирующие глаголы имеют перформативное употребление. Это канонические перформативы, в которых семантический признак «способ каузации» представлен семой «речевая каузация». Таков, например, каузатив *отрицаю* в примере *Я не в первый раз отрицаю это обвинение* употреблен дескриптивно, а в примере *Я отрицаю это обвинение* – перформативно.

Существуют каузативные информационно-модифицирующие глаголы, перформативное употребление которых равносильно иллюкутивному самоубийству и потому недопустимо: например, *убеждать* или *подтверждать*.

Таким образом, знак равенства между перформативами и каузативами невозможен. Тем не менее, каузативность часто сближается с перформативностью. Каузативность подразумевает создание некоторой новой ситуации; перформативность также связана с актом перехода от ситуации 1 к ситуации 2, однако в случае перформативности эта новая ситуация реализуется непосредственно в коммуникативном пространстве речевого акта. По А.А. Романову, несмотря на то, что «перформативность не определяется конструктивными свойствами высказываний или семантикой перформативного глагола» [Романов, 1984, с. 92], перформативные признаки, тем не менее, могут быть выделены в качестве сем эксплицитности, локутивности, акциональности и результативности [Романов, 1987, с. 3–4], при этом акциональность «находится в тесной связи с каузативным характером ПГ (перформативного глагола. – Е.К.)» [Там же], который отличается от других, неречевых каузативов инструментальной природой каузации. Инструментальный характер речевой каузации определяет конкретный способ воздействия говорящего на адресат [Там же].

Наличие у глагола, употребленного в перформативной ситуации, признака каузативности может рассматриваться в качестве критерия для выделения таких глаголов в особую группу ядерных лексем в составе заговора, в которых эксплицируется иллюкутивная функция заговора.

Каузатив перформативизируется в том случае, если говорящий совершает воздействие с целью изменения непосредственно при помощи речи и в момент речи. В заговорах происходит именно это, но существует важное отличие перформативных каузативов с любой семантикой в заговорах и тех же глаголов в обыденной речи. Если каузатив

употреблен перформативно в обыденном общении, то он выполняет информационно-модифицирующую функцию: новая ситуация, создаваемая каузативом, связана с изменением информационных установок участников коммуникации. Функция заговорных перформативных каузативов иная: ее можно назвать креативной, как и функцию всего заговора [Левкиевская, 2002], поскольку большинство заговоров, за счет реализации в них магической функции языка, имеют в качестве интенции прямое непосредственное влияние на окружающую действительность:

- (1) *Гоню я въ избу свою молодцовъ, не воровъ, наѣзжайте ко мнѣ женихи съ чужихъ дворовъ* [Майков, 1869, с. 25].

В заговоре информационно-модифицирующее слито с креативным. Граница между изменением информационной установки и, например, излечением болезни крайне зыбкая. Одно перетекает в другое, чем обеспечивается суггестивность заговора:

- (2) Так же раб (имярек) *беру* ту же калену лукову стрелу и *состреливаю* с раба (имярек) порчу: с его тела, с его крови, с его легкой печени, с семидесяти семи жил, с семидесяти семи суставов на пни, на колоды, на зыбучие болота [Болонев и др., 1997, с. 462].

Вера в то, что символические действия, называемые каузативными глаголами, ведут к действительному изменению ситуации, заставляет обращаться к заговорам снова и снова, за счет чего русская заговорная традиция продолжает жить и по сей день.

Анализ заговорных глаголов в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. при помощи каузативной перифразы показал, что эти глаголы можно разделить на обладающие каузативной семантикой и не обладающие каузативной семантикой.

Эксплицитные перформативные глаголы в заговорах являются каузативами (кроме глагола *говорю*, однако его употребление зафиксировано в качестве синонима *заговариваю*). Помимо директивов *прошу*, *молю*, *умоляю*, *приказываю* и глаголов, обозначающих социально-институциональные акты, таких, как *клянусь*, *отрекаюсь*, *отлучаю*, *кланяюсь*, в заговорах распространены канонические перформативы с ритуально-магической семантикой, называемые иллокутивный акт заговора, представляющие собой приставочные образования с семантикой результата: *заговариваю*, *выговариваю*, *отговариваю*, *уговариваю*, *приговариваю*, *наговариваю*.

Что касается неперформативных заговорных глаголов, то они могут как обладать, так и не обладать семантикой каузативности. Обладающие

семой каузации глаголы называют основное ритуальное действие, ведущее к конечному или промежуточному результату. Среди них также распространены приставочные образования несовершенного вида, имеющие коррелят совершенного вида: *прирываю, покрываю-ся, вытапываю, загрызаю, прикалываю, перерубаю, выгоняю, высылаю, погоняю, выкуриваю, запускаю, сдуваю* и т.д. Не обладающие семантикой каузативности глаголы, как правило, представляют собой лексемы со статальной семантикой или глаголы, не имеющие семы результата, зачастую десемантизированные, или глаголы восприятия, интеллектуальной деятельности: *стою, сижу, начинаю, смотрю, вижу*.

Перечисленные глаголы, не обладающие семой каузации, безусловно, также выполняют перформативную функцию в составе заговора, однако весьма опосредованно, в составе нарративной части заговора, как правило, в качестве зачина; каузативные же глаголы называют ритуальный иллокутивный, пусть и неречевой, акт. Чтобы избежать терминологического смешения, для таких глаголов мы использовали термин «заговорный полуперформатив». Полуперформатив следует отличать не только от неперформатива, но также и от квазиперформатива – перформативного глагола в перформативном употреблении, но в грамматической форме, отличной от эксплицитной (см., например: [Кустова, Падучева, 2003]). Выбрав термин «полуперформатив», мы следуем определению, данному в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», которое гласит, что полуперформативные глаголы – это «принципиально неперформативные глаголы, которые в форме 1 л. ед. наст. несов. изъяв. при обращении к адресату в определенных прагматических условиях приобретают некоторые черты перформативов» [Новый словарь синонимов, 2004, с. 40]. Заговор предоставляет эти прагматические условия. Необходимо отметить, что, традиционно используя данный термин, мы не имеем в виду «большей» или «меньшей» перформативности тех или иных элементов заговора: отделив полуперформативные глаголы от перформативных и неперформативных, мы преследуем типологическую цель, достижение которой путем описания и анализа конкретного материала позволит лучше понять структуру и семантику заговора.

Мы описали первый критерий, позволяющий нам классифицировать заговорные глаголы в эксплицитной грамматической перформативной форме. Данные глаголы подразделяются на следующие группы:

- 1) эксплицитные перформативные глаголы-каузативы;
- 2) полуперформативные глаголы-каузативы;
- 3) неперформативные некаузативные глаголы.

За счет каузативного анализа наше описание заговорной перформативности расширилось до неперформативных каузативных глаголов, которые мы назвали заговорными полуперформативами. Однако семантическая специфика заговорных полуперформативов не исчерпывается семой каузации. Для лучшего понимания феномена полуперформативности необходимо привлечь и другие критерии.

2.2. Иллокутивные характеристики

Еще одним свойством, объединяющим категории каузативности и перформативности, является интенциональность. Выделенные нами для исследования перформативные и полуперформативные глаголы относятся к глаголам интенциональным, т.е. содержащим информацию о намерении говорящего. Для нас существенным является разграничение интенциональности как коммуникативного намерения и глобальной интенции, выполненное Дж. Сёрлем [Сёрль, 1987, с. 96]. Глобальная интенция представляет собой направленность на реальный мир, связанную с волей, чувствами, эмоциями говорящего. Интенциональность как коммуникативное намерение «представляет конкретную цель высказывания, отражающую потребности и мотивы говорящего» [Мощева, 2015, с. 41].

С понятиями глобальной интенции и интенции-намерения сопряжены следующие важные понятия: иллокутивный акт, иллокутивная цель, иллокутивная сила. Под иллокутивным актом мы подразумеваем акт, отличающийся от локутивного своей интенциональностью и конвенциональностью. Иллокутивный акт невозможен без направленности, лежащей за пределами высказывания: проекция (экспликация) данной направленности называется иллокутивной силой (см., например: [Романов, 2006]). Иллокутивная цель же представляет собой выражение коммуникативного намерения говорящего или интенции, имеющей отношение к доязыковой фазе общения [Василина, 2005, с. 45].

Доязыковой фазой заговорного текста является некая потребность, имеющая типический, универсальный характер и не принадлежащая говорящему как индивидууму. Глобальная интенция заговора связана с дестабилизацией человека в социальной и пространственно-временной сети, приведшей к возникновению страдания, и с желанием это страдание устранить [Адоньева, 2020, с. 21]. Коммуникативное намерение в самом общем виде может быть сформулировано как стремление к исполнению желаемого посредством слова: «заговорить» болезнь, нужду, тоску и т.д. Как отмечают П.М. Джонс и Л.Т. Олсан, иллокутивная сила заговора создается посредством аккумуляции всех актов такого же типа, предшествующих данному [Jones, Olsan, 2015, p. 409]. Иллокутивная

сила определяет вид заговора и, как правило, в изданиях формулируется в комментариях к заговору: «от порчи», «от грыжи», «присушка», «отсушка» и пр. Иллокутивными целями заговоров будет соответственно «снятие порчи», «исцеление от грыжи», «вызывание чувства любви», «избавление от чувства любви» и т.д.

Способ достижения иллокутивной цели осмысливается в причинно-следственных категориях традиционной культуры и подразумевает некое ритуальное действие, исполняемое без текста, с текстом или представляющее собой только произнесение текста. Соотнеся иллокутивную цель рассмотренных нами выше перформативных каузативов с иллокутивной целью заговорных текстов, в которых данные каузативы встречаются, мы можем увидеть, что анализируемые глаголы разбиваются на следующие группы.

1. Глаголы, иллокутивная цель которых является способом достижения цели заговора

Выделенные нами полуперформативы относятся именно к этой группе. Полуперформатив метафорически или метонимически называет способ достичь желаемой цели и реализовать глобальную интенцию – устранить страдание, нужду, недостачу. Сама цель при этом не называется:

- (3) Уроки, пригады, посмеща, и коли, и боли, и притчи, и падчи
я *высылаю* за крутые горы, глубокие мори, где быдло не ходит,
где певень голос не доносит [Болонев и др., 1997, с. 391].

В качестве способа избавиться от нужды является высылание ее причины в топос, где нарушен нормальный миропорядок, именно это осуществляется посредством произнесения полуперформатива *высылаю*.

- (4) Нож в землю *втыкаю* – злым людям и колдунам язык *подрезаю*
[Болонев и др., 1997, с. 397].

Здесь достижение цели осуществляется в два этапа: произнесение глагола, обозначающего символическое ритуальное действие (вне зависимости от того, втыкает говорящий нож в землю в действительности или нет), и метафорическое толкование этого действия. Апотропеическая цель – защита от колдунов – может быть достигнута, если колдуны будут обезврежены, а обезвреживание, в свою очередь, становится возможным, если будет нанесено повреждение самому опасному оружию колдуна – языку.

2. Глаголы, цель которых равна цели заговора

В отличие от глаголов первой группы, эти глаголы называют не способ, а саму цель. Мы также относим их к полуперформативам. Представляется, что различие между этими двумя группами не столь важно, т.к.

и те, и другие глаголы являются, по сути, перформативно употребленными констативами со значением ритуального действия. Существенная особенность заключается в отсутствии у глаголов данной группы метафорического значения:

- (5) А я, раб Божий (имярек), *заряжаю* свое калено ружье сизым-черным порохом, селитрой и пулей свинцовой [Болонев и др., 1997, с. 292].

Зарядить ружье – не способ достижения цели, а сама цель этого заговора. Сопровождая процесс подготовки оружия заговором, охотник не достигает никакой иной цели посредством ритуального действия. Заговор (правильнее называть его приговором) служит лишь для придания большего значения совершаемому действию.

3. Глаголы, цель которых равна цели отдельного речевого акта в составе заговора, но не цели всего заговора

К этой группе относятся почти все эксплицитные заговорные перформативы.

- (6) Мать ты моя, вечерняя звѣзда, *жалуюсь* я тебѣ на двѣнадцать дѣвицъ, на Иродовыхъ дочерей [Майков, 1869, с. 52].

Перформативный глагол *жалуюсь* вводит иллюкутивный акт жалобы, обладающий собственной иллюкутивной целью, которую по отношению к цели всего заговора можно назвать микроцелью. Эксплицитные перформативы в составе заговора служат для моделирования некоей коммуникативной ситуации, в которой высказывается определенное желание, и далее, в зависимости от достижения микроцели и готовности виртуального, мифологического адресата исполнить желаемое, достигается основная цель заговора:

- (7) *Молюся* тебѣ, святой пророче Божій Ілія, пошли тридцать ангеловъ въ златокованномъ платѣѣ, съ луки и стрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ (имя рекъ) уроки и призоры, и притки, щипоты и ломоты, и вѣтроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетаетъ, на черныя грязи, на топучія болота, и встрѣчно и поперечно, стамово и ломово – на молоду, на ветху и на перекофъ мѣсяцѣ [Там же, с. 83].

Микроцель выражена эксплицитным перформативным глаголом *молюся*, вводящим акт с иллюкутивной силой мольбы. Далее, при помощи конструкции «да будет так» формулируется способ достижения основной цели заговора – защиты от болезней.

В рассмотренном разграничении кроется второй критерий, позволяющий отличить полуперформативный глагол от канонического. Однако здесь имеются исключения:

- (8) *Еду я из поля в поле, во зеленые луга, в дальние места по утренним зорям и вечерним закатам, умываюсь медной росой, утираюсь солнцем, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами и еду я, еду я* [Болонев и др., 1997, с. 336].

Иллокутивные акты в этом примере также ведут к микроцели – подготовке говорящего к основной части ритуала. Как правило, это полуперформативные глаголы с семантикой очищения, помещения (преимущественно покрытия, открытия, закрытия, одевания), а также движения и перемещения. Их функция обуславливает и их композиционное положение – зачин или закреп:

- (9) *Заключаю, замыкаю* все слова сполна [Там же, 1997, с. 343].

Итак, мы видим, что к данной категории могут относиться не только эксплицитные, но и полуперформативные глаголы, обладающие особой семантикой, обуславливающей их положение в зачине или в закрепе.

4. Глаголы, цель которых равна коммуникативному намерению заговаривающего

- (10) *Заклинаю* вы, трясавицы, иже семь сестрь дневныя и три дневныя, и они вси нудя раба Божія (имя рекъ) крестьянска, чтобы естя отъ него отошли вси отсель не и мѣсте власти ни мучити, престали бы естя, заклиная же васъ Богомъ живымъ, Богомъ истиннымъ, Богомъ святымъ, чтобы естя отошли отъ сего раба Божія (имя рекъ) крестьянска во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь [Майков, 1869, с. 47].

Рассматриваемая группа представляет собой своеобразное исключение. Глаголы *заговариваю*, *заклинаю* в значении ‘осуществляю магическое воздействие’ (здесь не рассматриваются иные значения этих слов) являются каноническими, обозначающими речевое действие перформативами. В то же время они отличаются ограничениями узуса: используя перформативно за пределами ритуально-магической речи, они трансформируют дискурс, превращая произносимый текст в ритуальный. В их лексической семантике в самом общем виде выражается коммуникативная цель – «заговорить, заклясть».

Приведем еще несколько примеров, чтобы проиллюстрировать сказанное:

- (11) ...наговариваю, отговариваю рабъ Божій (имя рекъ) изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ, изъ поджилковъ, изъ состава, изъ полусостава, изъ буйной головы, изъ реберной кости, изъ горючей крови, изъ тощаго живота, изъ drobныхъ кишокъ [Майков, 1869, с. 71].
- (12) *Отговариваю* (имя рекъ) отъ колдуна и колдунницы, отъ чернаго и чермнаго, отъ бѣлаго и русаго, отъ дѣвки самокрутки, отъ бабы простоволоски [Там же, 1869, с. 93].
- (13) *Оговариваюсь* я, рабъ Божій (имя рекъ), животворящую божественную молитвою, и оговариваюсь животворящимъ крестомъ, и тридевятъ тынами желѣзными, и замыкаюсь словами евангельскими, и покрываюсь облаками небесными, и становлюсь противъ судей и командировъ, и припаль къ матери сырой землѣ [Там же, 1869, с. 150].
- (14) *Высылаю-выговариваю* с рабы Божией (имярек) нечистую силу [Болонев и др., 1997, с. 396].

Таким образом, изучая интенциональность заговорных глаголов, мы приходим к вышеприведенной классификации. При ее построении различаются:

1) глобальная интенция, представляющая собой основной мотив, психологическую причину, которая заставляет заговаривающего обратиться к магическому ритуалу как способу решения проблемы;

2) частная интенция как коммуникативное намерение, с которым производится целостный акт заговора;

3) иллокутивная сила заговора как проекция иллокутивного акта на заговор как речевое произведение;

4) иллокутивная сила отдельных иллокутивных актов, входящих в состав заговора;

5) иллокутивная цель заговора как целостного произведения;

6) иллокутивная цель отдельных иллокутивных актов, входящих в состав заговора как способ достижения цели заговора и реализации глобальной интенции;

7) иллокутивная цель перформативного или полуперформативного глагола как функция-потенция, заложенная в семантике глагола.

Полу- и эксплицитные перформативы разграничиваются исходя из соотношения между целью заговора и целью глагола: полуперформатив, как правило, выражает способ достижения основной цели заговора, а эксплицитный перформатив, за некоторыми исключениями, — частной цели или микроцели речевого акта, входящего в состав заговора.

2.3. Адресованность

Адресованными являются все акты обращения к адресату, используемые в заговоре, вне зависимости от того, используются в них перформативные, полуперформативные или неперформативные глаголы. Вместе с тем, как указывает Д. Войводич, перформативные глаголы сами по себе, наряду с другими переходными глаголами, обладают транзитивностью, объектной интенцией [Войводич, 1999, с. 74]. Отметим, что, поскольку данная валентность для большинства перформативных глаголов обязательна, эксплицитное выражение ее при помощи местоимения не является необходимым. При выражении же местоимением передается именно значение адресата коммуникативного акта [Там же]. Канонические перформативы имеют обязательную семантическую роль адресата, который, в случае реализации успешного перформатива, принадлежит к «Ты-категории». Как отмечает Ю.Д. Арутюнова, большинство речевых актов в теории Остина-Вендлера являются строго адресованными [Арутюнова, 1981]. Изменение лица местоимения, замещающего семантическую позицию адресата, приводит к констативизации перформатива:

Я приказываю (вам/тебе) удалиться (перформатив) –

Я приказываю ему удалиться (пояснение, констатив);

Я прошу (вас/тебя) помочь – Я прошу его помочь.

Итак, в исследованиях адресованности перформатива подчеркивается направленность его на слушателя [Россолова, 2011]. Канонический перформатив адресован участнику (одному или нескольким) коммуникативного акта. Не будучи адресованным подобным образом, перформатив утрачивает перформативные характеристики. Успешность иллокутивного акта (перлокутивный эффект) с каноническим перформативом зависит от реакции и последующих действий адресата.

Заслуживает внимания различие в характере адресата у иллокутивных и перлокутивных перформативных глаголов. Иллокутивные глаголы обнаруживают коммуникативное задание (см. об этом [Арутюнова, 1981]). Подчеркнем еще раз, что реализация этого коммуникативного задания зависит от адресата, от его желания/возможности выполнить то действие, которое необходимо адресанту.

В проанализированном материале обнаружены следующие глаголы, обладающие данным типом адресованности: *молюсь(-ся), призываю, вызываю, выкликаю, прошу, молю, умоляю, приказываю, поминаю, прибегаю, корюсь, кланяюсь*.

В обыденной речи данные глаголы адресуются, как уже было сказано выше, одушевленному участнику коммуникации, способному принять

активное участие в общении. В заговорах, однако, дело обстоит несколько иначе.

Большинство канонических перформативов в заговорах (все иллокутивные глаголы) направлены на виртуального адресата, эксплицируя речевой акт обращения к воображаемому, мифологическому персонажу. Выбор речевого акта обусловлен представлением об этом персонаже, бытующим в культуре, в то же время посредством речевого акта образ персонажа конструируется. Определяются не только типические черты персонажа, но и иерархические отношения между ним и заговаривающим. Так, мольба, просьба, молитва, поклон употребляются при обращении к безусловно положительному образу: Богородице, святым, звезде:

- (15) *Молюся* тебѣ, святыи пророче Божій Ілія, пошли тридцать ангеловъ въ златокланномъ платьѣ, съ луки и стрѣлы, да отбивають и отстрѣливають отъ (имя рекъ) уроки и призоры, и притки, щипоты и ломоты, и вѣтроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетаетъ, на черныя грязи, на топучія болота, и встрѣчно и поперечно, ставово и ломово – на молоду, на ветху и на перекроѣ мѣсяцѣ [Майков, 1869, с. 83].

Обращаясь к отрицательному персонажу (змеиной царице, персонификациям болезней), говорящий справляется со страхом, ставя себя выше этого персонажа, употребляя форму приказа:

- (16) (к змее) Я тебе *приказываю*: – Иди, приведи мне мать с отцом, братьев и сестер, и всех детей! [Болонев и др., 1997, с. 298].

Заговорные перформативные глаголы, имеющие обязательную валентность, заполняемую актантом с семантическую ролью адресата, мы обозначили как имеющие адресатную направленность. В заговорах данные перформативные глаголы совпадают с иллокутивными глаголами. В материале отсутствуют примеры употребления подобных перформативов, направленных адресату какого-либо другого типа (реальному собеседнику), поэтому мы назвали рассмотренный тип адресата воображаемым, или виртуальным.

Другой тип адресованности представляют перлокутивные глаголы: *заговариваю, уговариваю, отговариваю, приговариваю, наговариваю, выговариваю, заклинаю, отлучаю*.

Наибольший интерес вызывают типично заговорные глаголы: *заговариваю* и его дериваты (*уговариваю, выговариваю, наговариваю* и т.д.), а также *заклинаю* (в значении ‘подвергаю магическому воздействию’). Их исключительность проявляется и здесь, что связано, как мы уже

выяснили, с особенностями их каузативной семантики. Будучи перформативами речевой деятельности, они каузируют не информационную модификацию, а напрямую направляются на одушевленный или неодушевленный объект. В отличие от других заговорных эксплицитных перформативов, *заговариваю* может использоваться применительно к реальному участнику коммуникации (например, больному). Синтаксическая позиция актанта замещается прямым дополнением. При этом результатом каузации должно, по мнению говорящего, явиться не воздействие на сознание, а изменение состояния другого лица (можно предположить, что воздействие осуществляется на бессознательном уровне). Такой адресат уже не является адресатом в полной мере – скорее, он представляет собой пациенс, или одушевленный объект воздействия. Такое же воздействие может осуществляться на неодушевленный объект или на самого заговаривающего (возвратные формы).

В этом *заговариваю* сближается с другими заговорными перлокутивными глаголами (*отрекаюсь, отлучаю*), являющимися глаголами речевого/социального действия. В случае этих перформативов один актант совмещает в себе роли объекта и адресата: он воспринимает некую информацию и одновременно подвергается некоторому воздействию, которое не ограничивается убеждением или внушением.

Такой тип адресованности мы назвали адресатно-объектным.

Наибольший интерес представляют глаголы, в семантике которых отсутствует компонент речевого действия/воздействия:

- (17) Рожа синяя, рожа белая, красная рожа, желтая рожа, подуманная рожа, погаданная рожа, замоченная рожа, заветрянная рожа, огневая, я тебя *выгоняю, выкуриваю, вытаптываю*. *Выгоняю* из рабы Божьей (имярек) [Болонев и др., 1997, с. 443].

Несмотря на то, что в заговоре глаголы *выгоняю, выкуриваю, вытаптываю* адресуются болезни, которая предстает в виде живого существа, такой адресат является лишь номинальным. Болезнь не является участником коммуникации, способным услышать сообщение и отреагировать на него: она выступает как объект, над которым осуществляется действие.

Наиболее наглядно это можно увидеть в примерах, в которых воздействие направляется на объект, который даже гипотетически не мыслится как одушевленный:

- (18) *Утверждаю* поклажу сію на камнѣ Алатырѣ, замокъ *отмыкаю* въ небѣ, ключъ въ морѣ [Майков, 1869, с. 109].

От реакции адресата перлокутивный эффект здесь не зависит совсем: адресат как таковой в этих высказываниях отсутствует, а глаголы

в эксплицитной перформативной форме выражают желаемое событие, которое, посредством перформативного акта, превращается в действительное: в результате речевого акта болезнь «становится изгнанной», поклажа – «утвержденной», замок – «отомкнутым».

Направленность таких глаголов мы назвали объектной. В заговорах это следующие глаголы преимущественно физического воздействия на объект: *выгоняю, погоняю, гоню, высылаю, стрелю, состреливаю, отсекаю, рублю, перерубаю, секу, укрощаю, выкуриваю, парю, загрызаю, грызу, закалываю, сажу, запускаю, черпаю, утверждаю (утверждаю), заламываю, приламываю, прирываю, кладу, отпираю, окружаю, ограждаю, заряжаю, зарываю, топчу, колю, втыкаю, сдуваю, вытпываю, прикалываю, беру, укрепляю, отмыкаю, заключаю, отпускаю.*

Автонаправленность полуперформатива также формируется за счет магической функции языка. Заговаривающий не вступает с собой во внутренний диалог, как не вступает он в диалог с объектом заговаривания, а производит над собой воздействие, приводящее к самотрансформации:

- (19) Заговоромъ я *заговариваюсь*, желѣзнымъ замкомъ *запираюся*, каменнымъ тыномъ *огораживаюсь*, водой ключевой *прохлаждаюся*, пеленой Божіей Матери *покрываюся* [Майков, 1869, с. 158].

Автонаправленные полуперформативы одновременно и перемещают говорящего в сакральный модус, и обеспечивают защиту в символическом, мифопоэтическом пространстве, являющемся для человека чужим.

Подобные глаголы, представленные в заговорах лексемами *отрекаюсь, предаюсь, оговариваюсь, заговариваюся, огораживаюсь, ложусь/ложуся, умываюся, утираюся, одеваюсь, облакаюся, замыкаюся, прохлаждаюся, вооружаюся, справляюся, опоясываюся, крещусь, пособляюся, помогаюся*, мы назвали автоадресованными. Эти глаголы распределяются между адресатно-объектным типом и объектным типами адресованности.

Мы видим, что существует два полюса адресованности заговора: адресатный и объектный. Можно проиллюстрировать это при помощи схемы (рис. 1).

Из эксплицитных перформативов иллокутивные глаголы находятся ближе к адресату (носящему виртуальный характер), перлокутивные глаголы могут быть направлены на виртуального адресата или самого говорящего. *Заговариваю* и его дериваты направляются как на объект, так и на адресанта. Направленность на объект, отсутствие такого важного

признака перформативного высказывания, как адресат, являющийся участником коммуникации/автокоммуникации, может считаться одним из критериев полуперформативного глагола.

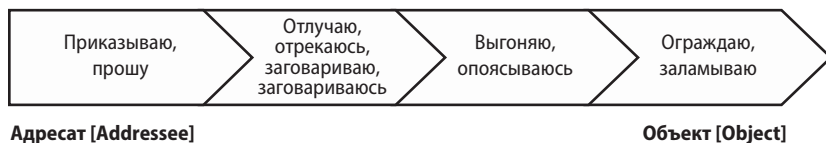

Рис. 1. Полюсы адресованности заговора

Fig. 1. Poles of charm Addressness

3. Заключение

Выведенная нами гипотеза о существовании и функционировании полуперформативных глаголов в заговорах как особых перформативных единиц, противопоставленных эксплицитным перформативам и периферийным перформативным единицам, полностью подтвердилась. Предложенные критерии каузативности, иллокутивных параметров и адресованности позволяют выделить полуперформатив как отдельную лексему, являющуюся ядром перформативного акта заговора. Заговорный полуперформативный глагол мы понимаем как перформативно употребленный неперформативный глагол в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. залога изъяв. накл. Перформативность таких глаголов обуславливается самим характером дискурса ритуальной коммуникации, в которой совершаемые действия осмысляются как оказывающие буквальное, прямое воздействие на реальный мир.

Полуперформативы характеризуются следующими признаками.

1. Каузативная семантика, которая противопоставляет полуперформативные перформативным глаголам в составе заговора как глаголы, в семантике которых имеется воздействие с целью изменения. Одновременно с этим каузативность объединяет полу- и эксплицитные перформативы в группу заговорных перформативных каузативов, различающихся лишь по способу каузации: в случае эксплицитных перформативов способом каузации становится речь или социальное действие; в случае полуперформативов иное, неречевое (как правило, физическое) действие.

2. В качестве иллокутивной цели полуперформативов выступает способ достижения основной цели заговора или цели типизированной, формульной части заговора (зачина, закреп), что противопоставляет полуперформативы каноническим перформативам, выражающим

не способ, а саму цель речевого акта или всего заговора. Используя полуперформативный глагол, говорящий осуществляет действие, при помощи которого достигается цель. Между способом и целью при этом обнаруживается устойчивая метафорическая или метонимическая связь, отраженная и закреплённая в коллективных фольклорных представлениях.

3. Полуперформативы могут быть направленными на объект с целью его непосредственного изменения, что также отличает их от эксплицитных перформативов, для которых направленность на одушевленного участника коммуникации является неотъемлемой характеристикой.

Особым положением обладают глаголы *заговариваю, уговариваю, выговариваю* и пр., эксплицирующие коммуникативное намерение заговаривающего и обладающие направленностью как на адресата, так и на объект. Они занимают промежуточное положение между каноническими и полуперформативными глаголами. На примере этих глаголов мы наиболее ярко наблюдаем то, что ритуально-магическая речь перестает мыслиться как речь в собственном смысле этого слова и начинает восприниматься как действие в ряду других ритуальных действий: оговаривания, закрытия, повреждения или изменения объекта и т.д.

Три выделенных критерия упрощают работу с заговорным материалом, позволяя, с одной стороны, расширить представление о заговорном перформативе, с другой стороны, провести границы между типами заговорных перформативных единиц для удобства последующего описания.

Библиографический список / References

Адоньева, 2005 – Адоньева С.Б. Конвенции ритуально-магических актов // Заговорный текст. Генезис и структура / Под ред. Л.Г. Невской, Т.Н. Свешниковой, В.Н. Топорова. М., 2005. С. 385–401. [Adonyeva S.B. Conventions of ritual magic acts. *Zagovornyi tekst. Genезis i struktura*. L.G. Nevskaya, T.N. Sveshnikova, V.N. Toporov (eds.). Moscow, 2015. Pp. 385–401. (In Rus.)]

Апресян, 1986 – Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Сер.: Литературы и языка. 1986. № 3 (45). С. 208–223. [Apresian Yu.D. Performatives in Grammar and Lexis. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka*. 1986. No. 3. Pp. 208–223. (In Rus.)]

Арутюнова, 1981 – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1981. [Arutjunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning]. Moscow, 1981.]

Байудж, 2016 – Байудж М.И. Столкновение «городского» и «традиционного» дискурса о магических специалистах в украинском анклав Саратовской области (научный руководитель Е.Е. Левкиевская) // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции: Этнография, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г. Новосибирск, 2016. С. 50–51. [Bajudzh M. The clash of “urban” and “traditional” discourse about magic specialists in the Ukrainian

enclave of the Saratov region (supervisor E.E. Levkievskaya). *Conference book of 54th International Scientific Student Conference: Ethnography, Novosibirsk, 16–20 April, 2016*. Novosibirsk, 2016. Pp. 50–51. (In Rus.)]

Бенвенист, 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. [Benveniste E. *Obshhaja lingvistika* [Problèmes de linguistique générale]. Moscow, 1974.]

Болонев и др., 1997 – Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск, 1997. [Russkiy kalendarno-obryadovy folklor Sibiri i Dalnego Vostoka: pesni, zagovory [Russian calendar-ritual folklore of Siberia and the Far East: Songs, conspiracies. F.F. Bolonev, M.N. Melnikov, N.V. Leonova (compilers)]. Novosibirsk, 1997.]

Бурдьё, 2005 – Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. [Bourdieu P. *Socialnoe prostranstvo: polja i praktiki* [Espace social : champs et pratiques]. St.-Petersburg, 2005.]

Войводиц, 1999 – Войводиц Д. О валентности перформативных глаголов в славянских языках // Сборник Матице српске за славистику. 1999. № 56–57. С. 71–94. [Voivodich D. On the valency of performative verbs in Slavic languages. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*. 1999. No. 56–57. Pp. 71–94. (In Russ)]

Завьялова, 2006 – Завьялова М.В. Балто-славянский заговорный текст: Лингвистический анализ и модель мира. М., 2006. [Zavyalova M.V. *Balto-slavyanskii zagovornyi tekst: Lingvisticheskii analiz i model mira* [Balto-Slavic charm text: Linguistic analysis and model of the world]. Moscow, 2006.]

Комлева, 2009 – Комлева Е.В. Функционирование директивного речевого акта в апеллятивном тексте (на материале современного немецкого языка) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 118–125. [Komleva E. Functioning of a directive speech act in appellative text (based on Modern German). *Izvestiya: Herzen University Journal Humanities & Science*. 2009. No. 90. Pp. 118–125. (In Rus.)]

Корди, 1985 – Корди Е.Е. Побудительные значения конструкций с каузативными и модальными глаголами (на материале французского языка) // Типология конструкций с предикатными актантами / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1985. С. 187–194. [Kordi E.E. Motivational meanings of constructions with causative and modal verbs (based on French). *Tipologiya konstruktсии s predikatnymi aktantami*. V.S. Khrakovsky (ed.). Leningrad, 1985. Pp. 187–194. (In Rus.)]

Кошмидер, 1962 – Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида / Отв. ред. Ю.С. Маслов. М., 1962. С. 105–166. [Koszmider E. Essay on the types of Polish verb. Synthesis experience. *Voprosy glagolnogo vida*. Yu.S. Maslov (ed.). Moscow, 1962. Pp. 105–107. (In Rus.)]

Красина, 1999 – Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. [Krasina E.A. *Semantika i pragmatika russkikh performativnykh vyskazyvaniy* [Semantics and pragmatics of Russian performative utterances]. Dr. Hab. diss. Moscow, 1999.]

Кустова, Падучева, 2003 – Кустова Г.И., Падучева Е.В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблении // Логический анализ языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2003. С. 561–571. [Kustova G.I., Paducheva E.V. Performative verbs in non-performative uses. *Logicheskii analiz yazyka*. N.D. Arutiunova (ed.). Moscow, 2006. Pp. 561–571. (In Rus.)]

Левкиевская, 2002 – Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002. [Levkievskaya E.E. Slavyanskii obereg. Semantika i struktura [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow, 2002.]

Майков, 1869 – Майков В. Великорусские заклинания. СПб., 1869. [Maykov V. Velikorusskie zaklinaniya [Great Russian spells]. St. Petersburg, 1869.]

Михеев, 2003 – Михеев М.Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание, или Чем можно испортить перформатив? // Логический анализ языка / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2003. С. 251–260. [Mikheev M.Yu. Performative and metatext utterance. *Logicheskii analiz yazyka*. N.D. Arutiunova (ed.). Moscow, 2006. Pp. 251–260. (In Rus.)]

Мороз, 2012 – Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Отв. ред. А.Б. Мороз. М., 2012. [Znatki, veduny i chernoknizhniki. Koldovstvo i bytovaia magiia na russkom Severe [Enchanters, wizards, warlocks: Witchcraft and household magic in the Russian North]. A.B. Moroz (ed.). Moscow, 2012.]

Мощева, 2015 – Мощева С.В. Подходы к исследованию интенциональности речевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 5. С. 37–42. [Moshcheva S.V. Approaches to the study of intentionality in speech behavior. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2015. No. 5. Pp. 37–42. (In Rus.)]

Неклюдов, 2019 – Неклюдов С.И. Постфольклор в пространстве городской культуры // Понимая город: коммуникация с пространством, временем и людьми. Материалы XIX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии, Москва, 29 апреля – 5 мая 2019 г. М., 2019. С. 45. [Neklyudov S. Post-folklore in the space of urban culture. *Ponimaya gorod: kommunikaciya s prostranstvom, vremenem i lyudmi*. Conference book of XIX international conference of folklore and cultural anthropology, Moscow, 29 April – 5 May, 2019. Moscow, 2019. P. 45. (In Rus.)]

Новый словарь синонимов – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Yu.D. Apresyan (ed.). Moscow; Vienna, 2004.]

Проскурин, 2011 – Проскурин С.Г. К вопросу о тематической сети языка и культуры: Древние перформативы, космос и римское право // Критика и семиотика. 2011. Вып. 15. С. 24–30. [Proskurin S. On the issue of the thematic network of language and culture: Ancient performatives, space and Roman law. *Kritika i semiotika*. 2011. No. 15. Pp. 24–30. (In Rus.)]

Романов, 1984 – Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Сб. научных тр. Калинин, 1984. С. 86–93. [Romanov A.A. Pragmatic features of performative utterances. *Pragmatika i semantika sintaksicheskikh edinic*. Kalinin, 1984. Pp. 86–93. (In Rus.)]

Романов, 1987 – Романов А.А. Перформативный глагол и иллокутивная функция высказывания // Прагматические условия функционирования языка: Сб. научных тр. Кемерово, 1987. С. 3–10. [Romanov A. The performative verb and the illocutionary function of the utterance. *Pragmaticheskie usloviya funkcionirovaniya yazyka*. Kemerovo, 1987. Pp. 3–10. (In Rus.)]

Романов, 2006 – Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Мир лингвистики и коммуникации. 2006. № 2. URL: http://tverlingua.ru/archive/002/02_1_02.htm (дата обращения: 19.05.2020). [Romanov A.A. Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of a dialog text. *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. 2006. No. 2. (In Rus.). URL: http://tverlingua.ru/archive/002/02_1_02.htm (date of access: 19.05.2020)]

Романов, Романова, Федосеева, 2013 – Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. М., 2013. [Romanov A.A., Romanova L.A., Fedoseeva E.G. *Performativnye ritualnye акты sakralnoi kommunikatsii* [Performative ritual acts of sacred communication]. Moscow, 2013.]

Романова, 2001 – Романова Е.Г. Перформативы в ритуальных актах суггестивной коммуникации. М., 2001. [Romanova E.G. *Performativy v ritualnykh aktakh suggestivnoi kommunikatsii* [Performatives in ritual acts of suggestive communication]. Moscow, 2001.]

Россолова, 2011 – Россолова О.А. Перформатив как показатель адресованности высказывания // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (дата обращения: 19.05.2020). [Rossolova O.A. Performative as an indicator of utterance addressness. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section "The Humanities"*. 2011. No. 1 (17). (In Rus.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (date of access: 19.05.2020)]

Сёрль, 1987 – Сёрль Дж.Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / Под ред. Д.П. Горского, В.В. Петрова. М., 1987. С. 96–126. [Searle J.R. *The nature of intentional states. Filosofiya, logika, yazyk*. D.P. Gorskii, V.V. Petrov (eds.). Moscow, 1987. Pp. 96–126. (In Rus.)]

Топоров, 1993 – Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 3–104. [Toporov V. *On the Indo-European charm tradition (selected chapters). Issledovaniya v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kultury. Zagovor*. Moscow, 1993. Pp. 3–104. (In Rus.)]

Тюпа, 2014 – Тюпа В.И. Перформативные основания лирики // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. СПб., 2014. С. 306–312. [Tjupa V. *The performative basis of lyrics. XLII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2013 g.: Izbrannye trudy*. S.I. Bogdanov, Ju.V. Menshikova (eds). St.-Petersburg, 2014. Pp. 306–312. (In Rus.)]

Христофорова, 2010 – Христофорова О.А. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010. [Khristoforova O.A. *Kolduny i zhertvy: Antropologiy akoldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and victims: Anthropology of witchcraft in modern Russia]. Moscow, 2010.]

Христофорова, 2012 – Христофорова О.Б. О «чертовых воротах», просыпанной соли и «шарфике невезения», или Магические практики в современном городе // Тезисы и материалы Международной школы-конференции

по фольклористике и культурной антропологии, Москва – Переяславль-Залесский, 27 апреля – 02 мая 2012 г. / Сост. А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев. М.; Переяславль-Залесский, 2012. С. 426–427. [Hristoforova O. About “damn gate”, spilled salt and “bad luck scarf”. Magical practices in a modern city. *Tezisy i materialy Mezhdunarodnoy shkoly-konferentsii po folkloristike i kulturnoy antropologii, Moskva – Pereyaslavl-Zalesskiy, 27 aprelya – 02 maya 2012 g.* A.S. Arhipova, S.Yu. Neklyudov, D.S. Nikolaev (eds.). Moscow; Pereslavl-Zalessky, 2012. Pp. 426–427. (In Rus.)]

Четыркина, 2002 – Четыркина И.В. Перформативность как универсальная черта текстов прагматической направленности (на материале древнегерманских заговоров и современных рекламных текстов) // Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. научных тр. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 226–232. [Chetyrkina I. Performativity as a universal feature of pragmatic texts (on the basis of ancient germanic charms and modern marketing texts). *Sfera jazyka i pragmatika rechevogo obshheniya*. Krasnodar, 2002. Vol. 1. Pp. 226–232. (In Rus.)]

Шехнер, 2020 – Шехнер Р. Теория перформанса. М., 2020. [Schechner R. *Teoriya performansy* [Essays on performance theory]. Moscow, 2020.]

Шустова, 2010 – Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Пермь, 2010. [Shustova S.V. *Funktsionalnye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskii podkhod* [Functional properties of causative verbs: A dynamic approach]. Perm, 2010.]

Ягодкина, 2019 – Ягодкина М.В. Мемы в интернет-коммуникации // Art Logos. 2019. № 2 (7). С. 142–152. [Jagodkina M. Memes in Internet Communication. *Art Logos*. 2019. № 2 (7). Pp. 142–152. (In Rus.)]

Amrhein, 1992 – Amrhein P.S. The comprehension of quasi-performative verbs in verbal commitments: New evidence for componential theories of lexical meaning. *Journal of Memory and Language*. 1992. Vol. 31. No. 6. Pp. 756–784. DOI: 10.1016/0749-596x(92)90038-y.

Hlebec, 2015 – Hlebec B. Lexical definition of some performative verbs. *Studia Anglica Posnaniensia*. 2015. Vol. 50. No. 1. Pp. 27–44. DOI: 10.1515/stap-2015-0015

Ilomäki, 2019 – Ilomäki H. Oral charms, literal notes. *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. Pp. 69–86.

Jones, Olsan, 2015 – Jones P.M., Olsan L.T. Performative rituals for conception and childbirth. *England Bulletin of the History of Medicine*. 2015. Vol. 89. No. 3. Pp. 406–433. DOI: <https://doi.org/10.1353/bhm.2015.0076>

Mirecki, Meyer, 2002 – Magic and Ritual in the Ancient World. P. Mirecki, M. Meyer (eds.). Leiden; Boston; Köln, 2012.

Nicolíć, 2019 – Nicolíć D. Rational argumentation in irrational discourse: Argumentative techniques of verbal charms and folk prayers. *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. Pp. 69–86.

Strother, 2000 – Strother Z.S. From performative utterance to performative object: Pende Theories of speech, blood sacrifice, and power objects. *Journal of Anthropology and Aesthetics*. 2000. Vol. 37. Pp. 49–71.

Viljakainen, 2011 – Viljakainen M. How Miina Huovinen's incantations are structured. *Oral Charms in Structural and Comparative Light: Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR) Committee on Charms, Charmers and Charming. 27–29 October 2011, Moscow*.

T.A. Mikhailova, J. Roper, A.L. Toporkov, D.S. Nikolaev (eds.). Moscow, 2011. Pp. 201–207.

Vukelić, 2019 – Vukelić D. Micro-analysis of Uroci (evil charms and spells) in the Croatian tradition. *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. Pp. 69–86.

Статья поступила в редакцию 29.05.2020

The article was received on 29.05.2020

Об авторе / About the author

Куликовская Екатерина Николаевна – аспирант кафедры русского языка и литературы филологического факультета; старший преподаватель кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Пушкин

Ekaterina N. Kulikovskaya – postgraduate student at the Department of Russian Language and Literature of the Faculty of Philology; lecturer at the Department of Advertising and Public Relations, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1489-3562>

E-mail: kulikovskaya.eka@yandex.ru

Ю.А. Ландер¹, И.Г. Багиорова^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
109028 г. Москва, Российская Федерация

² Институт языкознания РАН,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Цилитивы ('легко' и 'трудно') в адыгейском языке: семантика, аргументная структура и частеречные характеристики

В статье показывается, что в адыгейском языке имеется два типа цилитивных форм (фацитив 'легко' и дифицитив 'трудно'): именные цилитивы, по сути имена, описывающие объекты, и вторичные цилитивы, представляющие собой неименные предикатные формы, описывающие ситуации (причем предполагается, что такое семантическое противопоставление представлено и во многих других языках). Хотя вторичная цилитивная конструкция, вероятно, развилась из именной, в результате в адыгейском языке представлена ситуация, когда одни и те же маркеры образуют формы, существенно различающиеся по морфосинтаксическим и семантическим свойствам. В то время как в именных цилитивах аргументная структура исходного предиката исчезает, во вторичных цилитивах аргументная структура редуцируется факультативно, на основании семантики форм, что не позволяет описывать образование этих форм как понижающую актантную деривацию.

Ключевые слова: адыгейский язык, цилитивные конструкции, фацитивные конструкции, дифицитивные конструкции, аргументная структура

Благодарности. Мы признательны консультантам за терпение при эликации и анонимным рецензентам статьи за ряд ценных замечаний и исправлений. Ответственность за все ошибки, естественно, лежит на авторах.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ландер Ю.А., Багиорова И.Г. Цилитивы ('легко' и 'трудно') в адыгейском языке: семантика, аргументная структура и частеречные характеристики // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 56–75. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-56-75

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-56-75

Yu. Lander¹, I. Bagirokova^{1,2}

¹ National Research University Higher School of Economics,
Moscow, 109028, Russian Federation

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Cilitives ('easy' and 'difficult') in West Circassian: Semantics, argument structure and part-of-speech characteristics

West Circassian displays two types of cilitive (facilitive 'easy' and difficilitive 'difficult') forms, namely nominal cilitives, which describe individuals, and secondary cilitives, which describe the state of affairs. Secondary cilitives seemingly originate from nominal cilitives, hence the same cilitive suffixes mark forms that are remarkably different from each other in their morphosyntax. While nominal cilitives eliminate the argument structure of their base, secondary cilitives show optional reduction of the argument structure which is arguably motivated by their semantics and not by any grammatical rule. We also suggest that the contrast between cilitive constructions describing individuals and those describing the state of affairs can be found in other languages as well.

Key words: West Circassian, cilitive constructions, facilitive constructions, difficilitive constructions, argument structure

Acknowledgments. We are grateful to the consultants for their patience during the elicitation and to the anonymous reviewers of the article for a number of valuable comments and corrections. Responsibility for all errors, of course, lies with the authors.

FOR CITATION: Lander Yu., Bagirokova I. Cilitives ('easy' and 'difficult') in West Circassian: Semantics, argument structure and part-of-speech characteristics. *Rhema*. 2021. № 1. Pp. 56–75 (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-56-75

1. Введение

Идея легкости/сложности выполнения действия может передаваться разными способами: с помощью лексических средств, синтаксических конструкций, специализированных морфологических показателей. Последний вариант – грамматикализация особых маркеров – по-видимому, явление, типологически редкое. В этой статье мы опишем формальное поведение форм, включающих подобные показатели, в адыгейском языке (адыгская ветвь абхазо-адыгской семьи) и покажем, что это поведение вскрывает некоторые аспекты семантики конструкций легкости и сложности.

Речь пойдет о суффиксе фацилитива *-в^weḡʷə* 'Р осуществить легко', предположительно восходящего к основам *в^we-* 'время' и *ḡʷə* 'добро' (1), и о суффиксе дифицитива *-в^waʃe/-в^weje* 'Р осуществить тяжело', восходящего к сочетанию, образованному основами *в^we-* 'время' и *je-* 'зло' (2); иногда в соответствующих конструкциях наблюдаются также значения 'Р осуществить приятно' (у фацилитива) и 'Р осуществить неприятно' (у дифицитива). Для этих маркеров и образованных ими форм мы будем использовать гипероним «цилитивы».

- (1) *Тарихъым* *ихъугъэ-шлагъэхэр*
taɾjəxə-m *jə-χ^wəke~ḡəke-xe-g*
 история-OBL POSS-событие-PL-ABS
зэгъэшлэгъошлухэн.
z-e-ke-ḡe-в^weḡʷə-x-ep
 RFL.IO-DAT-CAUS-знать-FCL-PL-NEG
 'Изучать исторические события непросто.'

- (2) *Хъульфыгъэр* *гъыгъуае.*
χ^wəlfəke-g *кə-в^waʃe*
 мужчина-ABS плакать-DFCL
 'Мужчине сложно плакать'

Типологически цилитивные конструкции примечательны тем, как они взаимодействуют с аргументной структурой, порою приводя к неканоническому маркированию агенса или его исчезновению (см.,

например, [Выдрин, 2015] об осетинском языке), а также к конструкциям типа подъема объекта (вроде английского *You were easy to teach* ‘Тебя было легко учить’; см., например, [Davies, Dubinsky, 2004]). Это связано с тем, что наиболее агентивный участник в цилитивных предложениях – в отличие от обычных – часто не является топиком. Таким образом, цилитивные конструкции сдвигают перспективу, делая информацию о каких-то участниках более важной, а о каких-то других – менее важной. Соответственно, и для адыгейского языка нас будет волновать, как цилитивы влияют на аргументную структуру предиката. Мы увидим, что это позволяет противопоставить разные цилитивные конструкции.

Материалом для исследования послужили, прежде всего, данные корпуса адыгейского языка [Arkhangelskiy et al., 2018], а также элицитация¹.

В разделе 2 излагаются основные сведения о выражении аргументов в адыгейском языке. Раздел 3 указывает на ряд свойств адыгейских цилитивов, которые, на первый взгляд, кажутся неожиданными и противоречивыми. В разделах 4 и 5 описываются противопоставляемые нами цилитивные конструкции. Последний раздел содержит выводы.

2. Выражение аргументов в адыгейском языке

Адыгейский язык – агглютинативный и полисинтетический [Кумаров, 1964; Lander, Testelets, 2017]. Многие морфологические процессы в нем исключительно продуктивны и, по-видимому, не сводимы ни к каноническому словоизменению – построению форм слов из заданной парадигмы, ни к каноническому словообразованию – созданию новых лексем².

Продуктивность и слабая селективность аффиксов приводит к отсутствию четкого противопоставления знаменательных частей речи. Класс имен (включающий и обозначения качеств) в адыгейском языке выделяется сравнительно неплохо на основании как синтаксических, так и морфологических признаков, таких как способность участвовать в качестве вершины в относительной конструкции и в конструкции с «применным посессором», возможность образовывать со своими определениями сложную морфологическую единицу – так называемый именной комплекс и т.д.; см. раздел 4 (хотя, например, падежные показатели могут присоединяться и к неименам). Однако выступая в позиции сказуемого клаузы, имена присоединяют и основные предикативные показатели,

¹ Ниже элицитированные примеры сопровождаются специальной пометкой [Е].

² Ср. обсуждение полисинтетической морфологии в [de Reuse, 2008].

в том числе временные и индексирующие аргументы; см., например, [Гишев, 2008, с. 345–398]. В результате фактически в адыгейском языке отсутствуют явные признаки, выделяющие глаголы, а имена можно считать особым подклассом единой знаменательной части речи [Lander, Bagirokova, 2019].

Ядерные аргументы – А (наиболее агентивный аргумент переходного сказуемого), Р (наиболее пациентивный аргумент переходного сказуемого) и S (субъект непереходного сказуемого) индексируются префиксами в предикате. Противопоставляются три серии индексирующих лично-числовых префиксов: абсолютивная серия, эргативная серия и серия непрямого объекта. Последняя индексирует участников, вводимых аппликативной морфологией – например, показателями бенефактива, малефактива, комитатива и локативными превербам.

Следующие примеры иллюстрируют индексацию аргументов. В непереходном предикате (3) S маркирован личным префиксом 1 лица единственного числа абсолютивной серии. В примере с переходным сказуемым (4) А индексируется личным префиксом 3 лица единственного числа эргативной серии, Р представлен в глаголе префиксом 1 лица единственного числа абсолютивной серии, а кроме того, присутствует индекс непрямого объекта 3 лица множественного числа с ролью места, который вводится локативным превербом *šʹə-*, и нулевой индекс 3 лица единственного числа (соответствующий аргументу с ролью ‘изучать’, который вводится так называемым дативным превербом).

(3) *сыпшъыгъ*

sə-pšə-k

1SG.ABS-уставать-PST

‘я устал’

(4) *сащыригъэдъжагъ*

s-a-šʹə-Ø-r-jə-ke-žʹa-k

1SG.ABS-3PL.IO-LOC-3SG.IO-DAT-3SG.ERG-CAUS-изучать-PST

‘она меня в них учила’

Абсолютивный аргумент 3 лица лично-числовыми префиксами не индексируется, но может контролировать появление на сказуемом суффикса множественного числа (см. обсуждение в [Bagirokova et al., to appear]):

(5) *Урам шъхъаIэм*

wəram-šhaʔe-m

улица-главный-OBL

‘Они пройдут по главной улице.’

къырыкIоцтых.

qə-rə-kʷe-šʹtə-x

DIR-TRANS-идти-FUT-PL

- (6) *А илѣсхэр илукІэ ыгу*
 а jəles-xe-r šʷə-ǯ'e ə-gʷə
 тот год-PL-ABS хороший-INS 3SG.PR-сердце
кѣегъэкІыжъых.
q-j-e-ke-ǯ'ə-ž'ə-x.
 DIR-3SG.ERG-DYN-CAUS-выходить-RE-PL
 'Это позволяет ему добром вспоминать те годы.'

Именные группы S и P обычно маркируются абсолютным падежом, А – косвенным падежом (последний в литературе часто именуется эргативным, но в реальности маркирует и многие группы помимо А – см., например, [Рогава, Керашева, 1966, с. 65–66; Кумахов, 1971, с. 116–118]); ср. непереходное предложение (7) и переходное (8). Впрочем, появление свободных именных групп не является обязательным, а кроме того, некоторые из них (местоимения, имена собственные, посессивы, нереперентные группы) регулярно остаются без падежного маркирования.

- (7) *Бысымхэр мэгуІэх.*
 bəsəm-xe-r me-gʷəǯe-x
 хозяин-PL-ABS DYN-суетиться-PL
 'Хозяева суется.'
- (8) *Орэдым кІэлэцІыкІур епІу...*
 weredə-m ǯ'e-le-ǯəǯʷə-r j-e-pʷə
 песня-OVL парень-маленький-ABS 3SG.ERG-DYN-воспитывать
 'Песня воспитывает мальчика...'

Итак, в кодировании ядерных аргументов адыгейский язык выступает как эргативный; см. подробное обсуждение, например, в [Гишев, 1985; Кумахов, Вамлинг, 2006]. Более того, эргативные черты наблюдаются и в разнообразных синтаксических и морфологических процессах [Lander, 2010; Letuchiy, 2012; Ershova, 2019]. В целом, в адыгейском языке представлено большое число показателей повышающей актантажной деривации и почти отсутствует понижающая актантажная деривация (ср. [Lander, Letuchiy, 2017]). При этом морфологическая деривация почти никогда не затрагивает абсолютный аргумент, что можно считать дополнительным проявлением последовательной эргативности адыгейского языка [Letuchiy, 2012]³.

³ Анонимный рецензент упоминает конструкции, которые, на первый взгляд, противостоят такой «последовательной эргативности» (в частности, антипассив и инверсив, при которых иногда S и A ведут себя одинаково). Нам, однако, не очевидно, что эти явления имеют грамматическую природу, а не семантическую, связанную скорее с агентивностью участников, чем с их грамматическим отношением.

3. Цилитивы как проблема

Литература, описывающая цилитивы в адыгейском и аналогичные показатели в кабардино-черкесском языке, другом языке адыгской группы, весьма немногочисленна. Однако уже и в имеющихся описаниях обнаруживаются значительные расхождения в трактовке интересующих нас форм. М.А. Кумахов и Х.Ш. Урусов рассматривают цилитивные морфемы в обоих адыгских языках как суффиксы, образующие отглагольные прилагательные [Кумахов, 1964, с. 135; Урусов, 1980, с. 246] (ср. также замечание Р. Сметса, что адыгейские цилитивные формы напоминают английские прилагательные с суффиксом *-able* [Smeets, 1984, p. 278–279]). В то же время Г.В. Рогава и З.И. Керашева [Рогава, Керашева, 1966, с. 297–299], а также А. Летучий (2006) (см. также [Letuchiy, 2012, p. 346–347; Lander, Letuchiy, 2017, p. 297–298]), впервые описавшие многие морфосинтаксические свойства цилитивов, представляют цилитивную морфологию, скорее, как глагольную или предикативную. Как мы увидим, в какой-то степени верными оказываются обе точки зрения.

В грамматике [Рогава, Керашева, 1966, с. 298] обращается внимание на то, что в цилитивных формах обычно нет указания на S и A (в терминологии авторов – на субъект). Отсутствие указания на эти ядерные аргументы иллюстрируют примеры ниже, включающие цилитивы, образованные от непереходной (9) и переходной (10) основ:

(9) <i>АцкIэ</i>	<i>псэугыуае</i>	<i>хъуцт.</i>
a-š'-č'e	psewə-в*aje	χʷə-š't
ТОТ-OBL-INS	жить-DFCL	случаться-FUT
‘На это будет сложно прожить.’		

(10) <i>Тисабыйхэр</i>	<i>пIугъошIу.</i>
t-jə-sabəj-xe-r	pʷə-в*еšʷ
1PL.IO-POSS-ребенок-PL-AVS	воспитывать-FCL
‘Наших детей легко воспитывать.’	

Таким образом, цилитивные конструкции, на первый взгляд, предстают как нетипичные для адыгейского языка структуры. Во-первых, появление суффиксов фацилитива и дифицилитива выглядит как понижающая деривация, удаляющая некоторые аргументы [Летучий, 2006], в то время как такие деривации по меньшей мере не являются нормой в этом языке. Во-вторых, сходное поведение S и A и их противопоставление P – это отступление от последовательно соблюдаемой в адыгейском языке эргативности.

При ближайшем рассмотрении выясняется, однако, что даже грамматика [Рогава, Керашева, 1966, с. 298] приводит пример, в котором при добавлении суффикса дифицилитива все аргументы непереходной

основы сохранены (11). В [Летучий, 2006] дается аналогичный пример с переходной основой (12), а кроме того, сообщается, что для выражения агенса может использоваться аппликатив (13) (последнее утверждение, впрочем, будет ниже оспорено).

- (11) *Ау бзылъфыгъэхэр ац есэгъуаех.*
 aw bzəlfəke-xe-r a-š' je-se-ɤ^waje-x
 но женщина-PL-ABS тот-OBL DAT-привыкать-DFCL-PL
 'Но женщины к этому с трудом привыкают.'
 [Рогава, Керашева, 1966, с. 299]

- (12) *Псы фабэм зырынтхъакIыгъошIу.*
 psə-fabe-m zə-rə-p-thač'ə-ɤ^weš^w
 вода-теплый-OBL RFL.ABS-LOC-2SG.ERG-мыть-FCL
 'Тебе в теплой воде легко мыться.'
 [Летучий, 2006; Lander, Letuchiy, 2017, р. 297]

- (13) *Сэ мы губгъор сиIожгъогъошIу.*
 se mə g^wəbɤ^we-r s-š^we-ž^we-ɤ^weš^w
 я этот поле-ABS 1SG.IO-MAL-пахать-FCL
 'Мне легко вспахать это поле.' [Летучий, 2006]

Наконец, дополнительную путаницу вносит то, что аргументы, не ассоциируемые с S, A или P и обычно маркируемые косвенным падежом, в цилитивных конструкциях иногда неожиданно получают абсолютное маркирование. Например, *je-ž'e-* 'читать' является непереходным предикатом: читающий в нем обычно кодируется как S, а читаемое – как непрямой объект, вводимый так называемым дативным аппликативом. В (14) при цилитивной форме, образованной от *je-ž'e-*, это управление сохраняется, но в (15) именная группа, описывающая читаемое, получает абсолютный падежный суффикс и контролирует появление на сказуемом показателя множественного числа абсолютива.

- (14) *Ахэм яджэгъошIу, цыIэныгъэм нэблагъэх.*
 a-xe-m ja-ž'e-ɤ^weš^w š'əɤnəke-m re-blake-x
 тот-PL-OBL 3PL.IO+DAT-читать-FCL жизнь-OBL LOC-близкий-PL
 'Их легко/приятно читать, они близки к жизни.'

- (15) *Поэмэхэр еджэгъошIу, нычыгъохэр*
 роете-хе-г je-ž'e-ɤ^weš^wə-x рэч'əɤ^we-хе-г
 поэма-PL-ABS DAT-читать-FCL-PL отрывок-PL-ABS
псынклэх, Iynklэх.
 psənč'e-x ɤ^wəpč'e-x
 легкий-PL остроумный-PL
 'Поэмы легко/приятно читать, отрывки легкие, остроумные.'

Далее мы покажем, что цилитивные суффиксы в адыгейском языке в действительности оформляют два типа единиц – именные цилитивы и вторичные цилитивы. Смещение конструкций с именными и вторичными цилитивами как раз и приводит к путанице, наблюдаемой в литературе.

4. Именные цилитивы

Первый тип цилитивов обычно описывает не столько ситуацию, в которой трудно или легко что-либо сделать, но объект, для которого такое положение дел типично. Подобные цилитивы могут сами образовывать именную группу, выступающую в качестве аргумента (16), появляться в функции модификатора к имени (17) или выступать в качестве именного предиката (18). В последнем случае абсолютный субъект может, но не обязан соответствовать абсолютному аргументу предиката, от которого образована цилитивная форма: например, в (18) абсолютным аргументом оказывается место (у исходного предиката ‘подниматься’ абсолютный аргумент – это, естественно, участник с ролью поднимающегося).

(16) <i>ЕогъошIухэр</i>	<i>мый</i>	<i>щымакIэх.</i>
je-we-в ^w eš ^w э-хе-г	mə-j	š'ə-mač'e-x
DAT-БИТЬ-FCL-PL-ABS	ЭТОТ-OBL	LOC-мало-PL
‘Здесь мало кого легко побить.’ [E]		

(17) <i>ИгуцыIэ щэчыгъуаехэм</i>	<i>сыгу</i>
jə-g ^w əš'əʔe-[š'eč'ə-к ^w aje]-хе-м ⁴	sə-g ^w ə
POSS-слово-[терпеть-DFCL]-PL-OBL	1SG.PR-сердце
<i>агъэузы.</i>	
а-вс-вэзэ	
3PL.ERG-CAUS-болеть	
‘Его слова, которые тяжело терпеть, меня расстраивают (букв. ‘заставляют болеть мое сердце’).’ [E]	

(18) <i>Мы</i>	<i>бгыр</i>	<i>дэкIоегъуай.</i>
mə	bgə-г	de.к ^w e.je-в ^w aj.
этот	ХОЛМ-ABS	ПОДНИМАТЬСЯ-DFCL
‘Этот холм сложный для подъема.’ [E]		

Такие цилитивы обладают всеми специфическими свойствами имен, не присущими прочим знаменательным словам. Так, уже пример (17)

⁴ Здесь и ниже при вхождении в именной комплекс слова, состоящего из нескольких морфем (при условии, что они выделяются нами), такое инкорпорированное слово выделяется квадратными скобками.

демонстрирует, что модифицируя имя, эти формы появляются в составе особого образования, обладающего свойствами единого слова, – именного комплекса (см. о них [Lander, 2017]), причем в постпозиции к имени. Между тем, неименные модификаторы не обязаны (а нередко и не могут) входить в именной комплекс, а кроме того, предшествуют модифицируемому имени; ср. следующий пример, где предикат ‘ты терпишь’ фактически образует относительное предложение.

- (19) *A o niɛɛɕyɾɐ ɣuɕyɪɬɛxɐɾ*
 a we p-ʂ'ɛɕ'ə-re g^wəʂ'əɽe-xe-ɾ
 тот ты 2SG.ERG-терпеть-DYN слово-PL-ABS
ɣyɕɪɪ ɣyɕɔəoxɛn.
 зəɕ'jə g^wəqawɛ-x-ɛɾ
 нисколько обидный-PL-NEG
 ‘Те слова, что ты терпишь, совсем не обидные!’ [E]

Другие особые свойства имен, которые обнаруживаются и у цилитивов рассматриваемого типа, включают способность выступать в качестве объекта обладания в приименной посессивной конструкции (20) и способность модифицироваться относительными предложениями (21).

- (20) *Анахь иеогъошIур илгэдакъ.*
 a-naɬ jə-je-we-ɬ^wɛʂ^wə-ɾ jə-ɬɛdaq
 3PL.PO-более POSS-DAT-бить-FACIL-ABS POSS-пятка
 ‘Легче всего его ударить по пятке.’
 (Букв.: ‘То его, по чему легче всего ударить, – это его пятка.’) [E]

- (21) *Сштагъэ нIугъошIухэр дэгъоу*
 s-ʂta-ɬɛ ɾ^wə-ɬ^wɛʂ^wə-xe-ɾ deɬ^w-ɛw
 1SG.ERG-братъ-PST воспитывать-FCL-PL-ABS хороший-ADV
еджэх.
 j-e-ʂ'ɛ-x
 DAT-DYN-учится-PL
 ‘Те легковоспитуемые, которых я взял домой, учатся хорошо.’ [E]

Наконец, еще одним критерием выделения имен можно считать возможность появления при именном предикате субъекта оценки, который вводится аппликативным показателем $\we -. При неименных предикатах этот префикс обычно вводит малефицианта [Летучий, 2009] или имеет специфическое локативное значение ‘на острие’ [Мазурова, 2009]⁵;

⁵ Точности ради укажем, что малефактив используется для введения субъекта оценки по крайней мере в одной неименной конструкции – с предикатом $\we - $\$ə$ - ‘казаться’, который представляет собой сочетание малефактивного аппликатива и корня ‘делать’ (без эргативного префикса).

ср. именной предикат с субъектом оценки (22) и именной предикат с малефактивом (23). Рассматриваемые цилитивы, подобно другим именам, используют префикс $\we - для выражения субъекта оценки (24), который при совпадении с наиболее агентивным участником может создавать иллюзию его малефактивного маркирования, как в примере (13).

- (22) *Ap niIodelɔ.*
 а-г р- $\we -djele
 тот-ABS 2SG.IO-MAL-дурак
 ‘По-твоему, он дурак.’ [E]

- (23) *Ap niIocɔɣɛ.*
 а-г р- $\we -čəje
 тот-ABS 2SG.IO-MAL-спать
 ‘Он засыпает против твоей воли.’ [E]

- (24) *Afədɔ čɣɪlɔp siIocɔɣɛɣɔɣaj.*
 а-fe.de čə?e-г $t\hat{s}^{we}$ -s'eč'ə- κ^{waj}
 тот-подобный холод-ABS 1SG.IO+MAL-терпеть-DFCL
 ‘По-моему, такой холод сложно переносить.’ [E]

Итак, мы видим, что цилитивные суффиксы могут выступать как показатели номинализации. В этом свете совершенно иначе предстает наблюдаемая редукция аргументной структуры именных цилитивов – речь здесь идет не о понижающей актантажной деривации *per se*, но о часто наблюдаемой в номинализациях (в том числе и в большинстве номинализаций адыгейского языка; см. [Ershova, 2015]) неспособности производящей основы проецировать вовне собственную аргументную структуру. Другими словами, аргументы исходного предиката в именных цилитивных конструкциях не могут выражаться вовсе, а абсолютивный аргумент, который мы можем наблюдать, если именной цилитив сам выступает в качестве сказуемого, – это, в действительности, уже не аргумент исходного предиката, а аргумент предиката-имени в позиции предиката.

В таком случае мы можем ожидать, что именные цилитивы не смогут выражать как S и A, так и другие аргументы предиката. Неспособность таких цилитивов сохранять S и A показана в (25)–(26), где предпринимается попытка вставить соответствующие этим аргументам личные префиксы в формы с посессивной морфологией, подчеркивающей именной характер словоформы:

- (25) а. *идэкIоегɣуаер*
 jə-de. κ^{we} .je- κ^{waj} e-г
 POSS-подниматься-DFCL-ABS
 ‘то его, на что тяжело подниматься’ [E]

- (25) b. *итыдэклогъуаер
 *jə-tə-de.kʷe.je-ɸʷaje-ɾ
 POSS-1PL.ABS-подниматься-DFCL-ABS
 (ожид.: 'то его, на что нам тяжело подниматься') [E]
- (26) a. цубытыгъошлур
 jə-wəbətə-ɸʷeʃʷə-ɾ
 POSS-хватать-FCL-ABS
 'то его, что легко ухватить' [E]
- b. *цубытыгъошлур
 *jə-wə-wəbətə-ɸʷeʃʷə-ɾ
 POSS-2SG.ERG-хватать-FCL-ABS
 (ожид.: 'то его, что тебе легко ухватить') [E]

Как показывают примеры (27)–(28), выражение не прямых объектов, дополнительно модифицирующих исходный предикат, тоже оказывается запрещено. Фактически появление аппликатива разрешено, только если его сочетание с корнем сильно лексикализировано или если он указывает на семантическую роль референта цилитива в исходной предикации (как это делают проверб *tje-* в (27) и общелокативный проверб *ʃ'ə-* в (28)).

- (27) (*Мы бгъым) мы жъуагъор (*цы)теплъэгъошлур.
 (*мә бкә-м) мә žʷakʷe-ɾ (*ʃ'ə)-tje-ɸʷe-ɸʷeʃʷ
 этот холм-OBL этот звезда-ABS LOC-LOC-DAT-смотреть-FCL
 'На эту звезду приятно смотреть (с этого холма).' [E]
- (28) a. Мы зэлуклэр цылогъуай.
 мә zeʔʷəʃ'ə-ɾ ʃ'ə-ʔʷe-ɸʷaj
 этот собрание-ABS LOC-говорить-DFCL
 'На этом собрании трудно говорить.' [E]
- b. *Мы зэлуклэр цыф луххэм
 *мә zeʔʷəʃ'ə-ɾ ɸəf-ʔʷəʃ-xe-m
 этот собрание-ABS человек-умный-PL-OBL
 цафэлөгъуай
 ʃ'-a-fe-ʔʷe-ɸʷaj
 LOC-3PL.IO-BEN-говорить-DFCL
 'На этом собрании трудно говорить в защиту умных людей.' [E]

В отдельных случаях некоторых участников ситуации все-таки можно выразить, но, по-видимому, неверно считать, что это аргументы именного цилитива. Так, в (29), на первый взгляд, выражается Р:

- (29) *Цыф дэгзүхэр* (*афэдэ) *иҮхьафтын етыгъошүх.*
 cəf-dev^wə-xe-r (*a.fe.de) š^wəhaftən-[je-tə-^weš^wə]-x
 человек-хороший-PL-ABS такой подарок-[DAT-давать-FCL]-PL
 ‘Хорошим людям приятно дарить подарки.’ [E]

Здесь уточнение пациентивного участника в действительности представляет собой именное определение, инкорпорированное в именной комплекс, а не отдельную именную группу, о чем свидетельствует неспособность имени *š^wəhaftən* ‘подарок’ принимать собственные определения. Другими словами, пациентивный участник и в таких примерах не выражается как аргумент предиката.

Суммируя сказанное выше, участник ситуации, обозначенной предикатом, к которому присоединяется цилитивная морфология, может быть выражен только как абсолютивный аргумент именного предиката или как модификатор имени – или в составе именного комплекса или как посессор или субъект оценки.

5. Вторичные цилитивы

Цилитивы второго типа описывают определенное положение дел, но не объект. Такие формы всегда выступают в функции предиката некоторой клаузы, сохраняя всю или часть обычной модели управления производящей основы (30). В именной группе они могут образовывать относительные предложения, предшествующие синтаксической вершине (ср. (31), где предикат относительного предложения также демонстрирует факультативную инкорпорацию в именной комплекс).

- (30) *Студентхэмрэ* *клэлэеджаклохэмрэ*
 student-xe-m-re č’elejež’a^we-xe-m-re
 студент-PL-OBL-COORD школьник-PL-OBL-COORD
лоф *адэшлэгъошү.*
 ʔ^wef a-de-še-^weš^w
 работа 3PL.IO-COM-делать-FCL
 ‘Со студентами и школьниками приятно сотрудничать.’

- (31) *цыфхэр* *маклэу* *зыцынсэурэ* *ыкли*
 cəf-xe-r mač’-ew zə-š’ə-psewə-re əč’jə
 человек-PL-ABS мало-ADV REL.IO-LOC-жить-DYN и
транспортклэ *зылгылэсыгъое чыплэхэм...*
 transport-č’e [zə-lə-ʔesə-^weje]-čəpe-xe-m
 транспорт-INS [REL.IO-LOC-добираться-DFCL]-место-PL-OBL
 ‘в местах, где живет мало людей и куда тяжело добраться на транспорте’

Отличительная черта таких цилитивов состоит в возможности выражения любых аргументов – в том числе S (32)⁶, A (33) и аппликативных не прямых объектов (34)⁷.

- (32) *Зэгорэм сэри пивэ чъыIэм*
 zeg'ere-m se-rjə pive-čəʔe-m
 когда.ТО-OBL я-ADD пиво-холодный-OBL
сеиьогъошIуцтыгъ.
 s-jе-š'wе-к'wеš'wэ-š'tə-к
 1PL.ABS-DAT-пить-FCL-AUX-PST
 'Когда-то и я с удовольствием пил холодное пиво.' [E]

- (33) *Мы цэрыхъишхор nIэтыгъуая?*
 мə š'erəχə-šxwe-г р-ʔetə-к'waj-a
 этот колесо-AUG-ABS 2SG.ERG-поднимать-DFCL-Q
 'Тебе сложно поднять это большое колесо?' [E]

- (34) *Мы бгъым мы жъуагъом цытeплъэгъошIу.*
 мə бкə-m мə ž'wак'wе-m š'ə-tje-рлe-к'wеš'w
 этот холм-OBL этот звезда-OBL LOC-LOC-смотреть-FCL
 'С этого холма хорошо смотреть на эту звезду.' [E]

Тем не менее выражение S и A (как именные группы, так и индексация) может отсутствовать. Впрочем, в этом отношении они мало отличаются и от P, который тоже может быть не выражен (35) – хотя имперсональная интерпретация для этого аргумента в таком случае не типична и данный пример является скорее исключением. Тем более S и A не отличаются от аппликативных не прямых объектов, которые легко опускаются почти всегда, если только речь не идет о сочетании с морфологически связанным корнем [Ландер, 2015]. В целом, по-видимому, в адыгейском языке наличие/отсутствие индексируемого в сказуемом аргумента в значительной степени мотивировано семантически, а не формальным типом основы: так, здесь почти нет примеров с эксплетивными аргументами (в отличие, например, от родственного абхазского языка [Kathman, 1993]), а переходные основы могут употребляться и без эргативного индекса, например, в результативных конструкциях [Аркадьев, 2018].

⁶ Предикат 'пить' является в адыгейском языке непереходным: пьющий выступает как абсолютивный аргумент, а то, что пьется, – как не прямой объект, вводимый дативным аппликативом.

⁷ Легкость, с которой в цилитивной форме может быть выражен S или A, может быть связана с такими факторами, как генеричность участника и семантическая транзитивность; см. [Летучий, 2006; Lander, Letuchi, 2012, p. 296–297].

- (35) *Табэм* *рыгъэжъэгъошлү.*
 tabe-m гә-кә-žе-к^wеš^w
 сковорода-OVL TRANS-CAUS-жариться-FCL
 ‘На сковородке-то жарить легко.’ [E]

Более того, в размеченной части корпуса примеры с морфологически выраженными S и A нам не встретились вовсе, а при эликации эта конструкция признается лишь частью носителей. В связи с этим мы предполагаем, что вторая цилитивная конструкция представляет собой инновацию: именные производные формы, описывающие абсолютный аргумент, были переосмыслены как полноправные неименные предикаты, что дало им возможность сочетаться с любыми аргументами исходного предиката. Действительно, легко заметить, что примеры вроде (36) могут быть интерпретированы и как конструкция с именным цилитивом – именным предикатом, описывающим нечто легко выполняемое, и как вторичная цилитивная конструкция с опущенным A:

- (36) *Шлү* *плъэгъурэ* *Юфыр* *гъэцэкIэгъошлү.*
 š^wә р-лөк^wә-ге ?wefә-г кә.сәč’е-к^wеš^w
 добро 2SG.ERG-видеть-DYN дело-ABS выполнять-FCL
 ‘Любимую работу легко выполнять.’

При переосмыслении вторичные цилитивные формы потеряли именное свойство. Следующие выражения, отвергаемые носителями, демонстрируют неспособность форм с выраженным агенсом принимать посессивную морфологию (37), модифицироваться относительными предложениями (38), выступать в составе именного комплекса в качестве постпозитивного модификатора (39), принимать малефективный аппликатив для введения субъекта оценки (40).

- (37) **cunnIygъoшlүхэр*
 *s-jә-p-ṛ^wә-к^wеš^wә-хе-г
 1SG.IO-POSS-2SG.ERG-воспитывать-FCL-PL-ABS
 Ожид.: ‘мои легко воспитуемые тобою’ [E]
- (38) **cumtagъэ* *nnIygъoшlүхэр*
 *s-šta-кә р-ṛ^wә-к^wеš^wә-хе-г
 1SG.ERG-брать-PST 2SG.ERG-воспитывать-FCL-PL-ABS
 Ожид.: ‘взятые мной легковоспитуемые тобою’ [E]
- (39) **кIэләннIygъoшlүхэр*
 *č’ele-[p-ṛ^wә-к^wеš^wә]-хе-г
 парень-2SG.ERG-воспитывать-FCL-PL-ABS
 Ожид.: ‘парни, которых тебе легко воспитывать’ [E]

(40) **Auɬonɲɪgʷoʊɬy**a-ʂ^we-p-ɾ^wə-ɰ^weʂ^w

3PL.IO-MAL-2SG.ERG-воспитывать-FCL

Ожид.: 'По их мнению, тебе легко их воспитывать.' [E]

6. Заключение

Итак, мы противопоставили две конструкции со значениями 'легко' и 'тяжело', которые до сих пор не было принято дифференцировать в описаниях адыгейского языка (и это приводило к противоречиям в утверждениях и приводимых примерах, описанным в разделе 3). В то время как *именная цилитивная конструкция* представляет собой номинализацию, описывающую некий объект, *вторичная цилитивная конструкция* – вероятно, диахронически производная от именной и образующая неименной предикат – описывает собственно ситуацию, в которой тяжело или легко что-либо делать. Таким образом, разные конструкции *профилируют* (в терминах «когнитивной грамматики» Р. Лангакера [Langacker, 1987, p. 183ff]) разные семантические компоненты – конкретного участника или саму ситуацию. Например, в (41) описывается признак участника, а в (42) никакой конкретный участник не выделяется и описывается общее положение дел.

(41) *Мы жьъагъор теплъэгъошӀу.*мә ž^wak^we-ɾ tje-ɾɬe-ɰ^weʂ^w

этот звезда-AVS LOC-смотреть-FCL

'На эту звезду приятно смотреть (с этого холма).' [E] (= (27))

(42) *Мы бгъым мы жьъагъом цытепльэгъошӀу.*мә bkə-m мә ž^wak^we-m ʂ^wə-tje-ɾɬe-ɰ^weʂ^w

этот холм-OVL этот звезда-OVL LOC-LOC-смотреть-FCL

'С этого холма хорошо смотреть на эту звезду.' [E] (= (34))

Такой семантический контраст между описанием объекта и описанием положения дел в цилитивных конструкциях, по-видимому, можно обнаружить и во многих других языках. Как кажется, именно этот контраст отражается и в противопоставлении конструкций с кажущимся подъемом прямого объекта и без подъема, проиллюстрированных во французских примерах (43), и во мнимом перефразе в русских переводах этих примеров – и там, и там первая конструкция передает собственно положение дел, а вторая описывает некоторый объект:

(43) а. Il est difficile de lire ces livres.

он быть:3SG.PRS трудный POSS читать:INF этот:PL книга:PL

'Трудно читать эти книги.'

- (43) b. Ces livres sont difficiles à lire.
этот:PL книга:PL быть:PL.PRS трудный:PL к читать:INF
'Эти книги трудны для чтения.'
[Davies, Dubinsky, 2004, p. 119]

Хотя в адыгейском языке в обеих конструкциях могут не выражать некоторые участники, обычно выражаемые при соответствующем предикате, ни одна из них не может описываться как понижающая актантная деривация: в именной цилитивной конструкции аргументная структура исходного предиката исчезает целиком, а во вторичной цилитивной конструкции могут исчезать разные аргументы, причем все они исчезают факультативно. То, что при этом в языке, проявляющем свойства синтаксической эргативности, обычно опускаются S и A, объясняется, вероятно, тем, что именно эти аргументы обычно исчезают из семантики конкретной ситуации легкости/трудности, но не какими-то грамматическими правилами.

Интересно, что при совершенно отличных друг от друга синтаксических свойствах словоформы, образующие эти конструкции, маркируются одними и теми же аффиксами. Впрочем, это не единственный такой случай в адыгейском языке: аналогичными свойствами обладает также суффикс, маркирующий конструкции с подчинением клаузы (причем различающиеся между собой по свойствам [Ершова, 2013; Lander, Bagirokova, 2015]) и одновременно формы одного из будущих времен. Можно предположить, что подобные сдвиги облегчаются, с одной стороны, огромной продуктивностью соответствующих аффиксов и с другой – тем, что имена могут легко выступать в позиции сказуемого.

Библиографический список / References

Аркадьев, 2018 – Аркадьев П.М. От результата к пассиву: данные западно-кавказских языков // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. Вып. 1. С. 31–50. [Arkadiev P. From resultative to passive: A view from Northwest Caucasian languages. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2018. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 31–50. (In Rus.)]

Выдрин, 2015 – Выдрин А.П. Легко и трудно осуществить действие. Осетинская модальная конструкция // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 11. Ч. 2. С. 111–134. [Vydrin A.P. It is easy and difficult to take action. Ossetian modal construction. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 11. Part 2. Pp. 111–134. (In Rus.)]

Гишев, 1985 – Гишев Н.Т. Вопросы эргативного строя адыгских языков. Майкоп, 1985. [Gishev N.T. Voprosy ergativnogo stroya adygskikh yazykov [Issues in the ergative structure of the Circassian languages]. Maykop, 1985.]

Гишев, 2008 – Гишев Н.Т. Избранные труды по языкознанию. Майкоп, 2008. [Gishev N.T. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu [Selected works on Linguistics]. Maykop, 2008.]

Ершова, 2013 – Ершова К.В. Именные и глагольные свойства бесленеевского масдара // Полевые исследования студентов РГГУ. Вып. VIII. М., 2013. С. 245–265. [Ershova K.V. Nominal and verbal properties of the Besleney masdar. *Polevyye issledovaniya studentov RGGU*. Vol. VIII. Moscow, 2013. Pp. 245–265. (In Rus.)]

Кумахов, 1964 – Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. I. Введение, структура слова, словообразование частей речи. Нальчик, 1964. [Kumakhov M.A. Morfologiya adygskikh yazykov. Sinkhronno-diakhronnaya kharakteristika [The morphology of the Circassian languages. Synchronic and diachronic characteristics]. I. Nalchik, 1964.]

Кумахов, 1971 – Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971. [Kumakhov M.A. Slovoizmeneniye adygskikh yazykov [Inflection of the Circassian languages]. Moscow, 1971.]

Кумахов, Вамлинг, 2006 – Кумахов М., Вамлинг К. Эргативность в черкесских языках. Мalmö, 2006. [Kumakhov M., Vamling K. Ergativnost v cherkesskikh yazykakh [Ergativity in Circassian languages]. Malmö, 2006.]

Ландер, 2015 – Ландер Ю.А. Актанты и сирконстанты в морфологии и в синтаксисе адыгейского языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 1. С. 7–31. [Lander Yu.A. Arguments and adjuncts in the morphology and syntax of West Circassian. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie*. 2015. No. 1. Pp. 7–31. (In Rus.)]

Летучий, 2006 – Летучий А.Б. Адыгейская система понижающих и интерпретирующих актантных дериваций. Рукопись. 2006. [Letuchiy A.B. Adygeyskaya sistema ponizhayushchikh i interpretiruyushchikh aktantnykh derivatsiy [The West Circassian system of valency decrease and rearrangement]. 2006. Manuscript.]

Летучий, 2009 – Летучий А. Б. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М., 2009. С. 329–371. [Letuchiy A.B. Benefactive and malefactive: Syntactic features and the range of uses. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeyskogo yazyka*. Ya.G. Testeleets (ed.). Moscow, 2009. Pp. 329–371. (In Rus.)]

Мазурова, 2009 – Мазурова Ю.В. Семантика локативных превербов *рэ* и *š'e-* // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М., 2009. С. 429–453. [Mazurova Yu.V. Semantics of locative preverbs *рэ*- and *š'e-*. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeyskogo yazyka*. Ya.G. Testeleets (ed.). Moscow, 2009. Pp. 429–453. (In Rus.)]

Рогав, Керашева, 1966 – Рогав Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966. [Rogava G.V., Kerasheva Z.I. Grammatika adygeyskogo yazyka [Grammar of the West Circassian language]. Krasnodar; Maykop, 1966.]

Урусов, 1980 – Урусов Х.И. Морфемика адыгских языков. Нальчик, 1980. [Urusov Kh.Sh. Morfemika adygskikh yazykov [Morphemics of the Circassian languages]. Nalchik, 1980.]

Arkhangelskiy et al., 2018 – Arkhangelskiy T., Bagirokova I., Lander Yu. West Circassian (Adyghe) corpus. 2018. URL: <http://adyghe.web-corpora.net> (date of access: 02.08.2020.)

Bagirokova et al., to appear – Bagirokova I., Lander Yu., Phelan P. Number in West Circassian. *Number in the world's languages*. P. Acquaviva, M. Daniel (eds.). Berlin, to appear.

Davies, Dubinsky, 2004 – Davies W.D., Dubinsky S. The grammar of raising and control: A course in syntactic argumentation. Oxford, 2004.

de Reuse, 2009 – de Reuse W.J. Polysynthesis as a typological feature. An attempt at a characterization from Eskimo and Athabaskan perspectives. *Variations on polysynthesis: The Eskaleut Languages*. M.-A. Mahieu, N. Tersi (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2009. Pp. 19–34.

Ershova, 2015 – Ershova K. Non-canonical noun incorporation in Bzhedug Adyghe. *Proceedings of the 41st Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 2015. Pp. 99–119.

Ershova, 2019 – Ershova K. Syntactic ergativity in West Circassian. PhD diss. University of Chicago, 2019.

Kathman, 1993 – Kathman D. Expletive verb marking in Abkhaz. *Proceedings of the 19th Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society: General session and parasession on semantic typology and universals*. Berkeley, 1993. Pp. 193–204.

Lander, 2010 – Lander Yu. Subject properties of the Adyghe absolutive: Evidence from relatives. Ms., 2010.

Lander, 2017 – Lander Yu. Nominal complex in West Circassian: Between morphology and syntax. *Studies in Language*. 2017. Vol. 41. No. 1. Pp. 76–98.

Lander, Bagirokova, 2015 – Lander Yu., Bagirokova I. Two-faced subordination marker in West Circassian necessity constructions. *Working papers by NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”*. 2015. No. 38/LNG/2015.

Lander, Bagirokova, 2019 – Lander Yu., Bagirokova I. Asymmetric word class systems and noun primacy: West Circassian and beyond. Ms., 2019.

Lander, Letuchiy, 2017 – Lander Yu., Letuchiy A. Decreasing valency-changing operations in a valency-increasing language? *Valency changes: Theoretical and typological perspectives*. A.Á. González, Í. Navarro (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2017. Pp. 285–304.

Lander, Testeleys, 2017 – Lander Yu., Testeleys Yu. Adyghe. *The Oxford handbook of polysynthesis*. M. Fortescue, N. Evans, M. Mithun (eds.). Oxford, 2017. Pp. 948–970.

Langacker, 1987 – Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.

Letuchiy, 2012 – Letuchiy A. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. *Ergativity, valency and voice*. G. Authier, K. Haude (eds.). Berlin, Boston, 2012. Pp. 323–354.

Smeets, 1984 – Smeets R. Studies in West Circassian phonology and morphology. Leiden, 1984.

Статья поступила в редакцию 21.09.2020

The article was received on 21.09.2020

Об авторах / About the authors

Ландер Юрий Александрович – кандидат филологических наук; доцент Школы лингвистики, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Yury A. Lander – PhD (Linguistics); Associate Professor at the School of Linguistics, Leading Researcher at the International Laboratory for Language Convergence, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1798-7174>

E-mail: yulander@yandex.ru

Багирокова Ирина Гаруновна – кандидат филологических наук, доцент; научный сотрудник отдела кавказских языков, Институт языкознания Российской академии наук; доцент Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Irina G. Bagirokova – PhD (Linguistics); Researcher at the Department of Caucasian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the School, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

E-mail: ibagirokova@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-76-98

К.Н. ПрохоровИнститут языкознания РАН,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Относительные конструкции в момбо

Работа посвящена описанию и анализу относительных конструкций с внутренней вершиной в языке момбо. Вопреки предложенному ранее для языков догон анализу, в работе обосновывается модель, использующая передвижение вершины относительной клаузы в позицию слева. Утверждается, что принятие такой модели требует наличия механизма копирования внутренней копией вершины морфологических признаков внешней.

Ключевые слова: тоносинтаксис, относительные предложения с внутренней вершиной, правое передвижение

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90051.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Прохоров К.Н. Относительные конструкции в момбо // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 76–98. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-76-98

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-76-98

K. ProkhorovInstitute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Mombo relative constructions

This paper deals with description and analysis of Mombo internally headed relative constructions. In contrast to the previous proposals for Dogon languages it is argued that the head of the relative moves out of relative clause to a position

© Прохоров К.Н., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

at its left and that a proper movement analysis requires process whereby the internal lower copy of the movement chain receives morphological features of the higher external copy.

Key words: tonosyntax, internally headed relative clause, rightward movement

Acknowledgments. This study was funded by RFBR, project number 19-312-90051.

FOR CITATION: Prokhorov K. Mombo relative constructions. *Rhema*. 2021. No. 1. Pp. 76–98. (In Russ.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-76-98

1. Введение

Относительные конструкции в языке момбо семьи догон представляют собой сложный объект, сочетающий в себе черты именной группы с прилагательными и конструкций, используемых для выражения фокуса. Сходство с именными группами проявляется в маркировании лексической вершины относительного предложения тональным атрибутивным изафетом, которое следует схеме, используемой в конструкциях с прилагательными. Сходство с фокусными конструкциями проявляется в одинаковом использовании т.н. «словоизменяемых глагольных серий» [Prokhorov, 2018] как для различения сферы действия фокуса, так и для кодирования различных типов релятивизации.

В конструкциях с прилагательными именная вершина всегда непосредственно предшествует прилагательному. В относительных конструкциях вершина может как предшествовать относительной клаузе, так и появляться внутри нее. Эти факты делают привлекательным анализ относительных конструкций момбо, использующий передвижение вершины для деривации конечного порядка слов.

Настоящая работа посвящена описанию и анализу относительных конструкций в языке момбо с точки зрения их морфологических и синтаксических особенностей.

В разделе 2 даются общие сведения о языке, в разделе 3 – основные особенности организации именной группы, в разделе 4 кратко описываются глагольные серии и их использование в фокусных конструкциях. Использование тонального маркирования и глагольных серий в относительных конструкциях обсуждается в разделе 5. В разделе 6 описываются 4 основных типа относительных конструкций и подробно обсуждаются синтаксические свойства их вершин. В разделе 7 обсуждается предложенная в литературе на материале родственных языков [Heath, McPherson, 2013; McPherson, 2014] гипотеза о деривации относительных конструкций при помощи правого передвижения. В разделе 8

приводятся аргументы в пользу неприменимости правого передвижения для единообразного описания относительных конструкций в момбо. Напротив, предлагается анализ, в котором вершина относительной конструкции перемещается изнутри относительной клаузы в позицию слева от нее. Одним из следствий такого анализа является необходимость наличия в момбо типологически редкого механизма копирования внутренней копией вершины морфологических признаков внешней копии, образовавшейся в результате передвижения.

2. Общие сведения о языке

На языке момбо говорит сравнительно небольшая этническая общность, компактно проживающая в провинции Мопти в Республике Мали, в области, носящей историческое название «Страна догонов». Язык относится к семье догон, которая, согласно устоявшемуся мнению, принадлежит к макросемье нигер-конго. Позиция догон внутри макросемьи остается предметом дискуссий. По данным авторов социолингвистического исследования, в 1998 г. число говорящих на языке составляло 18 800 человек [Durieux, Durieux-Boon, Hochstetler, 2004, p. 73]. По оценкам автора настоящей работы, за прошедшие время число носителей языка выросло и может составлять около 25 000 человек.

На сегодняшний день не существует опубликованных грамматических описаний языка. В настоящей работе используются данные, полученные автором в ходе экспедиций в Республику Мали в 2008–2012 гг. и в Буркина-Фасо в 2014 и 2020 гг.

Момбо характеризуется рядом морфосинтаксических черт, типичных для языков догон в целом (ср. [Plungian, 1995; Heath, 2008; McPherson, 2013]). К ним относится аккумулятивное маркирование аргументов глагола и базовый порядок слов SXOV со строго финальным положением глагола, где в позиции X может выступать наречие, предложная группа или именная группа в роли непрямого или косвенного дополнения. Ср. примеры (1)–(3), снабженные для наглядности обозначениями S, X, O и V.

- (1) Sëydù yá:gù Ámárù=wⁿ málýê:
 PN вчера PN=OBL ^Nвидеть.PFV.3SG
 S X O V
 ‘Сейду вчера видел Амару’
- (2) Sëydù Bàndià:rà=wⁿ Ámárù=wⁿ málýê:
 PN Бандиагара=OBL PN=OBL ^Nвидеть.PFV.3SG
 S X O V
 ‘Сейду видел Амару в Бандиагара’.

(3) Sěydù	Ámárù=w ⁿ	bú:rù	ńdẹ.
Сейду	PN=OBL	деньги	N ₁ давать.PFV.3SG
S	X	O	V
‘Сейду дал Амару деньги’.			

Как и в других языках догон, местоименные подлежащие в главном предложении выражаются, как правило, при помощи местоименных показателей на глаголе. В момбо такой показатель может быть префиксальным или суффиксальным, в зависимости от видовременной формы глагола. Позиция S остается невыраженной (т.н. «pro-drop»). Так, в примере (4) подлежащее выражается исключительно при помощи местоименного префикса 1SG *ń-* на перфективной глагольной форме. Независимое местоимение 1SG в позиции S не используется.

(4) Ø	Ámárù=w ⁿ	bú:rù	ń-jíndẹ.
Ø	PN-OBL	деньги	N ₁ 1SG-давать.PFV
S	X	O	V
‘Я дал деньги Амару’			

3. Тональное маркирование в именной группе

Момбо – тональный язык с двумя простыми уровневými тонами – высоким (H) и низким (L). В качестве минимального сегментного субстрата для простого тона (TBU, «tone bearing unit») выступает мора. Контурные тоны – восходящий (LH), нисходящий (HL) и восходяще-нисходящий (LHL) – образуются комбинацией простых тонов. Слоги, несущие контурные тоны, обязательно содержат две или более моры.

Тоны используются для выражения как лексических, так и грамматических значений. В частности, для момбо характерно использование системы тонального маркирования для выражения синтаксических отношений в именной группе, впервые систематически описанное в работе [Heath, McPherson, 2013] на материале девяти языков догон и названное авторами статьи «тоносинтаксисом».

Каждое существительное обладает лексической тональной мелодией, которую оно несет в изолированном произношении. За редкими исключениями все существительные в момбо делятся на три тональных класса: существительные с лексической высокотоновой (H), нисходящей (HL) или восходящей (LH) мелодией.

В структуре именной группы возможны следующие зависимые: прилагательные, числительные, демонстратив, показатель определенности, универсальный квантор, падежные показатели, а также препозитивные

(именные и местоименные) и постпозитивные местоименные посессоры. Указанные зависимые следуют в порядке, который может быть схематически представлен следующим образом:

(5) Poss N Adj PL Num PossPron A Det Q

Слева от вершинного имени (N) могут располагаться именные (как отчуждаемые, так и неотчуждаемые) посессоры и местоименные неотчуждаемые посессоры (Poss). Местоименные отчуждаемые посессоры (PossPronA) всегда следуют за вершинным именем (N), а также за прилагательными (Adj), показателем множественного числа (PL), числительными (Num), но предшествуют определителю (Det), в качестве которого может выступать демонстратив или показатель определенности, и универсальному квантору (Q). Пример (6) иллюстрирует именную группу с максимально возможным количеством зависимых.

(6)	Ámárù	débù	kàndà-gè	tàndì	nê:	sé:lè
	PN	дом.EZ.POSS	новый-PL.EZ.DEM	три.EZ.DEM	DEM	все
	Poss	N	Adj-PL	Num	Det	Q
	‘все эти три новых дома Амару’					

Присоединение препозитивного посессора (Poss), прилагательного (Adj) и демонстратива (Det) сопровождается тональным маркированием вершинного имени: тональная мелодия вершинного имени меняется с лексической на маркированную, при этом тональные мелодии самих указанных зависимых остаются неизменными. Маркированные тональные мелодии вершинного имени в момбо могут быть описаны как различные тональные морфемы одной именной морфологической категории, близкой по своему значению к категории *status constructus* в семитских и к изафету в западно-иранских и тюркских языках [Prokhorov, 2011]¹.

Поссесивный изафет в момбо выражается высокотоновой или нисходящей мелодией в зависимости от тонального класса и метрической структуры основы существительного. У существительных с лексической нисходящей или лексической высокотоновой мелодией выбор формы тонального изафета определяется метрической структурой основы. Нисходящие и высокотоновые основы, содержащие две моры (далее – краткие основы), маркируются высокотоновым изафетом. Долгие основы, содержащие более двух мор, маркируются нисходящим изафетом.

¹ См. также работу [Creissels, 2009], исследующую схожие явления в языках Африки и обосновывающую использование термина *construct from* («форма конструкта»), в частности, для географически близких к догон атлантических языков, языков гур и манде.

- (7) *Ámárù* *débù*
 PN дом.EZ.POSS
 Poss N
 ‘дом Амару’ (лекс. *débù* ‘дом’)

- (8) *Ámárù* *á:dù*
 PN обещание.EZ.POSS
 ‘обещание Амару’ (лекс. *á:dù* ‘обещание’)

В примере (7) в присутствии препозитивного посессора *Ámárù* ‘Амару’ вершинное имя *débù* ‘дом’, обладающее лексической нисходящей мелодией, маркируется тональным изафетом, выраженным высокотоновой мелодией *débù* ‘дом.EZ.POSS’. В примере (8) то же самое значение выражается нисходящей мелодией на обладаемом *á:dù* ‘обещание.EZ.POSS’. Лексической формой этого существительного является *á:dù* ‘обещание’ с высокотоновой мелодией.

Все существительные с лексической восходящей мелодией, как краткие, так и длинные, маркируются нисходящей тональной мелодией в позиции обладаемого. В примере (9) краткое существительное *nõy* ‘ветка’ с лексической восходящей мелодией маркируется нисходящим тональным изафетом.

- (9) *tíníngò* *nõy*
 дерево ветка.EZ.POSS
 ‘ветка дерева’ (лекс. *nõy* дерево)

В примере (10) долгое существительное *Kómbòli* ‘кора’ также маркируется нисходящей тональной мелодией в позиции обладаемого.

- (10) *tíníngò* *Kómbòli*
 Дерево кора.EZ.POSS
 ‘кора дерева’ (lex. *kòmbòli* ‘кора дерева’)

Схемы тонального маркирования в позиции обладаемого резюмированы в таблице 1.

Атрибутивный изафет выражается низкотоновой мелодией, маркирующей вершинные имена в конструкциях с прилагательными. Так, в (11) *dèbù* ‘дом.EZ.ATTR’ несет низкотоновую мелодику, отличную как от лексической нисходящей (*débù* ‘дом’), так и от высокотоновой формы посессивного изафета в примере (7).

- (11) *dèbù* *kándá*
 дом.EZ.ATTR новый
 N Adj
 ‘новый дом’

Таблица 1

Тональное маркирование обладаемого
[Tonal marking of possessed noun]

Лексическая мелодия [Lexical melody]	Тональная форма посессивного изафета [Izafe tonal melody]	
	Краткие основы [Short stems]	Долгие основы [Long stems]
LN	HL	
HL	H	HL
H		

Как будет показано в разделе 5, в относительных конструкциях атрибутивный изафет маркирует лексическую вершину, в качестве атрибута при которой выступает относительная клауза.

В демонстративных конструкциях для выражения ближнего ('этот' (близко от говорящего)) и дальнего дейксиса ('тот' (не близко от говорящего)) используется один и тот же показатель *nê:*. Это противопоставление выражается тонально. Вершинное имя сохраняет свою лексическую тональную мелодию перед показателем *nê:* в случае ближнего дейксиса. В случае дальнего дейксиса вершинное имя маркируется демонстративным изафетом, который выражается низкотоновой мелодией на вершинном имени. Ср. примеры (12) и (13).

- (12) *úná* *nê:*
 коза DEM
 'эта коза' (лекс. *úná* 'коза')

- (13) *ùná* *nê:*
 коза.EZ.DEM DEM
 'та коза' (лекс. *úná* 'коза')

Прочие составляющие в именной группе не требуют маркирования вершины тональным изафетом.

В работе [Heath, McPherson, 2013] предлагается анализ описанных явлений в терминах контроля и линейного следования элементов. Предполагается, что в качестве «тональных контролеров» выступают препозитивные посессоры, прилагательные и демонстратив, а в качестве мишеней – тональные мелодии вершинных имен или составляющих. В соответствии с порядком слов, в случае посессоров авторы говорят о тональном контроле слева направо, а в случае прилагательных

и демонстративов – о контроле справа налево. Таким образом, подчеркивается именно синтаксическая природа тонального маркирования в именной группе.

Необходимо отметить, что описанные выше различия в тональном оформлении демонстративных конструкций в момбо позволяют предположить, что в данном случае тональный изафет связан с выражением семантических различий дальнего и ближнего дейксиса и не является собственно синтаксической граммемой. Другими словами, несмотря на внешнюю схожесть конструкций дальнего дейксиса и конструкций с прилагательными, демонстратив *ne* не является тональным контролером, по крайней мере, в том же смысле, в котором им являются прилагательные и препозитивные посессоры.

4. Глагольная морфология и выражение фокуса

Момбо характеризуется необычно сложной системой выражения фокуса, использующей глагольное словоизменение, специальные фокусные показатели и порядок слов. Подробное описание фокусных конструкции приведено в работе [Prokhorov, 2018]. Принципиально важным для настоящего обсуждения является наличие в момбо парадигмы т.н. «глагольных серий», служащих для разграничения различных типов фокусных конструкций и разграничения типов релятивизации в относительных предложениях.

Каждая видовременная категория как в утвердительной, так и в отрицательной форме в момбо может выступать в четырех флективных вариантах, образующих четыре глагольных серии: нейтральную (N), субъектную (S), объектную (O) и предикативную (Pred). Серии характеризуются определенным набором сегментных и/или тональных морфологических признаков. Способы выражения глагольной серии разнятся для разных видовременных категорий. Для простоты идентификации в настоящей работе каждая глагольная форма в глоссах снабжается надстрочным индексом. Например, форма *mályê*: глоссируется «^Nвидеть.PFV», что следует читать как «нейтральная серия перфектива глагола ‘видеть’».

Нейтральная серия используется в немаркированных с точки зрения информационной структуры контекстах². Ср. пример (14).

(14) Dàú	Sěydù=w ⁿ	mályê:.
PN	PN=OBL	^N видеть.PFV
S	O	V
‘Дау увидел Сейду’		

² Использование нейтральной серии также допустимо при фокализации обстоятельств. См. пример (19).

Субъектная серия используется для маркирования фокуса подлежащего. Ср. пример (15).

- (15) Sěydù=wⁿ Dàù mályé:..
 PN=OBL PN ^Sвидеть.PFV
 O S V
 {Кто увидел Сейду?} ‘дау увидел Сейду’.

Как видно из данного примера, в случае перфектива субъектная серия выражается тональными средствами. Глагольные формы в (14) и (15) сегментно идентичны, однако в примере (14) глагольная форма нейтральной серии несет нисходящую мелодию *mályé*: ‘^Nвидеть.PFV’, в то время как в примере (15) глагольная форма маркируется высокотоновой мелодией *mályé*: ‘^Sвидеть.PFV’. Кроме использования субъектной серии, фокус подлежащего маркируется изменением порядка слов. Подлежащее *Dàù* в примере (15) выступает в позиции непосредственно перед глаголом, а все предложение имеет маркированный порядок слов OSV.

Объектная серия используется для выражения фокуса на аргументе, отличном от подлежащего. Ср. примеры (16)–(18).

- (16) Sěydù Ámàrù=wⁿ mályé-né..
 PN PN=OBL ^Oвидеть.PFV-3SG
 S O V
 {Кого увидел Сейду?} ‘Сейду увидел АМАРУ’.

- (17) Sěydù Ámàrù=wⁿ bú:rù ndé-né..
 PN PN=OBL деньги ^Oдавать.PFV-3SG
 S X O V
 {Что Сейду дал Амару?} ‘Сейду дал Амару деньги’.

- (18) Sěydù bú:rù Ámàrù=wⁿ ndé-né..
 PN деньги PN=OBL ^Oдавать.PFV-3SG
 S O X V
 {Кому Сейду отдал деньги?} ‘Сейду отдал деньги АМАРУ’.

В примере (16) фокус на прямом дополнении выражается исключительно использованием глагольной формы объектной серии *mályé-né* ‘^Oвидеть.PFV-3SG’. Объектная серия в перфективе характеризуется наличием специального показателя 3SG -né, который не используется с формами других серий. Ср. бессуффиксальные формы 3SG нейтральной и субъектной серии в примерах (14) и (15).

Примеры (17) и (18) демонстрируют маркирование несубъектного фокуса в дитранзитивных конструкциях. В дитранзитивных конструкциях в момбо показатель косвенного падежа =wⁿ всегда маркирует

реципиента, в то время как тема не принимает падежных показателей. В обоих указанных примерах используется форма объектной серии (*ńdê-né* ‘Одавать.PFV-3SG’). Фокус темы и фокус реципиента различаются при помощи порядка слов. В примере (18) наблюдается маркированный порядок слов SOXV, в котором аргумент, находящийся в фокусе (в данном случае реципиент), выступает в позиции непосредственно перед глаголом.

В конструкциях с фокусом обстоятельства наблюдается вариативность. Как правило, используются формы нейтральной серии, однако допустимо также использование объектной серии:

- (19) *Ámárù mándà ándé/OKándé-né?*
 PN где? ^Nуходить.PFV/^Oуходить.PFV-3SG
 ‘Куда ушел Амару?’

Предикативная серия используется в конструкциях с фокусом на глаголе. Для этой серии характерно использование редупликации корня глагола. В примере (20) форма предикативной серии *sò-ń-swê*: ‘я купил’ образована от формы нейтральной серии *ń-swê*: ‘я купил’ добавлением редулицированного слога.

- (20) *áy, émé sò-ń-swê:!*
 нет молоко ^{Pred}redupl-1SG-купить.PFV
 {Ты взял молоко у нашей соседки?} ‘Нет, я купил молоко’.

5. Морфосинтаксические особенности относительных конструкций

Относительные конструкции в момбо сочетают в себе черты именной группы с прилагательным и конструкций, используемых для выражения фокуса.

Лексическая вершина относительной конструкции так же, как и вершина именной группы с прилагательными, маркируется атрибутивным изафетом. Ср. примеры (21) и (22).

- (21) *ńdà bâyⁿ*
 человек.EZ.ATTR большой
 ‘большой человек’ (лекс. *ńdá* ‘человек’)
- (22) *ńdà égé bâ:*
 человек.EZ.ATTR ^Sприходить.PFV DEF
 ‘человек, который пришел’

В примере (21) существительное *ńdá* ‘человек’ в присутствии следующего за ним прилагательного маркируется атрибутивным изафетом, что выражается в изменении тональной мелодии с лексической

высокотоновой на маркированную низкотоновую. То же существительное в примере (22), выступающее в роли вершины относительной конструкции, также маркируется атрибутивным изафетом.

Сходство с фокусными конструкциями заключается в параллельном употреблении форм глагольных серий в качестве глагола относительного предложения. В отличие от глагола главного предложения, глагол относительной конструкции выступает только в форме нейтральной, субъектной или объектной серии. Предикативная серия не используется. Серия глагола выбирается в зависимости от синтаксической позиции вершины внутри относительной клаузы. Так, при релятивизации подлежащего используется субъектная серия, также используемая в конструкциях с фокусом подлежащего:

- (23) ánnà mí: sém-àmbò
 овца 1SG ^Sзарезать-PROSP.3SG
 {Кто зарежет овцу?}: 'Я зарезу овцу'.

- (24) ñdà ánnà sém-àmbò bà:
 человек.EZ.ATTR овца ^Sзарезать-PROSP.3SG DEF
 'человек, который зарежет овцу'

В примере (23) форма субъектной серии *sém-àmbò* '^Sзарезать-PROSP.3SG' употребляется для выражения фокуса на подлежащем. Само подлежащее, местоимение 1SG *mí:*, появляется непосредственно перед глаголом в соответствии с общим правилом выражения фокуса. Та же глагольная форма субъектной серии используется в примере (24) в относительном предложении для релятивизации подлежащего *ñdà* 'человек.EZ.ATTR', маркированного атрибутивным изафетом.

При релятивизации именных групп, отличных от подлежащего, используются формы объектной серии. Такое употребление объектной серии параллельно ее использованию в фокусных конструкциях. В примере (25) форма объектной серии *ń-sémò-gò* 'я зарезу' выступает в роли глагола относительного предложения, вершина которого *ùndà* 'коза.EZ.ATTR', маркированная тональным изафетом, соответствует прямому дополнению глагола.

- (25) ùndà ń-sémò-gò bà:
 коза.EZ.ATTR ^O1SG-зарезать-PROSP.S3 DEF
 'коза, которую я зарезу'

Та же форма глагола в примере (26) используется для выражения фокуса на прямом дополнении главного предложения. При этом, в отличие от предыдущего примера, прямое дополнение сохраняет свою лексическую высокотоновую мелодию.

- (26) *úná* *ń-sémò-gò*.
 коза ⁰1SG-зарезать-PROSP.S3
 {Какое животное ты собираешься зарезать к празднику?}
 ‘Я зарежу козу’.

При релятивизации обстоятельств используется нейтральная серия. Такое употребление нейтральной серии параллельно ее использованию в конструкциях с фокусом обстоятельства. Ср. идентичные формы первой серии со значением 3SG в примере (27) в качестве глагола в фокусной конструкции и в примере (28) в качестве глагола относительного предложения.

- (27) *Ámárù* *mándà* *égé?*
 PN где? ^Nприйти.PFV
 ‘Куда пришел Амару?’
- (28) *Ámárù* *dùgù* *égé* *bâ:*
 PN деревня.EZ.ATTR ^Nприходить.PFV DEF
 ‘деревня, в которую пришел Амару’

Поскольку при употреблении глагольных серий прослеживается связь между типом релятивизации, с одной стороны, и сферой действия фокуса в фокусных конструкциях – с другой, отсутствие форм предикативной серии в относительных конструкциях легко объяснимо. В главном предложении предикативная серия используется для маркирования фокуса глагола, глагол же не может выступать мишенью релятивизации по определению.

6. Основные типы относительных конструкций

В момбо можно выделить четыре типа относительных конструкций в зависимости от синтаксической позиции составляющей, соответствующей лексической вершине. Поскольку синтаксические свойства вершин отличаются в разных типах относительной конструкции, термины «вершина», «лексическая вершина» употребляются в настоящей статье в семантическом, а не синтаксическом значении. Оба термина используются как синонимы, означают имя или именную группу, модифицируемую определением (прилагательным или относительной клаузой).

Указанные четыре типа схематически представлены (29).

- (29) Тип 1: NP_j $[_{RC} \dots \emptyset_j \dots V]$;
 Тип 2: NP_j $[_{RC} \dots yé: / \grave{h}dà \dots V]$;
 Тип 3: $\emptyset_j$ $[_{RC} \dots NP_j \dots V]$;
 Тип 4: $\emptyset_j$ $[_{RC} \dots \emptyset_j \dots V]$.

Пример конструкции первого типа приведен в (30) .

- (30) $dèbù_j$ $[_{RC} yálè$ $\emptyset_j$ $námá-gè]$
 дом.EZ.ATTR ветер $\emptyset$ 0 быть.испорченным-CAUS.PFV
 $ń-swê:.$
 N 1SG-купить.PFV
 ‘Я купил дом, разрушенный ветром’.

Вершина относительной конструкции (*dèbù* ‘дом.EZ.ATTR’) располагается слева от относительной клаузы. Внутри относительной клаузы вершине соответствует невыраженное прямое дополнение $\emptyset$ глагольной формы *námá-gè* ‘он разрушил’.

Конструкции типа 2 отличаются использованием существительных *yè:* ‘вещь.EZ.ATTR’ (для неличных референтов) и *ndà* ‘человек.EZ.ATTR’ (для личных) в качестве резумптивного элемента в относительной клаузе. Ср. пример (31).

- (31) $[dèbù$ $kùnjù=gè$ $tà:ndì]_j$ $[_{RC} yálè$
 дом.EZ.ATTR старый=L.EZ.ATTR три.EZ.ATTR ветер
 $yè: _j$ $námá-gè]$ $ń-swê:.$
 вещь.EZ.ATTR 0 быть.испорченным-CAUS.PFV 1SG-купить.PFV
 ‘Я купил три старых дома, разрушенных ветром’.

Как и в примере (30), здесь вершина относительной конструкции, в данном случае именная группа *dèbù kùnjù=gè tà:ndì* ‘три старых дома’, маркируется атрибутивным изафетом и располагается слева от относительной клаузы. Внутри относительной клаузы вершине соответствует резумптивный элемент *yè:* ‘вещь.EZ.ATTR’ в роли прямого дополнения глагольной формы объектной серии.

Конструкции типа 3 характеризуются отсутствием выраженной внешней вершины и наличием именной группы, соответствующей вершине, внутри относительной клаузы. Ср. приведенный выше пример (28), в котором подлежащее *Ámàrù* ‘Амару’ глагола относительной конструкции располагается слева от вершины *dùgù* ‘деревня.EZ.ATTR’, что указывает на ее расположение внутри относительной клаузы. На то, что *dùgù* ‘деревня.EZ.ATTR’ действительно соответствует вершине относительной клаузы, указывает маркирование атрибутивным изафетом.

В конструкциях типа 4 выраженная вершина (как внешняя, так и внутренняя) отсутствует. Ср. пример (32).

- (32) $[Sěydù=w^n$ $mályé:$ $bâ:]$ $égé.$
 PN=OBL S видеть.PFV DEF N приходить.PFV.3SG
 ‘Видевший Сейду пришел’.

В примере (32) вершина семантически соответствует подлежащему относительной клаузы, на что указывает использование глагольной субъектной серии. Примечательно, что подобные безвершинные конструкции возможны только при релятивизации подлежащего. Ср. неграмматичный пример (33) с релятивизацией прямого дополнения.

- (33) *[Séydù málýê:/málýé:-né bâ:] égé.
 PN N_{видеть.PFV/O}видеть.PFV-3SG DEF N_{приходить.PFV.SG}
 ожид. ‘Тот, кого видел Сейду, пришел’.

Наиболее интересными с точки зрения синтаксиса являются конструкции с внутренней вершиной типа 3. Помимо порядка слов, на расположение вершины внутри относительной клаузы указывают данные падежного маркирования и сочетаемость с показателем определенности *bâ*:

Внутренние вершины в относительных конструкциях не получают падежных показателей от глагола главного предложения. Ср. пример (34).

- (34) [[wálá bâ: yò:(*=wⁿ/*bâ:/*bâ:=wⁿ) gólígé
 мужчина DEF женщина.EZ.ATTR=OBL/DEF/DEF=OBL вещи
 ndé-né] bâ:]=wⁿ nâ-wⁿ.
 O_{давать.PFV-3SG} DEF=OBL N_{знать-PROSP.1SG}
 ‘Я знаю женщину, которой мужчина дал вещи’.
 (лекс. yô: ‘женщина’)

В момбо клитизированным показателем косвенного падежа =wⁿ маркируются личные существительные – прямые дополнения переходных глаголов. В примере переходная глагольная форма *nâ-wⁿ* ‘я знаю’ требует маркирования такого прямого дополнения указанным показателем. Показатель =wⁿ присоединяется к показателю определенности *bâ*:, следующему за относительной клаузой. Вершина относительной конструкции *yò*: ‘женщина.EZ.ATTR’ не может присоединить показатель косвенного падежа =wⁿ ни сама по себе, ни в сочетании с показателем определенности *bâ*.

Как видно из примера (34), показатель определенности *bâ*:, как и показатель косвенного падежа =wⁿ, может оформлять только всю относительную клаузу целиком, следуя за глаголом, и не может следовать непосредственно за внутренней вершиной относительной конструкции, что также указывает на то, что вершина относительной конструкции не может находиться в главном предложении.

Однако глагол относительной клаузы в момбо тоже не может приписывать показатель косвенного падежа =wⁿ вершине относительной конструкции. Это хорошо видно на примере оформления аргументов

дитранзитивных глаголов. В независимом предложении обязательным является маркирование реципиентного участника при дитранзитивном глаголе показателем косвенного падежа =и^и, при этом тема не оформляется падежными показателями. Ср. пример (35).

- (35) wálá bâ: yò: bâ:=wⁿ góligé ndé.
 мужчина DEF женщина DEF=OBL вещи ^Nдавать.PFV.3SG
 ‘Мужчина дал вещи женщине’

В этом примере реципиент у $\acute{o}$: *bā*:= w^n ‘женщине’ маркируется показателем косвенного падежа, а тема *gólígé* ‘вещи’ остается немаркированной.

Внутренняя вершина относительной конструкции не присоединяет показателя косвенного падежа =wⁿ даже в тех случаях, когда того требует модель управления дитранзитивного глагола относительной клаузы. В примере (36) модель управления глагола *ńdê-né* ‘он дал’ требует оформления реципиентной именной группы *ńbá dè:jè* ‘младший брат моего отца’ показателем косвенного падежа =wⁿ. Порядок слов внутри относительной клаузы соответствует базовому порядку SXOV главного предложения. Однако, поскольку эта именная группа является одновременно вершиной относительной конструкции, на что указывает маркирование атрибутивным изафетом, указанный падежный показатель не присоединяется.

- (36) [RC Sěydu [NP mbá dè:jè](*=wⁿ)
PN 1SG.POSS-отец.EZ.ATTR младший.брат.EZ.ATTR=OBL
S X
bú:rù ndé-né] bà:
°деньги °дать.PFV-3SG DEF
V

‘Младший брат моего отца, которому Сейду отдал деньги’

Заметим также, что вершина *m̃bá dè:jè* в примере (36) внутри относительной клаузы остается в исходной позиции. Она не перемещается в позицию непосредственного перед глаголом, несмотря на то что глагол выступает в объектной серии. В параллельной конструкции с фокусом реципиента (18) такое перемещение является обязательным.

Как видно из примеров (34) и (36), внутренняя вершина относительной клаузы оказывается недоступна для управления со стороны глагола главного предложения и глагола относительной клаузы, а также не проявляет свойств фокализованных составляющих, для которых характерно появление в позиции непосредственно перед глаголом.

Теми же свойствами обладают и внешние вершины в относительных конструкциях типов 1 и 2 (29). Они не могут присоединять показатель

косвенного падежа $=w^n$, который, как и в конструкциях типа 3 (29), присоединяется справа к показателю определенности. Как и внутренние вершины, внешние вершины не сочетаются с показателем определенности $bâ:$. Оба показателя оформляют всю относительную конструкцию целиком. В примере (37) показатели $bâ:$ и $=w^n$ следуют за глаголом и не могут следовать непосредственно за вершиной.

- (37) $yò:(*=w^n/*bâ:/*bâ:=w^n)$ $[[_{RC} wálá \quad bâ:$
женщина.EZ.ATTR=OBL/DEF/DEF=OBL $\quad$ мужчина DEF
 $gólígê \quad \acute{n}d\acute{e}-n\acute{e}] \quad bâ:] =w^n \quad \acute{n}\hat{a}-w^n.$
вещи 0 давать.PFV-3SG DEF=OBL N знать-PROSP.1SG
‘Я знаю женщину, которой мужчина дал вещи’.

Таким образом, можно заключить, что вершины относительных конструкций типа 1–3 (29) проявляют свойства, характерные для синтаксической позиции слева от относительной клаузы, но не в главном предложении. На это указывают отсутствие управления со стороны глагола относительной конструкции и глагола главного предложения, а также описанная выше дистрибуция показателя определенности $bâ:$, появление которого в позиции непосредственно справа от вершины относительной конструкции не допускается.

7. Проблема правого передвижения вершины относительной конструкции в языках догон

Описанные факты делают привлекательным анализ относительных конструкций в момбо, использующий передвижение вершины для деривации конечного порядка слов и обязательно включающий определенный этап, на котором вершина располагается слева от относительной клаузы. На этом этапе вершина маркируется атрибутивным изафетом в присутствии располагающейся справа относительной клаузы, подобно тому, как модифицируемое имя получает атрибутивный изафет от располагающегося справа прилагательного.

С точки зрения порядка слов, такая структура с внешней вершиной, располагающейся слева от относительной клаузы (N.EZ.ATTR $[_{RC} \dots]$), соответствует конструкциям с прилагательными (N.EZ.ATTR Adj), в которых маркирование модифицируемого существительного атрибутивным изафетом контролируется прилагательным, непосредственно примыкающим к нему справа.

Конструкции с внутренней вершиной, исследованные на материале 9 языков догон³ в работах [Heath, McPherson, 2013; McPherson, 2014],

³ Выборка не включала язык момбо.

анализируются авторами как результат правого передвижения, что схематически показано в примере (38)⁴. Вершина (*dùgù* ‘деревня’) порождается в исходной позиции слева от относительной клаузы, маркируется атрибутивным изафетом, после чего передвигается вправо внутрь относительной клаузы:

(38) #dùgù	[_{RC} Ámárù —	égé]	bâ:
деревня	PN	^N приходить.PFV	DEF
dùgù	[_{RC} Ámárù —	égé]	bâ:
деревня.EZ.ATTR	PN	^N приходить.PFV	DEF
<i>t_j</i>	[_{RC} Ámárù dùgù _j	égé]	bâ:
<i>t</i>	PN	деревня.EZ.ATTR	^N приходить.PFV DEF
‘деревня, в которую пришел Амару’			

Как будет показано в разделе 8, данные момбо плохо согласуются с предположением о правом передвижении. Напротив, они однозначно указывают на необходимость левого подъема вершины, но вместе с тем требуют наличия механизма, позволяющего копирование внутренней правой копией вершины морфологических признаков внешней левой копии.

Необходимо также отметить, что левый подъем отчасти соответствует наиболее стандартному анализу относительных конструкций с внешней вершиной, принятому в генеративной грамматике (ср. [Kayne, 1994; Bianchi, 1999]), согласно которому вершинное существительное порождается внутри относительной клаузы и поднимается в процессе деривации в главное предложение.

Для относительных конструкций с внутренней вершиной в генеративной литературе также выдвигалось предположение о необходимости подъема вершины из относительной клаузы [Cole, 1987; Culy, 1990; Basilico, 1996; Boyle, 2016]. В большинстве случаев такое передвижение описывалось авторами как «скрытое»⁵, происходящее на уровне т.н. «логической формы», «LF». При этом была обнаружена важная закономерность, связывающая необходимость подъема вершины на уровне LF с ее неспособностью присоединять показатель определенности.

Эта закономерность была подробно исследована на материале юманских (диегеньо, мохаве, кокопа [Basilico, 1996]) и сиуанских языков (лакота и хидатса [Williamson, 1987; Boyle, 2016]). Дж. Уильямсон вводит так называемое «ограничение неопределенности» (*indefiniteness restriction*), согласно которому внутренняя вершина относительного

⁴ Здесь и далее символ # используется для обозначения того, что данный языковой пример соответствует определенному этапу деривации и не является грамматичным.

⁵ Ср., однако, работу [Basilico, 1996], в которой приводятся примеры открытого передвижения в пределах относительной клаузы.

предложения не может быть определенной, поскольку с семантической точки зрения представляет собой переменную, связываемую оператором – показателем определенности, в сфере действия которого находится относительная клауза [Williamson, 1987]. Для того, чтобы такое связывание было возможно, согласно [Basilico, 1996] вершина должна покинуть VP. В работе [Boyle, 2016] для сиуанского языка хидатса обосновывается передвижение на уровне LF в позицию Spec CP относительной клаузы.

Как было показано выше в разделе 6, внешняя вершина в момбо не проявляет свойств аргумента главного предложения, что свидетельствует о том, что, располагаясь в определенной позиции слева от относительной клаузы, вершина образует с ней единую составляющую, которую оформляют показатель определенности *bâ*: и косвенного падежа *=wⁿ*. Такое расположение внешней вершины относительно показателя определенности согласуется с наблюдаемым в момбо ограничением на его сочетание с внешней и внутренней вершиной.

8. Аргументы в пользу левого подъема

Применительно к относительным конструкциям в момбо, анализ с использованием правого передвижения возможен только для конструкций типа 1 и 3 (29). Он не применим для конструкций с резумптивными элементами типа 2 и малопривлекателен для анализа безвершинных относительных конструкций типа 4.

Сравнение конструкции типа 2 с приводимым ниже неграмматичным примером (39) позволяет однозначно утверждать, что открытое передвижение вершины относительной конструкции возможно только влево изнутри относительной клаузы и невозможно в обратном направлении. В конструкциях типа 2 полная именная группа предшествует резумптивному элементу *yê*: ‘вещь.EZ.ATTR’. Конструкции типа (39), в которых резумптивный элемент предшествует полной именной группе, являются неграмматичными:

- (39) **yê*:_j [_{RC} *yálè* [*dèbù* *kùnjù=gè*
 вещь.EZ.ATTR ветер дом.EZ.ATTR старый-PL.EZ.ATTR
 tà:ndi]_j *námá-gè*] *ń-swê*:
 три.EZ.ATTR ⁰быть.испорченным-CAUS.PFV 1SG-купить.PFV
 Желанное: ‘Я купил три старых дома, разрушенных ветром’.

Иными словами, правое передвижение вершины неверно предсказывает грамматичность конструкции типа (39). Именно такого результата следовало бы ждать в случае перемещения именной группы вправо внутрь относительной клаузы при деривации конструкций типа 2.

Малопривлекательно правое передвижение и для описания безвершинных конструкций типа 4 (32). Напомним, что безвершинные относительные конструкции возможны только при релятивизации подлежащего. В этом они параллельны конструкциям *pro-drop* в главном предложении (ср. пример (4)). Следовательно, резонно предположить, что то же правило опущения местоименного подлежащего действует и в относительной клаузе. Однако для того, чтобы совместить *pro-drop* вершины-подлежащего относительной клаузы с правым передвижением, придется предположить, что вершина относительной клаузы передвигается в указанную позицию из позиции левее относительной клаузы, после чего опускается.

Описанные выше причины заставляют нас обратиться к исследованию возможности объяснения наблюдаемых фактов при помощи предположения о подъеме вершины относительной клаузы в позицию слева. Если пытаться совместить все 4 типа относительных конструкций с помощью левого передвижения, то наиболее естественно предположить следующее.

Исходной позицией вершинной именной группы является позиция внутри относительной клаузы в соответствии с базовым порядком слов SXOV. С точки зрения порядка слов исходная структура соответствует конструкции типа 3. Конструкции типа 1 и 2, в таком случае, образуются передвижением именной группы из относительной клаузы в позицию слева, соответствующую внешней вершине относительного конструкции. В конструкциях типа 1 внутренняя вершина остается невыраженной, а в конструкциях типа 2 заменяется резюмptивным элементом. Безвершинные относительные конструкции типа 4 образуются простым применением правила *pro-drop* ко внутренним местоименным вершинам-подлежащим до подъема вершины из относительной клаузы. В случае, если вершина соответствует местоименному подлежащему относительной клаузы, она может быть опущена. Для прочих типов вершин обязательным является левый подъем вершинной именной группы.

Как уже отмечалось выше, внутренняя вершина в конструкциях типа 3, несмотря на свою линейную позицию, демонстрирует свойства, указывающие на то, что она также подвергается передвижению. На это указывает запрет на присоединение показателя косвенного падежа, требуемого моделью управления глагола относительного предложения и изафетное маркирование. См. примеры (34) и (36), приводимые выше в разделе 4. Если бы передвижения внутренней вершины не происходило, она должна была бы вести себя так же, как соответствующей аргумент глагола относительной клаузы. Мы бы ожидали ее маркирования

показателем косвенного падежа =иⁿ в тех случаях, когда того требует модель управления глагола, а также отсутствия маркирования атрибутивным изафетом. В действительности, внутренние вершины, как и внешние, не присоединяют падежных показателей и всегда маркируются атрибутивным изафетом, что должно указывать на то, что внутренняя вершина подвергается передвижению.

По-видимому, единственной возможностью сохранения единообразия анализа всех 4 типов относительной конструкции момбо является предположение о том, что, вопреки поверхностному порядку слов в конструкциях типа 3, имеет место выдвижение вершинной именной группы из относительной клаузы в позицию слева, влекущее за собой маркирование вершины атрибутивным изафетом. Тогда различие между конструкциями типа 1, 2 и 3 должно объясняться через различное обращение с нижней и верхней копией вершиной именной группы, образующимися в результате передвижения.

Во всех трех конструкциях на первом этапе происходит выдвижение вершины из относительной клаузы с созданием копии в исходной позиции. Затем во всех трех конструкциях верхняя копия получает атрибутивный изафет. В конструкциях типа 1 имеет место удаление нижней копии, как схематически показано в (40).

(40) #	[_{RC} yálè	débú	námágè]
	ветер	дом	^o разрушил
# débú	[_{RC} yálè	débú	námágè]
# dèbù	[_{RC} yálè	débú	námágè]
dèbù	[_{RC} yálè	débú	námágè]
‘дом, разрушенный ветром’			

В конструкциях типа 2 нижняя копия заменяется резюмptивным элементом уè: в низкотоновой форме атрибутивного изафета, как показано в следующем примере.

(41) #	[_{RC} yálè	débú	námágè]
	ветер	дом	^o разрушил
# débú	[_{RC} yálè	débú	námágè]
# dèbù	[_{RC} yálè	débú	námágè]
dèbù	[_{RC} yálè	yè:	námágè]
‘дом, разрушенный ветром’			

В конструкциях типа 3 правая копия заменяется именную группу в форме атрибутивного изафета, после чего происходит удаление верхней копии вершины при сохранении нижней:

- (42)
	[_{RC} yálè	débù	námágè]
	ветер	дом	^O разрушил
# débù	[_{RC} yálè	débù	námágè]
# débù	[_{RC} yálè	débù	námágè]
# débù	[_{RC} yálè	débù	námágè]
débù	[_{RC} yálè	débù	námágè]
- ‘дом, разрушенный ветром’

Маркирование внутренней вершины атрибутивным изафетом, наблюдаемое в конструкциях типа 2 и 3, представляет собой проблему. Изафет должен приписываться после подъема вершинной именной группы из относительной клаузы, следовательно, у внутренних копий вершины в конструкциях типа 2 и 3 ожидалось бы сохранение лексической формы. Однако в этих конструкциях внутренняя вершина обязательно маркируется атрибутивным изафетом, ср. примеры (43) и (44).

- (43) Ø_j [_{RC} Ámárù dùgù/*dúgù] égé] bâ:
 Ø PN деревня.EZ.ATTR/деревня ^Nприходить.PFV DEF
 ‘деревня, в которую пришел Амару’

- (44) [débù kùnjù=gè tà:ndi]_j
 дом.EZ.ATTR старый-PL.EZ.ATTR три.EZ.ATTR
 [_{RC} yálè yè:/*yé:] námá-gè]
 ветер вещь.EZ.ATTR/вещь ^Oбыть.испорченным-CAUS.PFV
 n-swé:
^N1SG-купить.PFV
 ‘Я купил три старых дома, разрушенных ветром’.

Для объяснения данного явления необходим механизм, обеспечивающий перенос признаков в направлении, обратном передвижению – от верхней копии, образовавшейся в результате левого подъема, на нижнюю копию, находящуюся внутри относительной клаузы.

9. Заключение

Таким образом, нам удалось показать, что морфосинтаксические свойства вершин относительных конструкции в момбо соответствуют позиции слева от относительной клаузы. Относительные конструкции в момбо плохо согласуются с предложенным ранее для языков догон анализом [Heath, McPherson, 2013; McPherson, 2014], использующим правое передвижение. Напротив, данные момбо свидетельствуют о том, что вершина оказывается в позиции слева от относительной клаузы в результате подъема из последней. В этой позиции происходит маркирование вершины атрибутивным изафетом, подобно тому как это

происходит в конструкциях с прилагательными. Такой анализ обнаруживает необходимость наличия в момбо типологически редкого механизма копирования внутренней вершиной морфологических признаков внешней, образовавшейся в результате передвижения. Объяснение и детальное описание данного механизма должно стать предметом отдельного исследования.

Библиографический список / References

Basilico, 1996 – Basilico D. Head position and internally headed relative clauses. *Language*. 1996. Vol. 72. No. 3. Pp. 498–532.

Bianchi, 1999 – Bianchi V. Consequences of Antisymmetry Headed Relative Clauses. Berlin, New York, 1999.

Boyle, 2016 – Boyle J.P. The syntax and semantics of internally headed relative clauses in Hidatsa. *Advances in the study of Siouan Languages and linguistics*. C. Rudin, B. Gordon (eds.). Berlin, 2016. Pp. 255–287.

Cole, 1987 – Cole P. The structure of internally headed relative clauses. *Natural Language and Linguistic Theory*. Kluwer Academic Publishers, May 1987. Vol. 5. No. 2. Pp. 277–302.

Creissels, 2009 – Creissels D. Construct forms of nouns in African languages. *Proceedings of Conference on Language Documentation & Linguistic Theory 2. SOAS, London, November 13–14 2009*. P.K. Austin, O. Bond, M. Charette et al. (eds.). London, 2009. Pp. 73–82.

Culy, 1990 – Culy C.D. The syntax and semantics of internally headed relative clauses. Stanford University, 1990.

Durieux, Durieux-Boon, Hochstetler, 2004 – Durieux J.A.K, Durieux-Boon E.I., Hochstetler J.L. Sociolinguistic Survey of the Dogon language area. *SIL Electronic Survey Reports*. 2004. Vol. 2004–004. P. 187.

Heath, 2008 – Heath J. A grammar of Jamsay. Berlin, New York, 2008.

Heath, McPherson, 2013 – Heath J., McPherson L. Tonosyntax and reference restriction in Dogon NPs. *Language*. 2013. Vol. 89. No. 2. Pp. 265–296.

Kayne, 1994 – Kayne R.S. The antisymmetry of syntax. Cambridge, MA, 1994.

McPherson, 2013 – McPherson L. A grammar of Tommo So. Berlin, Boston, 2013.

McPherson, 2014 – McPherson L. Replative grammatical tone in the Dogon languages. UCLA, 2014.

Plungian, 1995 – Plungian V.A. Dogon. München, Newcastle, 1995.

Prokhorov, 2011 – Prokhorov K. Tonal head-marking in the Mombo noun phrase. *Afrikanische Sprachen im Fokus: Linguistische Beiträge zum 19. Afrikanistentag, Mainz, 8–10 April 2010 (Afrikanistentag 9)*. Cologne, 2011. Pp. 209–222.

Prokhorov, 2018 – Prokhorov K. Focus marking and topicality in Mombo. *Africana Linguistica*. 2018. Vol. 24. Pp. 139–159.

Williamson, 1987 – Williamson J. An indefiniteness restriction for relative clauses in Lakota. *The Representation of (In)Definiteness*. E.J. Reuland, A.G.B. Ter Meulen (eds.). Cambridge, Massachusetts, London, England, 1987. Pp. 168–190.

Статья поступила в редакцию 28.06.2020
The article was received on 28.06.2020

Об авторе / About the author

Прохоров Кирилл Николаевич – младший научный сотрудник Отдела африканских языков, Институт языкознания РАН, г. Москва

Kirill N. Prokhorov – research assistant at the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: bolshoypro@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-99-110

А.М. Арутюнян

Пятигорский медико-фармацевтический институт –
филиал Волгоградского государственного медицинского университета,
357500 г. Пятигорск, Ставропольский край, Российская Федерация

Лингводидактический потенциал мультимедийной программы конкорданс AntConc

В статье на примере исследования по разработке методики формирования у обучающихся вузов медицинского и фармацевтического профилей иноязычной рецептивной терминологической компетенции дан анализ лингводидактическому потенциалу мультимедийной программы конкорданс AntConc, который реализуется в представлении английских терминологических единиц на основе образующих их латинских/греческих терминоэлементов, а также возможности создания обучающих упражнений с помощью данной программы. Дополнены возможности использования ресурсов корпусной лингвистики в теоретической и практической методике обучения иностранным языкам в медицинских и фармацевтических вузах. Предложены программа конкорданс AntConc как средство создания обучающих упражнений и использование корпуса текстов медико-фармацевтической специальности как базы для создания упражнений и заданий для студентов-медиков и фармацевтов.

Ключевые слова: лингводидактический потенциал программы конкорданс, мультимедийная программа конкорданс AntConc, отбор терминоэлементов, иноязычная рецептивная терминологическая компетенция, электронные средства обучения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Арутюнян А.М. Лингводидактический потенциал мультимедийной программы конкорданс AntConc // Pema. Rhema. 2021. № 1. С. 99–110. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-99-110

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-99-110

A. Arutyunyan

Pyatigorsk Medical Pharmaceutical Institute –
branch of Volgograd State Medical University,
Pyatigorsk, Stavropol region, 357500, Russian Federation

Linguodidactic potential of AntConc multimedia program

The article analyses linguodidactic potential of multimedia program AntConc in the context of development of the methodology of foreign receptive terminological competence formation of medical and pharmaceutical students, which is implemented by the presentation of English terms through Latin/Greek terminological elements that form them and by the possibility of making exercises in this program. The possibilities of using the resources of corpus linguistics in the theoretical and practical methods of ESL teaching at medical and pharmaceutical universities are described. The concordance program AntConc is proposed as a tool for making exercises and the medical-pharmaceutical corpora is suggested as a basis for making exercises and tasks for medical and pharmaceutical students.

Key words: linguodidactic potential of the concordance program, AntConc, terminological elements, foreign receptive terminological competence, digital tools

FOR CITATION: Arutyunyan A. Linguodidactic potential of AntConc multimedia program. *Rhema*. 2021. No. 1. Pp. 99–110. (In Russ.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-99-110

Цифровизация образования, о которой еще совсем недавно говорили в будущем времени, сегодня, несомненно, является реальным фактом. В области лингвистического образования различного уровня информационно-коммуникационные технологии, как свидетельствуют

теоретические исследования и образовательная практика, органично и весьма эффективно внедрены в процесс формирования иноязычных компетенций уже более четверти века тому назад. Они систематически совершенствуются и обновляются, а также создаются мультимедийные обучающие технологии нового поколения. Многие проблемы обучения иностранным языкам и культурам в настоящее время исследуются с позиции компьютерной лингводидактики [Бовтенко, 2005].

Н.Д. Гальскова и Д.К. Бартош глубоко проанализировали проблемы электронного обучения иностранным языкам и аргументировали мощный лингводидактический потенциал «компьютерно-опосредованной коммуникации и собственно Интернета как гигантского лингвистического корпуса» [Гальскова, Бартош, 2017, с. 3]. Авторы приходят к выводу о том, что электронное обучение предоставляет учителю значительные возможности для формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, а также их личностных качеств [Там же].

Цель данной статьи – рассмотреть лингводидактический потенциал мультимедийной программы конкорданс AntConc (<https://www.laurenceanthony.net/software/antconc>) на конкретном примере исследования проблемы формирования у обучающихся вузов медицинского и фармацевтического профилей иноязычной рецептивной терминологической компетенции.

В результате установлено, что в аутентичных английских текстах по медицинской и фармацевтической тематике содержится значительное число специальных терминов, исторически образованных на основе латинских и греческих терминоэлементов. Терминоэлемент – это «любая часть производного слова (морфема, блок морфем), регулярно воспроизводимая в готовом виде при использовании уже существующих или создании новых терминов и сохраняющая определенное написание в терминологическом значении» [Чернявский, 2013, с. 175].

В лингвистической и методической литературе имеются различные данные о количестве терминов в специальных текстах. Чтобы получить достоверные сведения, мы провели независимый мониторинг и обнаружили, что в медицинских и фармацевтических текстах содержится от 48 до 89% лексики латинского и греческого происхождения [Барышников, Арутюнян, 2018]. Данный факт послужил основанием для включения в состав иноязычной читательской компетенции обучающихся (будущих медиков или фармацевтов) весьма существенного компонента – иноязычной рецептивной терминологической компетенции. Она является компонентом иноязычной читательской компетенции выпускников вузов медицинского/фармацевтического профилей, обеспечивающим

безошибочное узнавание терминов при чтении профессионально-ориентированных текстов с опорой на терминологические элементы латинского и греческого происхождения, от которых они образованы. Сюда относится также развитая способность к адекватному восприятию английских терминов латинского и греческого происхождения при чтении текстов по медико-фармацевтической тематике и сформированная готовность к успешной когнитивно-познавательной деятельности извлечения информации из читаемого текста [Барышников, Арутюнян, 2018].

Научный замысел разработки методики формирования у обучающихся (будущих медиков или фармацевтов) иноязычной рецептивной терминологической компетенции заключался в использовании знания студентами основ медицинской/фармацевтической латыни, приобретенных ими при изучении специальных учебных курсов. Таким образом, родилась идея создания учебного пособия «Per Latinam ad Anglicam» (English through Latin) [Арутюнян, 2019]. Однако, как нам представлялось, реализация перспективного научно-методического замысла осложнялась тем, что латинских и греческих терминологических элементов великое множество, овладеть которыми в полном объеме обучающимся не представляется возможным. В этой связи возникла проблема отбора терминологических элементов, необходимых и достаточных для формирования иноязычной рецептивной терминологической компетенции, обеспечивающей высокий уровень понимания обучающихся при чтении ими аутентичных специальных текстов. Данная проблема была решена с помощью программы конкорданс AntConc.

Чтобы отобрать необходимое и достаточное количество терминологических элементов латинского и греческого происхождения (корни, суффиксы, префиксы), овладение которыми позволило бы обучающимся безошибочно выводить как можно большее число медицинских и фармацевтических английских терминов, мы обратились к программе конкорданс AntConc и корпусной лингвистике. Лингвистический корпус – это массив текстов, сгруппированных в единую систему в соответствии с определенными признаками, такими как язык, жанр, время и т.д., и снабженных поисковой системой. Для него свойственны такие характеристики, как статистическая и лингвистическая наглядность, наличие широких поисковых возможностей и различных регистровых особенностей, а также статистическая достоверность [Горина, 2014].

Упомянутые и другие характеристики корпуса позволяют реализовать ряд трудно разрешаемых в образовательной практике проблем обучения иностранным языкам. В частности, Л.П. Тарнаева и Е.С. Осипова разработали методику использования корпусной лингвистики при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации –

с учетом того, что ресурсы корпусной лингвистики обеспечивают более глубокое понимание функций языковых единиц, обогащение словарного запаса обучающихся, в том числе и в области профессиональной лексики [Тарнаева, Осипова, 2016]. Однако самым значительным достоинством лингвистического корпуса является оперативность получения необходимого результата. На традиционную обработку статистических данных, на подбор и анализ примеров могут потребоваться недели, месяцы, даже годы, а корпус позволяет сделать эту трудоемкую работу практически мгновенно.

Чтобы выявить наиболее частотные терминологические элементы, мы сформировали корпус, включающий более чем 600 текстов общим объемом около 850 тыс. знаков, или 22 условных п.л. Использованный нами исходный текстовый материал отличался многообразием медицинской и фармацевтической тематики: описание болезней, научные статьи, аннотации к лекарственным препаратам, описание технологий изготовления лекарств, научно-популярные статьи о здоровом образе жизни и др. Большинство текстов для создания корпуса взяты из Интернета.

Анализ корпусов текстов осуществлен с помощью мультимедийного средства конкорданса, представляющего собой программу, осуществляющую автоматическую выборку заданных языковых единиц из электронных текстов [Бовтенко, 2005]. Программа конкорданс позволяет точно понять характер контекстного употребления терминологических единиц, их частотность, сочетаемость с другими словами. Существует множество программ конкорданс: WordSmith Tools, TextSTAT, TextAnalyst 2.0, Concordance 2.0.0 и др. При анализе корпуса мы использовали программу AntConc разработчика Dr. Laurence Anthony (<https://www.laurenceanthony.net/software/antconc>). Одним из ее преимуществ является то, что панель инструментов программы позволяет отобрать не только термины, но и терминологические элементы (префиксы, корни и суффиксы).

В результате обработки корпуса медико-фармацевтических текстов с помощью данной программы определены 24 разных терминологических элемента латинского происхождения (22 корня и 2 префикса) и 20 греческих терминологических элементов (6 корней, 5 префиксов и 9 суффиксов).

Таким образом, с помощью программы-конкорданс мы смогли выделить наиболее частотные терминологические элементы. Однако необходимо было определить продуктивность отобранных терминологических элементов, что было возможно с использованием платформы «More words» (<https://www.morewords.com>). Данная платформа позволяет определить, сколько лексических единиц образует тот или иной терминологический элемент.

Анализ показал, что достаточно ограниченное число терминологических элементов при несложных языковых операциях по выведению значения

английских терминов обеспечивает безошибочное понимание почти шести тысяч (5985) лексических единиц. Обращает на себя внимание тот факт, что отобранные терминоэлементы имеют индивидуальный индекс продуктивности.

В частности, терминоэлемент *-lysis* ‘разложение’ образует около 40 терминологических единиц: *catalysis* ‘катализ (увеличение скорости химической реакции под действием катализатора)’; *cytolysis* ‘разрушение клеток’; *biolysis* ‘разрушение живых тканей под действием организмов’; *glycolysis* ‘расщепление глюкозы’; *lipolysis* ‘расщепление жира’ и др.

Терминоэлемент *-sect-*, имеющий значение ‘резать’, является основой для образования 140 единиц терминологического характера, таких как *bisector* ‘биссектриса’, *resect* ‘иссекать’; *vivisection* ‘живосечение (в эксперименте)’, *sector* ‘отрасль’, *sectile* ‘мелкорассеченный’; *dissected* ‘рассеченный’ и др.

Отобранные терминоэлементы представлены в табл. 1 с указанием общего числа лексем, которые они образуют в английском языке.

Таблица 1

**Латинские и греческие терминоэлементы,
отобранные на основе программы-конкорданса AntConc
[Latin and Greek terms selected with the help
of AntConc concordance program]**

Терминоэлементы латинского происхождения [Latin word-forming elements]	Количество лексем, образованных на основе терминоэлемента [The number of words derived from a word-forming element]	Терминоэлементы греческого происхождения [Greek word-forming elements]	Количество лексем, образованных на основе терминоэлемента [The number of words derived from a word-forming element]
корни [root-words]		корни [root-words]	
1. <i>-acid-</i> ‘кислота’	97	1. <i>-ceph-</i> ‘голова’	118
2. <i>-card-</i> ‘сердце’	157	2. <i>-cran-</i> ‘череп’	70
3. <i>-circ-</i> ‘круг’	172	3. <i>-derm-</i> ‘кожа’	120
4. <i>-cur-</i> ‘лечение’	80	4. <i>-esth-</i> ‘чувство’	84
5. <i>-digest-</i> ‘переваривание’	37	5. <i>-gastr-</i> ‘желудок’	65
6. <i>-herb-</i> ‘трава’	40	6. <i>-neur-</i> ‘нерв’	200

Терминоэлементы латинского происхождения [Latin word-forming elements]	Количество лексем, образованных на основе терминоэлемента [The number of words derived from a word-forming element]	Терминоэлементы греческого происхождения [Greek word-forming elements]	Количество лексем, образованных на основе терминоэлемента [The number of words derived from a word-forming element]
7. <i>-medic-</i> ‘медицина’	50	префиксы [prefixes.]	
8. <i>-part-</i> ‘часть’	280	1. <i>anti-</i> ‘против’	787
9. <i>-nutr-</i> ‘питание’	32	2. <i>dys-</i> ‘недостаточно’	77
10. <i>-pres-</i> ‘давление’	400	3. <i>eu-</i> ‘хорошо, легко’	250
11. <i>-sect-</i> ‘разрез’	145	4. <i>hyper-</i> ‘выше нормы’	357
12. <i>-sed-</i> ‘усидчивость’	60	5. <i>hypo-</i> ‘ниже нормы’	198
13. <i>-sens-</i> ‘чувство’	200	суффиксы [suffixes]	
14. <i>-solv-</i> ‘раствор’	90	1. <i>-cide-</i> ‘уничтожение’	50
15. <i>-somm-</i> ‘сон’	26	2. <i>-genesis-</i> ‘происхождение, возникновение’	60
16. <i>-spir-</i> ‘дыхание, спирт’	200	3. <i>-iasis-</i> ‘заболевание невоспалительного характера’	35
17. <i>-scrib-</i> ‘надпись’	193	4. <i>-itis-</i> ‘болезнь воспалительного характера’	215
19. <i>-tox-</i> ‘яд’	148	5. <i>-lysis-</i> ‘распад, разложение’	40
18. <i>-tens-</i> ‘давление’	150	6. <i>-oma-</i> ‘опухоль’	75
20. <i>-urin-</i> ‘моча’	30	7. <i>-osis-</i> ‘болезненное состояние’	183
21. <i>-vas-</i> ‘сосуд’	60	8. <i>-pathy-</i> ‘болезнь’	25
22. <i>-vis-</i> ‘зрение’	70	9. <i>-ectomy-</i> ‘удаление’	70

Окончание табл. 1

Терминоэлементы латинского происхождения [Latin word-forming elements]	Количество лексем, образованных на основе терминоэлемента [The number of words derived from a word-forming element]	Терминоэлементы греческого происхождения [Greek word-forming elements]	Количество лексем, образованных на основе терминоэлемента [The number of words derived from a word-forming element]
префиксы [prefixes]			
1. <i>extra</i> - ‘вне-, -сверх’	107		
2. <i>intra</i> - ‘внутри’	82		
В с е г о: 24 терминоэлемента [T o t a l: 24 word-forming elements] 2906 лексических единиц [2906 words]		В с е г о: 20 терминоэлементов [T o t a l: 20 word-forming elements] 3079 лексических единиц [3079 words]	
В с е г о: 44 терминоэлемента [T o t a l: 44 word-forming elements] 5985 лексических единиц [5985 words]			

Большинство терминоэлементов обладают высокой продуктивностью, т.е. способностью образовывать большое количество лексических единиц (см. табл. 1). Самым продуктивным терминоэлементом оказался префикс *anti*-, образующий 787 лексических единиц. Из таблицы следует, что в идеале 44 терминоэлемента могут образовать 5985 лексических единиц, что свидетельствует о том, что латинские и греческие терминоэлементы являются надежными индикаторами понимания значения английских терминов подъязыка медицины и фармации, поэтому было бы методически опрометчиво пренебречь их мощным лингводидактическим потенциалом, т.к. владение значением одного терминоэлемента дает возможность обучающему декодировать значение множества терминов, образованных на его основе.

Таким образом, с помощью программы-конкорданс и платформы «More words» мы отобрали наиболее частотные и продуктивные терминоэлементы, которые положены основу авторского учебного пособия “Per Latinam ad Anglicam (English through Latin)” [Апутьонян, 2019], цель которого – формирование иноязычной терминологической компетенции у студентов-медиков и фармацевтов.

Лингводидактический потенциал мультимедийной программы конкорданс AntConc этим не ограничивается. П.В. Сысоев, исследовав проблему использования скриншота программы конкорданс при формировании лексико-грамматических навыков у обучающихся, предложил ряд упражнений, которые можно использовать в следующих случаях: 1) определение значения слов; 2) изучение полисемии слов; 3) изучение управления глаголов; 4) изучение грамматических времен и др.

По мнению автора, использование лингвистического корпуса и программы-конкорданс оптимизирует процесс обучения иностранным языкам и позволяет преподавателю «создать множество заданий проблемного характера для стимулирования исследовательской работы обучающихся» [Сысоев, 2010, с. 110].

Идею П.В. Сысоева мы экстраполировали на формирование иноязычной рецептивной терминологической компетенции. На основе программы конкорданс нами разработаны обучающие упражнения инновационного характера для формирования иноязычной рецептивной терминологической компетенции. В порядке иллюстрации приведем некоторые типы обучающих упражнений.

Первый тип упражнений направлен на развитие умения анализировать термины с опорой на их общий терминологический элемент. В данном примере – это греческий суффикс *-itis*. Учащимся предлагается рассмотреть скриншот страницы программы AntConc (рис. 1) и ответить на вопрос:

Exercise 1. Look at the screenshot of AntConc program and decide which terminological element is missing.

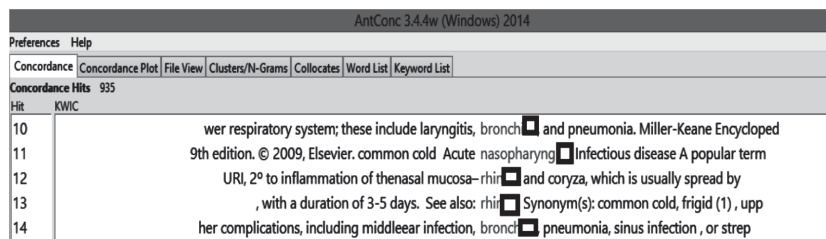

Рис. 1. Скриншот программы AntConc (упражнение 1)

Fig. 1. Screenshot of AntConc program (exercise 1)

Второй тип упражнений направлен на определение части речи представленных в программе лексических единиц. Учащимся предлагается рассмотреть скриншот страницы программы AntConc (рис. 2) и ответить на вопрос:

Exercise 2. Look at the screenshot of AntConc program and decide what parts of speech words with “vas” root are.

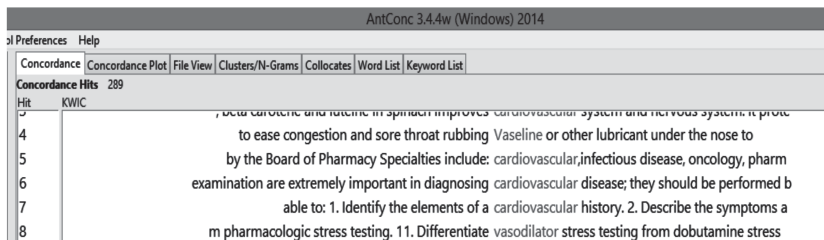

Рис. 2. Скриншот программы AntConc (упражнение 2)

Fig. 2. Screenshot of AntConc program (exercise 2)

Упражнения подобного типа способствуют формированию умения определять грамматическую категорию лексемы по формальному признаку. В качестве формального признака рассматриваются суффиксы, свойственные существительным, прилагательным, глаголам, наречиям и т.д.

Третий тип упражнений обеспечивает накопление знаний о термино-сочетаниях, т.е. студенты знакомятся с терминологической единицей в различных предложениях, представленных с помощью программы конкорданс, что позволяет определить лексическую сочетаемость термина и понять его значение по контексту (рис. 3):

Exercise 3. Look at the screenshot of AntConc program and write out all words which go together with the word “pressure”.

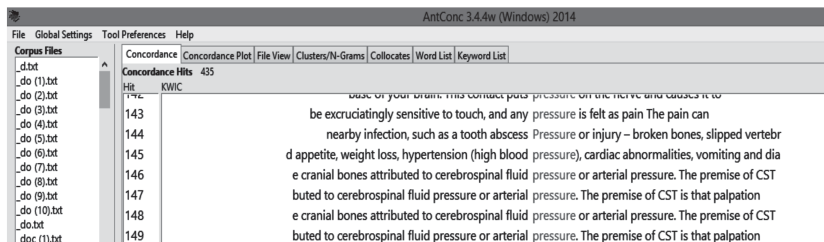

Рис. 3. Скриншот программы AntConc (упражнение 3)

Fig. 3. Screenshot of AntConc program (exercise 3)

Как показывает скриншот программы AntConc, термин *pressure* употребляется с прилагательными *arterial*, *fluid*, *blood*, *airway* и т.д., что, в свою очередь, позволяет студентам изучить новые терминосочетания.

Таким образом, все изложенное позволяет заключить, что методика обучения иностранным языкам активно цифровизируется и этот процесс необратим. Представленный в статье опыт использования мультимедийной программы конкорданс AntConc в проведении лингводидактического исследования и в процессе формирования терминологической компетенции является экспериментальным подтверждением высокого лингводидактического потенциала мультимедийных средств обучения иностранным языкам, в том числе программы конкорданс AntConc.

Библиографический список / References

Арутюнян, 2019 – Арутюнян А.М. *Per Latinam ad Anglicam (English through Latin)*: Учеб. пособие по английскому языку для студентов высших образовательных организаций медицинского и фармацевтического профилей. Пятигорск, 2019. [Arutyunyan A.M. *Per Latinam ad Anglicam (English through Latin)*. Textbook. English language guide for students of higher educational institutions of medical and pharmaceutical profiles. Pyatigorsk, 2019.]

Барышников, Арутюнян, 2018 – Барышников Н.В., Арутюнян А.М. Компонентный состав иноязычной рецептивной терминологической компетенции как основа ее формирования // Иностранные языки в школе. 2018. № 7. С. 2–9. [Baryshnikov N.V., Arutyunyan A.M. Component structure of foreign language terminological competence as a basis of its formation. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2018. No. 7. Pp. 2–9. (In Rus.)]

Бовтенко, 2005 – Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика. М., 2005. [Bovtenko M.A. *Computer Linguodidactics*. Moscow, 2005.]

Гальскова, Бартош, 2017 – Гальскова Н.Д., Бартош Д.К. Электронное обучение иностранным языкам: лингводидактический потенциал // Иностранные языки в школе. 2017. № 6. С. 2–9. [Galskova N.D., Bartosh D.K. Electronic teaching of foreign languages: Linguodidactic potential. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2017. No. 6. Pp. 2–9. (In Rus.)]

Горина, 2014 – Горина О.Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов в профессионально-ориентированном общении на английском языке: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2014. [Gorina O.G. *Ispolzovanie tekhnologii korpusnoi lingvistiki dlya razvitiya leksicheskikh navykov studentov-regionovedov v professionalno-orientirovannom obshchenii na angliiskom yazyke* [The use of corpus linguistics technologies for the development of lexical skills of regional studies students in professionally oriented communication in English]. PhD Theses. St. Petersburg, 2014.]

Сысоев, 2010 – Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. № 1. С. 99–111. [Sysoev P.V. Linguistic corpus in teaching foreign languages. *Yazyk i kultura*. 2010. No. 1. Pp. 99–111. (In Rus.)]

Тарнаева, Осипова, 2016 – Тарнаева Л.П., Осипова Е.С. Использование ресурсов корпусной лингвистики при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики.

2016. № 9-1 (63). С. 205–209. [Tarnaeva L.P., Osipova E.S. Corpus linguistics resources use in training translators in the sphere of professional communication. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. No. 9-1 (63). Pp. 205–209. (In Rus.)]

Чернявский, 2013 – Чернявский М.Н. Латинский язык и основы фармацевтической терминологии. М., 2013. [Chernyavskii M.N. Latinskiy yazyk i osnovy farmatsevticheskoy terminologii [The Latin language and basis of pharmaceutical terminology]. Moscow, 2013.]

Статья поступила в редакцию 14.05.2020

The article was received on 14.05.2020

Об авторе / About the author

Арутюнян Анна Мартуновна – преподаватель кафедры иностранных языков, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал Волгоградского государственного медицинского университета, г. Пятигорск Ставропольского края

Anna M. Arutyunyan – English and Latin teacher at the Foreign Language Department, Pyatigorsk Medical Pharmaceutical Institute – branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk, Stavropol region, Russian Federation

E-mail: arutyunyanann@mail.ru

Е.А. Комочкина, Т.В. Селезнева

Московский областной государственный университет,
141014 г. Мытищи, Московская область, Российская Федерация

Обучение академическому письму на родном языке русскоязычных студентов гуманитарного профиля

В статье рассматриваются возможности и перспективы обучения академическому письму на родном языке русскоязычных студентов гуманитарного профиля. Авторы считают, что введение подобных курсов в отечественное образование необходимо для овладения академической грамотностью как наиболее востребованной, наряду с цифровой, в мире информационных технологий. Учитывая англоязычные происхождение и направленность курсов академического письма, но вместе с тем и универсальный общенаучный характер этой технологии, авторы разработали, адаптировали и применили на практике основные техники этого вида речемыслительной деятельности (составление заметок, парафраз, структурирование и связь абзацев, хеджирование и др.) для русскоязычной аудитории. Обучение навыкам академического письма на русском языке было интегрировано в курс профильной дисциплины и вводилось поэтапно, начиная с анализа литературы и заканчивая презентацией результатов, в соответствии с программными требованиями освоения изучаемого предмета и написания научно-исследовательской работы. Курс предполагает приобретение исследовательских и профессиональных компетенций, а также готовность конструировать собственные знания на родном языке.

Ключевые слова: обучение русскоязычному академическому письму, академическая и цифровая грамотность, основные техники академического письма, написание исследовательской работы студентами-гуманитариями

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Комочкина Е.А., Селезнева Т.В. Обучение академическому письму на родном языке русскоязычных студентов гуманитарного профиля // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 111–128. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-111-128

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-111-128

E. Komochkina, T. Selezneva

Moscow Region State University,
Mytischki, Moscow region, 141014, Russian Federation

Teaching of academic writing techniques to Russian-language students of the Humanities in native tongue

The article considers the prospects of adaptation of academic discourse to the needs of Russian tertiary students of the Humanities with the view of developing academic literacy in native language. The authors made an attempt to extrapolate the techniques of academic writing, i.e., note-taking, thesis-writing, paraphrasing, paragraphing, hedging, proof-reading etc. to Russian language research papers and to integrate them with the students' major. The course implies acquiring research and professional competences as well as readiness to construct one's own knowledge in mother tongue.

Key words: academic discourse, Russian tertiary students of the Humanities, academic literacy, the techniques of academic writing, students' research papers

FOR CITATION: Komochkina E., Selezneva T. Teaching of academic writing techniques to Russian-language students of the Humanities in native tongue. *Rhema*. 2021. № 1. Pp. 111–128. (In Russ.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-111-128

1. Введение

Академическое письмо постепенно входит в систему отечественного образования на уровне теоретического осмысления и практического применения, о чем свидетельствуют как дискуссии на страницах профильных периодических изданий [Степанов, 2011], проведение международных конференций [Смирнова, 2013], выход теоретических исследований [Базылев, 2014; Короткина, 2020], многочисленных публикаций на русском языке, так и появление практических курсов обучения и центров академического письма [Базанова, 2017].

Необходимость введения курса академического письма в образовательные программы школ и вузов подтверждается почти 50-летним зарубежным опытом и признается большинством отечественного

педагогического сообщества. Более того, этот предмет уже изучается на старших курсах бакалавриата и в магистратуре российских университетов. Общеизвестно, что академическое письмо способствует формированию научно-исследовательской компетенции, самостоятельному конструированию знаний, позволяет принимать полноценное участие в межкультурной и профессиональной коммуникации, а академическая грамотность, наряду с цифровой, является бесспорным преимуществом при приеме на работу в «прекрасном новом цифровом мире», в котором большинство выпускников, по прогнозам ученых, будут заняты в сфере символично-аналитического обслуживания (*symbolic-analytical services*) [Reich, 2009]. Тем не менее, обучение русскоязычному варианту этой дисциплины и ее технологиям практически отсутствует.

2. Особенности обучения академическому письму на русском языке

2.1. Экспансионизм английского академического языка: pro & contra

Прежде всего следует отметить, что академическое письмо, обучение которому считается обязательным во многих зарубежных учебных заведениях, школах, колледжах и университетах уже более 50 лет [Hyland, 2011; Смирнова, 2015], ориентировано в основном на знание английского языка. И в этом нет ничего авторитарного, «империалистического», экспансионистского, как считали некоторые зарубежные ученые-деконструктивисты и постмодернисты [Phillipson, 2016]. Во-первых, английский язык повсеместно признан языком международной коммуникации, особенно в сфере научно-публикационной деятельности. «Или публикуйся на английском, или умри как ученый» – так ведущий исследователь темы в России И.Б. Короткина переформулирует шутливое высказывание «publish or perish» о текущей мировой практике публикаций, в силу ряда причин с большим трудом осваиваемой российской академической средой [Короткина, 2020]. Во-вторых, ключевые теоретические и методологические положения этой дисциплины были выработаны и постоянно пересматриваются при сохранении существенных особенностей англоязычными исследователями и методистами [Street, 2015] и считаются универсальными в силу своего метаязыкового и трансдисциплинарного характера для всех категорий обучающихся. Именно поэтому академическое письмо легко интегрируется в программы обучения английскому языку, в том числе и для специальных целей, т.н. EASP, и его курсы включены в преподавание профильных предметов, особенно естественно-научного цикла. Тем не менее, нельзя не принимать во внимание, что академическое письмо основывается преимущественно на англоязычной письменной речи.

2.2. Отсутствие русскоязычного академического дискурса

Как показывает опыт преподавания, знакомство с основами и технологиями академического письма и овладение ими сущностно необходимо при написании академической письменной работы, курсовой, реферата, диплома, эссе, а также для академического чтения при освоении большого массива отечественных и зарубежных научных работ по специальности и для академической устной речи (доклады, презентации, сообщения, дискуссии). Но методики обучения этой дисциплине на первом, родном, языке практически отсутствуют.

И хотя исследователи убеждают нас в общедоступной межнациональной природе курса академического письма, поскольку он нацелен на формирование академических умений и научно-исследовательских компетенций, таких как готовность к приобретению, освоению и демонстрации знаний, причем эти умения могут быть экстраполированы на другие области [Короткина, 2018] и применяться после окончания вуза, все же сам языковой материал на русском языке, собственно лексико-грамматические единицы, т.н. операциональный уровень, один из трех, по терминологии теоретика академической грамотности Б. Грина [Green, 2002], характерный для научного стиля речи, фактически не отобран, не проанализирован и не представлен в имеющихся курсах.

2.3. Методологические отличия технического академического языка от гуманитарного

Также существенным является то, что, как отмечают некоторые исследователи, формирование научно-исследовательской компетенции через обучение академическому письму различно для студентов технических и гуманитарных специальностей. Язык и стиль гуманитариев более сложен, метафоричен, аргументация менее линейна, риторические конвенции более многообразны, а культурное измерение, по тому же Б. Грину, т.е., возможность участия в различных социальных дискурсах, более обширное. Кроме того, отношения с чужими текстами не сводимы к четкому разграничению «свое/чужое», «заимствование vs. оригинальность», «плагиат/неплагиат», поскольку гуманитарный дискурс интертекстуален по своей природе, слово нагружено прежними значениями и не всегда должно быть сведено к терминологической однозначности. При этом личный голос исследователя может проявляться и в самом подборе чужих голосов, и в осознании их и своего места в ряду других. Все это, безусловно, не означает, что гуманитарные студенческие

тексты должны быть излишне многословными, нелогичными и состоять из одних скрытых и прямых цитат. Тем не менее, при выборе технологий обучения представляется существенной их некоторая модификация в соответствии с особенностями гуманитарного научного текста.

На различие в методологии исследования технических и гуманитарных наук и на необходимости учета этих различий при обучении академическому письму указывали и зарубежные, и российские ученые. Так, английский ученый Кен Хайленд пишет, что в естественно-научных дисциплинах основным способом создания нового знания является экспериментальное доказательство. В письме это выражается в том, что сначала описывается проблема, сигнализирующая пробел в определенной области, затем формулируется гипотеза и фиксируются экспериментальные данные, подтверждающие эту гипотезу [Hyland, 2011]. Тогда как гуманитарные науки основываются на менее предсказуемых антропоцентрических данных, и доказательства в большой степени зависят от силы аргументации и интерпретационных методов. На это же противоречие указывают и отечественные исследователи Н.Д. Гальскова и С.А. Лебедев, отмечающие, что для дискурса гуманитарных наук, включающих в сферу своих научных интересов человеческое измерение, характерны «плюрализм и диалогичность» [Лебедев, 2013, с. 206], экспрессивность и широкий спектр «лингвистических и семиотических средств при изложении, обосновании и оценке концепций» [Гальскова, 2014, с. 109], что, безусловно, не исключает требований рациональности и объективности академического гуманитарного письма, но с учетом особенностей иного по отношению к техническому характеру гуманитарного знания.

2.4. Общее и особенное в русском академическом дискурсе

Итак, можно заключить, что академическое письмо является общепризнанным, обоснованным и многократно апробированным способом формирования научно-исследовательской компетенции, которая приобретает сам обучающимся в процессе создания научно-исследовательской работы, т.н. *learning-by-writing*. Эти компетенции востребованы и вне научного сообщества в сфере, по определению американского ученого Р. Райха, символа-аналитических услуг, и подразумевают умения идентифицировать проблему, решать ее, предвидеть и визуализировать новое использование существующих технологий [Reich, 2009].

Несмотря на свое англоязычное происхождение, эта методика может быть экстраполирована и на обучение письму на других языках из-за связи с методологией общенаучного исследования, однако при этом

следует выделять универсально применимые техники и специфические, национальные, связанные преимущественно с языковыми различиями. Однако представляется необходимым несколько варьировать и надязыковые технологии в соответствии с особенностями гуманитарного и технического текстов.

3. Проект курса русского академического дискурса для студентов гуманитарного вуза

И.Б. Короткина выделяет в академическом письме три аспекта, восходящие к историческим риторико-композиционным конвенциям и универсальным логическим категориям. Это фокус, организация и механика [Короткина, 2020, с. 92–97]. Первое подразумевает выстроенность текста в едином ключе от тезиса к заключению, при этом тезис – формулирование основной проблемы исследования и путей ее решения – играет одну из важнейших ролей, поскольку аргументация выстраивается, исходя из первоначально поставленной цели. Под организацией понимается структурированность по принятым образцам, в основе которых лежит деление на абзацы. Механика же означает синтаксическую и лексико-грамматическую связность текста, которая обеспечивается функциональным использованием слов-связок, дискурс-маркеров и дорожных знаков, предпочтением пассивного залога активному, незначительным употреблением личных местоимений, отказом от номинализации – замены глаголов существительными, объединением предложений с помощью указательных местоимений и других связок-операторов академического дискурса, а также формально-стилевое единообразие [Там же, с. 96].

Свой курс обучения академическому письму студентов-гуманитариев, будущих педагогов, мы выстраивали, во-первых, исходя из риторико-композиционных конвенций учебно-научной работы, во-вторых, учитывая последовательность этапов работы над научным текстом, в-третьих, используя аутентичные и актуальные материалы по специальности в соответствии с программой, в-четвертых, принимая во внимание особенности проведения и кодификации гуманитарного исследования.

3.1. Знакомство с терминологическим аппаратом изучаемой научной дисциплины

Прежде всего студентам было предложено ознакомиться как с основной терминологией научного исследования, так и современным категориально-понятийным аппаратом профильной науки – методики преподавания иностранного языка и лингводидактики. Для этого обучающимся

были даны практические задания по определению объекта и предмета в программных темах курсовых работ, а также по решению логических задач на индуктивное и дедуктивное умозаключения, что представляется необходимым для формирования навыков аргументирования от общего к частному и от частного к общему и готовности к логически-последовательному выстраиванию собственного высказывания. Пример задания:

Определите, какой метод умозаключения используется в следующем примере и сделайте сами вывод:

а) в современных учебниках иностранного языка реализуется социокультурный подход; б) учебник Upstream использует современные технологии обучения; в) следовательно, ...

Что касается терминологического аппарата изучаемого предмета, то были введены понятия метода, подхода, парадигмы и парадигмального развития современных наук, по терминологии Т. Куна [Гальскова, 2014, с. 158], в их общенаучном и специальном значениях применительно к изучаемой науке. После краткой лекции, презентации и чтения статьи одного из ведущих ученых в данной области Н.Д. Гальсковой студентам предлагались вопросы о смене парадигм в истории лингводидактики, а также тест, основанный на технике multiple choice (множественный выбор) и выборе правильных и неправильных вариантов. Далее представлен один из вопросов описываемого теста:

Какие подходы не входят в антропоцентрическую парадигму?

- личностно-деятельный
- личностно-деятельностный
- компенсаторный
- компетентностный
- коммуникативный
- коммуникационный

3.2. Техника note-taking: отбор и анализ источников для академической работы

Следующим этапом было собственно рассмотрение техник написания академической письменной работы, что включало в себя, прежде всего, отбор и анализ источников по выбранной тематике. Для работы со специальной литературой были предложены несколько наиболее распространенных технологий составления академических заметок, что в англоязычной традиции называется note-taking. Эта технология, с одной стороны, способствует развитию метакогнитивных способностей, таких как избирательное внимание, кодирование, последовательное расположение поступающей информации, мониторинг (проверка)

понимания, долговременное запоминание, с другой – отличается от обычного произвольного конспектирования, т.к. контент в данном случае воспринимается через опоры, поддерживающие схемы и ментальные карты, воспроизводящие исследовательские методы и стратегии познания – абстрагирование, обобщение, синтезирование, структурирование.

Значение этой технологии трудно переоценить, поскольку она может быть применима и для составления тезисов и плана собственной работы с целью отделения главного от второстепенного, и структурирования по методу out-lining, т.е. ступенчатого расположения главной темы, подтем и деталей.

Студентам было предложено составление академических заметок к статье по программе курса. Примером работы студентов по данной технологии может служить следующая схема:

Заметки по схеме outlining к статье Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез по теме «Чтение»

1. Чтение как «процесс восприятия и активной переработки информации...»:

- сложная аналитико-синтетическая деятельность;
- характеризуется слиянием восприятия и понимания текста;
- умение «читать незнакомый аутентичный текст без посторонней помощи, в нужном темпе, с правильным пониманием и для многих целей»;
- нуждается в наличии определенной перцептивно-смысловой базы.

2. Движение глаз при чтении:

- поисковые, установочные и корректирующие движения;
- движения, участвующие в построении образа и опознавании воспринимаемого объекта.

3. Речевые механизмы чтения:

- речевой слух;
- прогнозирование;
- память.

4. Функции вероятностного прогнозирования:

- способствует активной мыслительной деятельности;
- определяет успешность восприятия и понимания;
- способствует созданию установки эмоционального настроя и готовности к чтению.

5. Ступенчатый характер понимания:

- два первых уровня (уровень слов, уровень словосочетаний);
- третий уровень (понимание предложений);

- четвертый и пятый уровни (понимание текста);
- шестой уровень (понимание содержательной и эмоционально-волевой информации);
- седьмой уровень (понимание всех четырех типов информации, включая побудительно-волевою).

Следует отметить, что данная схема позволяет проследить логику автора реферируемой статьи, не упрощая ее. Для составления заметок были предложены и другие менее линейные схемы, в частности, ментальные карты и метод Корнелла, предполагающие большую свободу референта в расположении материала с использованием собственных исследовательских навыков и конструировании, таким образом, нового продукта, метатекста.

В качестве примера можно представить ментальную карту, составленную одной из студенток (рис. 1), к разделу книги Н.Д. Гальсковой «Парадигмальные черты современной методологической науки» [Гальскова, 2014].

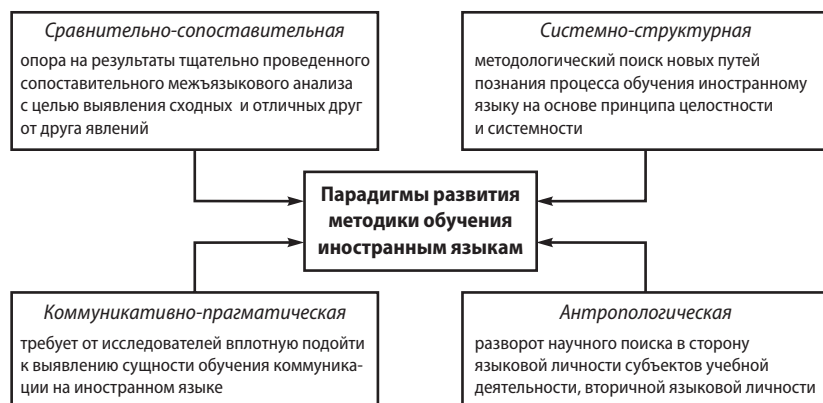

Рис. 1. Пример заметок в виде ментальной карты

Но на этом задание не заканчивалось: студентам было предложено воссоздать содержание статьи по составленной схеме.

Таким образом, в ходе выполнения предлагаемого задания удастся избежать плагиата, одной из основных проблем русскоязычных студентов, которые, в отличие от своих зарубежных ровесников, не видят в заимствовании и присвоении чужого текста ничего плохого, нарушающего авторские права и тем самым подлежащего преследованию по закону. Предложенная технология помогает как избежать плагиата, так и понять и изложить содержание в систематизированном виде, что

способствует развитию таких научно-исследовательских компетенций, как умение абстрагировать, отделять главное от второстепенного, структурировать, располагать материал в иерархической последовательности и делать обобщения, соотнося изложенное с основной темой своей академической работы, а также, что особенно важно, позволяет конструировать собственное знание на основе чужого текста.

3.2. Искусство парафраза как формирование уважения к «чужому» слову и инструмент создания метатекста

Параллельно с изложением содержания статьи были рассмотрены технологии парафраза, которые учат уважению к чужому тексту, умению перефразировать и целенаправленно использовать в своем тексте чужие идеи, а также являются оптимальным способом использования чужого текста в собственном. При объяснении студентам этой формы работы с текстом обращалось внимание на то, что по правилам академического письма копирование авторского предложения, перемежая свои слова с его словосочетаниями без кавычек, или использование авторского предложения, заменяя слова синонимами, также является плагиатом. После рассмотрения различных способов парафраза, включая использование синонимии, изменения формы слова, изменения структуры предложения и других, на примерах на русском языке было показано, что только интегрированное использование лексико-грамматических средств и создание своего метатекста может считаться осуществлением этой технологии. Студентам также было предложено выполнить парафраз одного абзаца из статьи по специальности и представить оригинал, план и собственно парафраз:

1. Оригинал

В лингвистике различают с точки зрения форм существования языка *устное* и *письменное* общение. Каждое из них имеет свои специфические особенности, которые учитываются при построении методики обучения ИЯ. Устное общение, как правило, бывает контактным и непосредственным, а письменное – дистантным и опосредованным. В процессе устного общения могут порождаться как диалогические тексты (беседа, дискуссия и др.), так и монологические (лекция, сообщение, монолог в диалоге и др.), имеющие свои лингвopsихологические особенности, которые должны учитываться при общении на ИЯ. Письменное общение связано с восприятием или порождением письменного текста, который по своей языковой форме и по структуре является более сложным, развернутым, нежели текст устный. В процессе обучения, на его начальном этапе, доминирующей

является устная речь, на продвинутых этапах приоритет отдается письменной речи: конспектирование, реферирование, написание эссе и сочинений и др.

2. Заметки

- 2 формы языка – устное и письменное общение
- устное – контактное и непосредственное диалогическая и монологическая устная речь
- письменное – дистантное и опосредованное
- лексико-грамматические и структурные особенности письменной речи
- начальный этап – устная речь
- продвинутый – письменная речь

3. Парафраз

Общение как форма осуществления языка в лингвистике разделяется на устное и письменное. Особенности устного общения являются такие факторы, как контактность и непосредственность, в то время как письменного – дистантность и опосредованность. Существуют диалогические и монологические тексты, которые появляются в процессе общения. Письменные тексты по своей структуре сложнее, чем устные, поэтому на начальных этапах обучения иностранному языку преобладает устная речь, впоследствии особенное внимание уделяется письменной речи, например, написанию сочинений, эссе.

Как видно из приведенного примера, оригинальный текст был значительно сокращен и видоизменен (студентам было предложено выделить маркером и указать произведенные лексико-грамматические изменения), однако основное содержание сохранилось, и результатом стало конструирование собственного текста, соответственно, и собственного знания. Таким образом происходит осознанное формирование исследовательских навыков обобщения анализируемого материала и развиваются компетенции осторожного отношения к «слову другого». Все описанные техники обнажают механику написания исследования, к которым относится и хеджирование, термин, сложно переводимый на русский язык, но от этого не становящийся менее важным для соблюдения норм и установок академического письма.

3.3. Хеджирование как путь к получению достоверного знания

Хеджирование (от англ. *hedge* – ‘ограда, рамки, ограничение’) в письменной речи означает осторожное позиционирование автором себя как исследователя и осмотнительное отношение к собственным утверждениям и результатам. Суть же этого приема состоит в идентификации

себя как исследователя, осознании своего места в ряду других ученых и в науке в целом, в профессиональном сообществе, что предполагает как рефлексию над собственным вкладом, неокончателность своих выводов, так и антиципацию продолжения исследования, или, иначе говоря, как полагает один из исследователей, «быть покорным слугой своей дисциплины» [Salager-Meyer, 1997]. В более широкой перспективе хеджирование связано с отношением ученого к достоверности знания, к возможности/невозможности достичь объективной истины в рамках одного исследования, что в последнее время является предметом дискуссий в академической среде в связи с пошатнувшимся мифом об абсолютной объективности науки.

Эти представления в большинстве своем не находят отклика у студентов, в ранних работах которых зачастую под рубрикой «Практическое применение» можно встретить такие оценки своего исследования, как «весомый вклад в изучение вопроса» и т.д., что, вероятно, может быть объяснено психологическими причинами, действием защитных компенсаторных механизмов, но, однако, не исключает возможностей предотвращения подобного неоправданного и неуместного самовозвеличивания.

В целом этого легко избежать, как показывают академические методики, используя различные лингвистические средства, классификацию которых для русского языка приводит В. Намзараев. Это, в частности, модальные глаголы, модальные слова (*видимо, очевидно* и др.), прилагательные и неопределенные местоимения (*определенный, известный, достаточный, некоторый, какой-то*), наречия, выражающие степень (*достаточно, отчасти, сравнительно, относительно, довольно*), конструкции *мочь* + инфинитив, перформативные глаголы (*риснуть, попробовать, попытаться, предположить, позволить (себе)*), конструкции с возвратными глаголами (*казаться, представляться*), конструкции *можно/возможно* + инфинитив глагола, отрицательные конструкции, эпистемические глаголы в форме 1-го л. ед. числа (*думать, полагать, предполагать, считать*), безличные конструкции, устойчивые конструкции (*на наш/мой взгляд, с нашей/моей точки зрения, по нашему/моему убеждению*) [Namsaraev, 1997, с. 71].

Так, вместо утверждения, более уместного в рекламе, чем в курсовой, «Метод проектов отвечает всем современным требованиям», можно предложить, например, следующие варианты: «По мнению исследователей ...»; «Считается, что ...»; «Метод проектов может отвечать...» и т.д.

С методической точки зрения, обучение хеджированию как приему научно-исследовательского стиля может производиться с использованием трансформационных и подстановочных упражнений на отработку соответствующих лексико-грамматических конструкций.

После лекции и презентации по теме хеджирования был проведен опрос в группе 3 курса романо-германского отделения (24 студента). Более 90% из них признали необходимость использования технологии хеджирования в академическом дискурсе, отмечая, что, в частности, «в учебно-исследовательской деятельности при помощи хеджирования мы можем выдвигать гипотезы, предположения, высказывать свое мнение относительно мнения другого исследователя, избегая грубых выражений» (из ответов студентов). Около 2% опрошенных отрицательно отнеслись к использованию этой технологии, поскольку, по их мнению, она подрывает достоверность высказывания и в конечном счете ведет к отрицанию истинности знания.

Представляется необходимым при обучении технологии хеджирования учитывать обе точки зрения, выясняя при этом природу достоверности знания, обращая внимание на то, что именно ограничения собственного высказывания делают его более точным, определенным и соответствующим имеющимся данным, и, если данных недостаточно, то и применяется хеджирование, градуирующее степень достоверности. Таким образом может быть показано, что использование хеджей в письменной и устной академической речи является не просто риторическим приемом, а отражает логику научного познания во всей сложности ее выстраивания. Соответственно, обучение хеджированию может формировать такие научно-исследовательские компетенции, как рефлексия, критическое осмысление собственных высказываний в научном контексте. Кстати, только около 30% студентов, участвовавших в вышеупомянутом опросе, справились с заданиями по хеджированию взятых из курсовых работ предложений, отличающихся прямолинейностью, излишней оценочностью или категоричностью.

3.4. Составление тезиса и фокусировка письменной работы

Следующей предложенной в курсе технологией, соответствующей этапам написания курсовой, явилось составление тезиса, что представляется центральной процедурой, фокусом, как было указано, любой академической работы, поскольку в тезисе формулируется основная проблема исследования, особенности метода и намечаются пути ее решения, которые затем более подробно и последовательно будут рассматриваться в соответствующих разделах. Английский автор неоднократно переиздаваемого учебника по академическому письму С. Бейли предлагает начать составление тезиса с рассмотрения семантики т.н. эпистемических глаголов, описывающих исследовательские методы и предлагает следующее упражнение:

Match the terms to the definitions on the right.
Analyse Give a clear and simple account
Describe Make a proposal and support it
Examine Deal with a complex subject by giving the main points
State Divide into sections and discuss each critically
Suggest Give a detailed account
Summarise Look at the various parts and their relationships
[Bailey, 2004, p. 3].

Вслед за Бейли мы предложили подобное упражнение с аналогичными эпистемическими русскими глаголами, чтобы с самого начала определить основную методическую доминанту реферируемого или оригинального текста, начиная от самого общего глагола – *рассматривать*, не обязывающего исследователя придерживаться какого-либо единого метода подачи материала, до более конкретных, например, *оспаривать* или *утверждать*, значение которых прямо указывает на методические намерения автора. Проблематизация же темы заключается как в сопоставлении с другими существующими точками зрения или противопоставлении им, так и рассмотрении ее в более широком или узком контекстах, что грамматически может быть выражено с помощью, например, связок *в свете* / *с учетом* / *принимая во внимание*...

Необходимо также отобрать, расширить и классифицировать по значениям как глаголы-«методы», так и список связующих слов, принимая во внимание, что прямое калькирование с английского не всегда может быть оправдано из-за различий в семантике, частности употребления и коннотативных обертонах рассматриваемых групп слов. Примером этого может служить глагол *посвящать*, который в русском и английском имеет разные коннотации. Широко употребляемый в русскоязычных исследовательских текстах в значении ‘ознакомить детально с проблемой/темой’, в своем английском варианте *to devote*, по свидетельству лингвистов, относится к высокому стилю и связан, как утверждают некоторые носители языка, с куртуазными ассоциациями – посвящению своего творения Прекрасной Даме.

3.5. Структурирование абзацев как смысловых единиц текста

Что касается третьего вида риторически-композиционных конвенций, связанных с организацией, то студентам были предложены техники организации абзаца как основной структурообразующей и смысловой единицы текста и техники установления связи между абзацами. При этом рассматривались как строение отдельных абзацев, так и способы

их организации в тексте работы, подразумевающие их последовательность, зависящую от фокуса, и связность между собой. Подчеркивалось также, что деление на абзацы визуализируют ход мысли автора.

Под структурой абзаца понималось наличие в нем:

1) заглавного предложения, т.н. топиковой фразы, передающей основной смысл абзаца, состоящей в свою очередь из темы и новой, контрольной мысли, в абзаце;

2) поддерживающих предложений, развивающих тему, т.е. объясняющих или подтверждающих заглавное предложение, предлагая более детальную информацию;

3) заключительного предложения, указывающего на конец этого абзаца как завершение рассуждения на данную тему и на переход к другому абзацу, другой теме.

Студентам были предложены стандартные для курсов академического письма задания на расстановку в логическом порядке разрозненных предложений абзаца, определение основных структурных элементов и составление собственных абзацев по предложенной программной теме курсовой работы.

В курс также входили составление научной аннотации к профильной статье с учетом организации и механики этого жанра научной речи и обучение proof-reading как завершающего этапа работы над академическим текстом, но не менее важного, чем само письмо, при котором в действие вступают иные, по сравнению с написанием и чтением, когнитивные механизмы – методичного медленного обдумывания, тщательной проверки. Студентам было предложено провести proof-reading законченных отрывков из курсовых работ, и при этом отмечать, исправлять и оценивать с помощью условных обозначений основные составные части академических риторико-композиционных конвенций – фокуса, организации и механики, – а не только орфографию и грамматику, к чему обычно сводится традиционные «проверка и работа над ошибками».

Целью же курса ставилось написание реферата статьи и последующее использование технологии академического письма в учебно-научных и научных работах по специальности.

4. Заключение

Таким образом, можно сделать выводы о том, что обучение академическому письму необходимо, во-первых, для полноценного вхождения в академическую университетскую среду, овладения ее языком, принципами и правилами, категориально-понятийным аппаратом изучаемой дисциплины и общенаучными методами, во-вторых, для формирования

научно-исследовательских компетенций и когнитивных навыков, позволяющих конструировать собственные знания, что дает возможность использования их в широком спектре будущих профессий, в-третьих, для межпрофессиональной и межкультурной коммуникации.

Хотя основные положения этой технологии восходят к англоязычному лингвосоциуму, некоторые из них могут быть признаны универсальными, а именно: критическая рефлексия относительно фокуса, организации и механики собственного научного высказывания, основанная на знании и умении интегрированно применять основные технологии академического дискурса; уважительно-толерантное отношение к чужому слову, выражающееся в умениях цитирования, парафразы, восприятию плагиата как незаконного заимствования; позиционирование Я-автора как равноправного участника академического процесса в изучаемой дисциплине, подразумевающее ответственное отношение к научному исследованию как объективному, достоверному, доказательному и рациональному и готовность к созданию собственного текста, соответствующего этим параметрам, и некоторые другие.

Тем не менее, применение технологии академического письма для обучения русскоязычных студентов особенно гуманитарного профиля требует дальнейшего более тщательного как теоретического осмысления, так и средств практического осуществления и разработки лингвистического обеспечения курсов.

Библиографический список / References

Базылев, 2014 – Базылев В.Н. Академическое «письмо» (теоретический аспект). М., 2014. [Bazylev V.N. Akademicheskoe «pismo» (teoreticheskij aspekt) [Academic writing: Theoretical aspect]. Moscow, 2014.]

Базанова, 2017 – Базанова Е.М., Короткина И.Б. Российский консорциум центров письма // Высшее образование в России. 2017. № 4 (211). С. 50–57. [Bazanova E.M., Korotkina I.B. Russian consortium of writing centers. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2017. No. 4 (211). Pp. 50–57. (In Rus.)]

Гальскова, 2014 – Гальскова Н.Д. Лингводидактика: Учебное пособие. М., 2014. [Galskova N.D. Lingvodidaktika [Linguodidactics]. Moscow, 2014.]

Короткина, 2018 – Короткина И.Б. Академическое письмо: необходимость междисциплинарных исследований // Высшее образование в России. 2018. № 10. С. 64–74. [Korotkina I.B. Academic writing: Interdisciplinary research need. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2018. No. 10. Pp. 64–74. (In Rus.)]

Короткина, 2009 – Короткина И.Б. Грамотность в век информационных технологий: в поисках концептуального единства // Образование и общество. 2009. № 4. С. 125–129. [Korotkina I.B. Literacy in the age of information technology. *Obrazovanie i obshchestvo*. 2009. No. 4. Pp. 125–129. (In Rus.)]

Короткина, 2020 – Короткина И.Б. Модели обучения академическому письму: Зарубежный опыт и отечественная практика. М., 2020. [Korotkina I.B. Modeli

obuchenija akademicheskomu pismu: Zarubezhnyj opyt i otechestvennaja praktika [The models of academic writing teaching: Foreign expertise and local practice]. Moscow, 2020.]

Лебедев, 2013 – Лебедев С.А. Философия науки: Учебное пособие для магистров. М., 2013. С. 288. [Lebedev S.A. Filosofija nauki [The philosophy of science]. Moscow, 2013.]

Смирнова, Щемелева, 2015 – Смирнова Н.В., Щемелева И.Ю. Роль письма в современном университете: анализ зарубежной практики обучения академическому письму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Т. 12. № 2. С. 185–197. [Smirnova N.V., Shhemeleva I.Ju. The part of writing in the modern university: An analysis of foreign practice of academic writing teaching. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2015. Vol. 12. No. 2. Pp. 185–197. (In Rus.)]

Степанов, Перлов, 2011 – Степанов Б.Е., Перлов А.М. Вместо заключения: некоторые итоги // Высшее образование в России. 2011. № 8/9. С. 134–135. [Stepanov B.E., Perlov A.M. In place of a conclusion: Some results. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2011. No. 8/9. Pp. 134–135. (In Rus.)]

Bailey, 2004 – Bailey S. Academic writing: A practical guide for students. N.Y., 2004.

Street, 2015 – Street B. Academic writing: Theory and practice. *Journal of Educational Issues*. 2015. Vol. 1. No. 2. Pp. 110–116.

Green, 1999 – Green B. The new literacy challenge? *Literacy Learning: Secondary Thoughts*. 1999. Vol. 7. No. 1. Pp. 36–46.

Hyland, 2011 – Hyland K. Academic discourse. *The Bloomsbury Companion to Discourse Analysis*. K. Hyland, B. Paltridge (eds.). Bloomsbury, 2011. Pp. 171–184.

Namsaraev, 1997 – Namsaraev V. Hedging in Russian academic writing in sociological texts. *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin; NY, 1997. Pp. 64–79.

Philipson, 2016 – Phillipson R. Native speakers in linguistic imperialism. *Journal of Critical Education Policy Studies*. 2016. Vol. 14. No. 3. Pp. 80–96.

Reich, 2009 – Reich R. The importance of “symbolic analysts” to working America. *The American Prospect*. 2009. June 1. URL: <https://prospect.org/article/importance-symbolic-analysts-working-america/> (date of access: 09.07.2020).

Salager-Meyer, 1997 – Salager-Meyer F. I think that perhaps you should: A study of hedges in written scientific discourse. *Functional to written text: Classroom applications*. T. Miller (ed.). Washington, D.C., 1997. Pp. 105–118.

Статья поступила в редакцию 06.06.2020

The article was received on 06.06.2020

Об авторах / About the authors

Комочкина Елена Анатольевна – кандидат педагогических наук; доцент кафедры лингводидактики Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет

Elena A. Komochkina – PhD (Pedagogy); Associate Professor at the Department of Linguodidactics of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University, Mytishchi, Moscow region, Russian Federation

E-mail: komochkina2010@yandex.ru

Селезнева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук; доцент кафедры лингводидактики Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет

Tatyana V. Selezneva – PhD (Philology); Associate Professor at the Department of Linguodidactics of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University, Mytishchi, Moscow region, Russian Federation

E-mail: skirley@mail.ru

T. Sidorenko, A. Kudryashova

National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, 634050, Russian Federation

CLIL methodology evolution in Russian Technical University (Tomsk Polytechnic)

Content and Language Integrated Learning (CLIL) has a recognised status by the European Union as one of the leading effective means to implementing international language policy of multilingualism. The attempts to implement it into mainstream educational programmes are actively undertaken in Russia. The paper aims to sum up the experience of Tomsk Polytechnic University in running CLIL-based courses. Through “real classroom” data the authors present the way CLIL is implemented and what obstacles it encounters. Based on observations, discussions and surveys conducted by the authors, the conclusion on CLIL methodology improvements applicable to certain settings is made.

Key words: CLIL, bilingual education, multi-purposed language learning, double-agent courses, Bloom’s taxonomy, cognitive load, BICS and CALP

FOR CITATION: Sidorenko T., Kudryashova A. CLIL methodology evolution in Russian Technical University (Tomsk Polytechnic). *Rhema*. 2021. № 1. Pp. 129–143. (In Russ.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-129-143

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-129-143

Т.В. Сидоренко, А.В. Кудряшова

Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
634050 г. Томск, Российская Федерация

Использование CLIL в Томском политехническом университете: успехи и проблемы

Интегрированное предметно-языковое обучение (Content and Language Integrated Learning, CLIL) признано Европейским союзом как одно из наиболее эффективных средств реализации международной языковой политики многоязычия. В России активно предпринимаются попытки по его внедрению в основные образовательные программы. Целью данной статьи является обобщение опыта Томского политехнического университета в проведении курсов на базе CLIL. Посредством данных основанных на анализе проводимых занятий авторы представляют эффективный способ реализации CLIL, а также препятствия на пути его реализации. На основании наблюдений, обсуждений и опросов, проведенных авторами, делается вывод об изменениях в методологии CLIL для его реализации в конкретных условиях.

Ключевые слова: CLIL, двуязычное образование, многоцелевое изучение языка, курсы двойного агента, таксономия Блума, когнитивная нагрузка, BICS и CALP

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сидоренко Т.В., Кудряшова А.В. Использование CLIL в Томском политехническом университете: успехи и проблемы // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 129–143. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-129-143

1. Introduction

There is little left UNSAID about the applications of English for Specific Purposes (ESP), as one of the approach towards teaching a foreign language for professional purposes. Although, much is still “behind the curtains” regarding a CLIL approach to be used at the tertiary level.

The effectiveness of this or that approach is subject to ever-changing teaching/learning environment, not only in terms of generation-specific

features of teachers and learners, but also considering the peculiarities of pre-tertiary education systems, availability of experts, teachers' commitment and some other more global factors of the external nature. Even though that the theoretical aspects of CLIL have been developed in the world since 1990s, first in Canada and then in Europe, there is still the lack of the "real classroom" data that can be considered as a multifaceted CLIL pool or good for all "textbook" able to cover different contexts, cultures and educational and society demands.

The paper introduces the authors' experience of teaching English at the tertiary level within different approaches and a special accent will be done on CLIL-based courses. The authors do not claim to overview all the aspects of university CLIL practice, they offer the reflections in terms of their personal teaching experience and relate them to some theoretical issues of CLIL application and pedagogy as well with specific national features. In this context, the authors would like to focus mainly on the reasons that are behind the use of CLIL in higher education and to give a brief overview of the didactic and historic challenges that preceded its appearance. As findings and results there will be described several practices, on the base of which, the authors conducted the analysis of "strong and weak" sides of CLIL implementation that might be considered as a good ground and evidence to make some improvements and corrections towards teaching efficacy at the university level in general.

2. Methodology

2.1. Literature review

Having studied existing sources on CLIL as a methodological concept, we noted that nowadays this approach is currently gaining popularity in all educational institutions. However, the practices are fragmental and strongly influenced and conditioned by national contexts. After bilingualism in school teaching (e.g. bilingual schooling in the Quebec province [Baker, Jones, 1998]), CLIL was defined as a new integrated didactics.

The approach evolved differently in different countries. In North American countries it developed quicker than in Europe, South America and Asia. Starting from 2000, the European Union imposes great expectations on CLIL as it conforms to the EU language policy and provokes multilingualism (European Commission, 2003¹; A Guide to Languages in EU, 2008²).

¹ European Commission. Promoting Language Learning and Linguistic Diversity: an action plan 2004–2006. Brussels, 2003. URL: http://ec.europa.eu/education/doc/official/keydoc/actlang/act_lang-en.pdf

² URL: <http://www.eubusiness.com/topics/Languages/eu-languages-guide>

The number of studies on CLIL has recently grown. Most of them describe the national experience of various educational institutions; about 50 per cent are devoted to the assessment of efficiency of this approach in raising language proficiency among students [Lasagabaster et al., 2001, 2009, 2014; Dalton-Puffer et al., 2009]; other papers prove CLIL efficiency towards subject acquisition [Bruton, 2012; Roussel et al., 2017; Ting, 2017]; a great number of authors consider a cognitive thinking as the key and unique element of this approach [Van de Craen et al., 2007; Rumlich et al., 2016]. CLIL pedagogy is attributed to the 4C theory (Content, Communication, Culture and Cognition) that was proposed by D. Coyle [Coyle et al., 2012]. This theory was furthered into the CLIL pyramid introducing inter alia the strategies enabling to design a CLIL course at more effective level [Meyer, 2011]. In publications issued in Russia, CLIL primarily is considered as an innovative approach with the great potential to increasing learning outcomes in terms of language proficiency [Vdovina, 2013; Popova et al., 2016; Sidorenko et al., 2017; Gudkova et al., 2014; Burenkova et al., 2015].

2.2. Background

CLIL ideologist – David Marsh – introduced this term in 1994; later, he described the methodology, where a foreign language was exploited as a tool to study other subjects [Marsh, 2012]. As we can see from the recent surveys [Pérez-Cañado, 2012] CLIL is clearly on its way to becoming obligation for university education, not yet an option. This approach deals with learning towards achievement of a dual objective, where a foreign language is used as a means of teaching content and is the object of study at the same time. The specific nature of CLIL courses is to find the right balance between the difficulty of content and language. This balance can be achieved by careful planning and selection of content that has a linguistic potential, as well as a simultaneous selection of language that is most typical for a professional field [Ting, 2017]. Therefore, CLIL implies changes to the traditional repertoires of language and non-language teachers, requiring the development of a special setting where educators work collaboratively to formulate new didactics for “a real integration and function in language teaching” [Marsh, 2002].

2.2.1. *Massive use of English in engineering education at TPU (1998–2005)*

Attempts to massively introduce English into engineering curricular at Tomsk Polytechnic University (TPU) had been made long before this challenge was undertaken by other Russian universities. In 1998, Rector Yuriy Pokholkov initiated a language reform at TPU to intensify teaching students English as a Foreign Language (EFL) across the university. The reform

included five times increase in human resource, six times increase in academic workload and significant budget allocations to support all this innovative initiatives and infrastructure. The rector aimed at creating a multilanguage environment with the view to expedite academic mobility and internationalization of the university. The new educational philosophy was based on the assumption that “foreign languages are an integral component of an engineering profile because engineering graduates should be able to continue education and work in any country of the world” [Chuchalin et al., 2005].

The major dispute regarding the reform at the University arouse around the issue of teaching methodology. The university administration and course developers absolutely concurred that foreign language teaching at an engineering school should not be limited to translating technical texts like it was commonly practiced. The common understanding what “a good English course” should look like was based on the statement-purpose that it must deal with ‘additional and practical values’, useful and required in real-job world. Therefore, the methodology to be chosen should include the activities and tasks which would resonate with real-life situations and professional needs of graduates. In other words, “a good course” should be more learner-oriented.

The first solution offered as improvement concluded in changing the existing system of language training that had been *massive*, where the content of learning had been the same for all without taking into deep consideration students’ needs and a knowledge level. New solution was based on building up a linear educational model and implied division of students into groups based on the level of language proficiency. Professional communicative adequacy was chosen as the leading educational principle and implied the development of competencies eligible and required in professional communication. The commitment to teaching adequate communication entailed designing more pragmatic and profession-oriented content. This concerned personification of knowledge and motivation of students, which for centuries has been considered as the main driving factor and the factor of success in learning languages, just for the reason that a language should not be taught but should be learned.

After two years of the reforms, foreign language education at TPU expanded by adding into engineering programmes the courses of English for Specific Purposes (ESP) in the amount of 612 hours per year. That was the first attempt to integrate language and content. The main difficulty that the course developers faced was to define the frame of professional competencies and, as a consequence, the learning outcomes because the mandatory State Educational Standards imposed inconsistent and ambiguous requirements to a graduate’s language proficiency, for instance, “to be able to prepare reports,

to understand the main rules of corporate relations in international companies and to use a foreign language in professional activity” [Polyakova, 2015]. A course of a foreign language of that period was typically built across various profession-related situations based on general engineering topics.

2.2.2. Interdisciplinary tandems (2008–2011)

Unfortunately, the first effort of the university to create a resource base and improve foreign language proficiency by a large-scale training failed to achieve the expected results at full extent. Analysis showed that the practical component of ESP learning materials was not strong enough, mostly due to limited communicative situations and the nature of selected target vocabulary, mainly from the point of its validity. Rather than be rhetorical we conducted the collaborative experimental study on the corpus lexis that was offered within the course “Business English”. The vocabulary analysis was carried out with the use of corpus software tools, specifically, AntWordProfile, Complete Lexical Tutor programs [Anthony, 2009]. The experiment’s results unveiled some shortcomings of teachers’-created materials and the main of them was a small amount of real-life target vocabulary and the type of context itself, which conventionally help learners’ to acquire the learning material. The context is to endow the retention of the word under consideration, thus it should be repetitive or include cases of key words repetitions, making them more learnable. In so doing, when selecting the vocabulary to learn, the range and the frequency of it should be counted as one of the top factors. The conducted experiment showed that the course texts contained only 27.4% of the target lexis that was not enough to speak about efficiency of a course [Rozanova et al., 2018].

Student surveys also showed that professional discussions were often limited to problem statement that never found the further development in some practical solutions that could be discussed from the point of professional knowledge growth. Moreover, some inaccuracies and terminology errors were common when translating professional texts. As a result, new knowledge often had only a weak association with professional fields was quickly substituted in the operational memory with the next set of knowledge and rarely developed into a practical skill of adequate professional communication. In other words, in Bloom’s terminology, the lessons were targeted at the students’ low cognitive levels of remembering, comprehending and applying and not at the high levels of analysing, synthesizing and evaluating (B. Bloom’s taxonomy of cognitive domains) [Anderson et al., 2001].

To solve the problem, content teachers were invited to join a new type of a ‘double agent’ course also known at TPU as a course of pedagogical tandems. In this mode, a professional English course was taught together

by a linguist and by a content teacher. The teaching was based on the model of adjunct/linked learning, where a content teacher was responsible for the development of professional knowledge and skills and a linguist focused on useful language skills of each specific professional context. Compared to the previous model, the new teaching had a more complex organizational structure and links because of the need for collaboration at the level of two structural divisions.

Undoubtedly, the tandem approach was obviously efficient; however, its massive implementation required significant increase in allocated time to develop and use new teaching materials. Besides, that practice lacked sustainability, at least for two reasons:

- 1) no guarantee that the tandem will be “alive” and able to cooperate for next years;
- 2) low availability of content teachers with the language proficiency of at least B2.

2.2.3. CLIL practice at TPU (2011–2017)

Starting from 2011, RF national policies consider the language competence not only as a component of professional qualification of an engineer, but also as a tool to globalize and internationalize universities, to promote universities into international community [Knight, 2012; Ferents, 2013; Filippov, 2013]. The new national education strategy required some strong initiatives from the university management including new solutions in language education. University language policies reacted appropriately. The new “TPU Roadmap 2020” aims among others to create a comfortable bilingual environment, which should contribute to a significant increase in the population of international students and activate teachers’ and students’ participation in international research carried out by the world’s leading centres³.

The available resources were reformulated into a new CLIL-based course of Professional Training in a Foreign Language to support the reformed ideology. The new course inherited from the significant experience in the tandem teaching and the methodology and materials accumulated by that time. However, the following question provoked the debate when new disciplines were put into practice: Which language level should teachers possess to be able to deliver a CLIL course? Can this course repeat some content previously learned in the Russian language? What should be the nature of cooperation between language and content departments? What are the criteria to select teaching and learning material? How can a students’ low language level be compensated?

Many of the questions above remain open until present day.

³ URL: <https://tpu.ru/university/strategy/development/viu>

2.3. Materials and methods

As we have already said, CLIL is debated much but it has not been well-termed yet and had the lack of practice base. All this is compounded by differences in cultural backgrounds and social-educational patterns, established in each country. “There is no single blueprint of content and language integration that could be applied in the same way in different countries – no model is for export” [Marsh, 2002]; “CLIL resembles acupuncture: it works but nobody seems to know why” [Chuchalin et al., 2005]; “the political support for CLIL teaching is generally strong, concrete guidance and support for teachers implementing it are largely absent” [Wiesemes, 2009].

2.3.1. CLIL methodology

In general CLIL is described as a dual purpose teaching, aimed at developing students’ linguistic and communicative competence in the same learning context where general academic and professional competences are developed [Marsh, 2002]. Specific nature of CLIL courses concludes in finding the right balance between the difficulty of content and language. It can be graphically expressed as: “**c**Lil = simple content + complex language” or “**Cl**il = complex content + simple language”. That is, the increase in linguistic complexity should be compensated by a decrease in professional content complexity and vice versa. This balance can be achieved by careful planning and selection of content that has a linguistic potential, as well as a simultaneous selection of language that is most typical for a professional field [Ting, 2017].

A good balance can be reached, for instance, through the use of the scaffolding approach, which is based on the principles of duality (the possibility of transition to the native language, if needed), optimality (balance of quantity and quality), cognition (communication of thinking and speech) and interactivity (involvement in the process). Experts identify cognition as a key aspect and the main advantage of CLIL. According to David Marsh, CLIL is a form of learning that triggers different types of thinking and therefore not only helps strengthen the language competence, but can also influence formation of a conceptual understanding and the way we think [Marsh, 2002].

Cognition is well depicted in the two-phase communicative matrix by J. Cummins, who located the cognition processes in 4 quadrants, fig. 1. The model is based on the Bloom’s taxonomy, fig. 2. In Cummin’s model cognitive skills of lower order (remembering, comprehending and applying) refer to Basic Interpersonal Communicative Skills (BICS), and cognitive skills of higher order (analysing, synthesizing and evaluating) to Cognitive Academic Language Proficiency (CALP) [Cummins, 2000; Cummins, 2008].

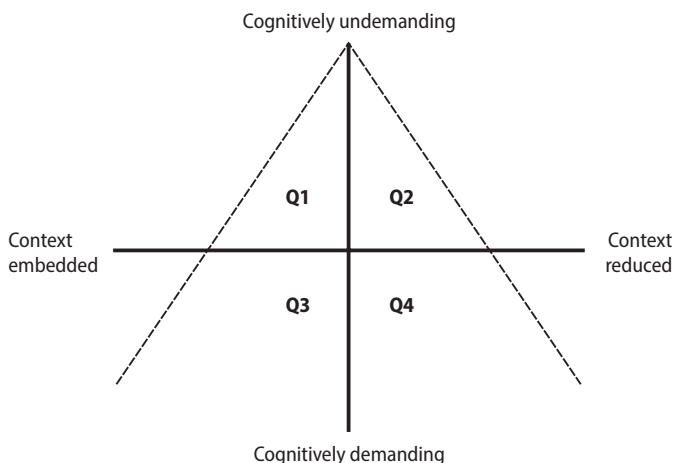

Fig. 1. Two-phase Cummins matrix: context embedded learning (ESP) and context reduced learning (CLIL)

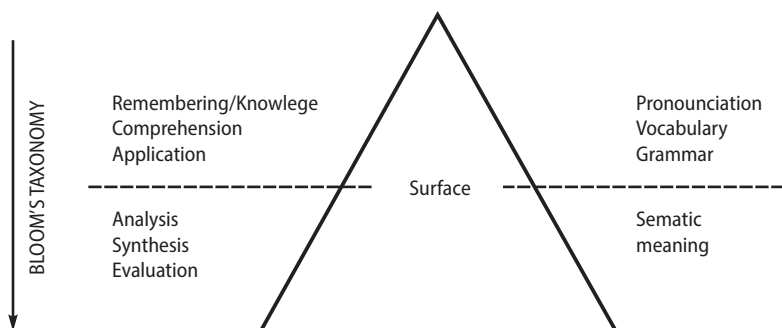

Fig. 2. Bloom's Taxonomy

2.3.2 Assessment tools

The success of a learning process should be evaluated against clear and measurable criteria of a desired outcome. Obviously, they will be strongly correlated with learning objectives. Some researchers use the following indicators as diagnostic tools: correctness, consistency and appropriateness of the use of subject knowledge in speech, including in the native language; knowledge of the minimum of professional terminology; knowledge of language clichés; ability to extract information from non-native language professional sources; ability to explain, evaluate and interpret professional phenomena and facts, etc. [Salehova, 2008].

Self-evaluation is also important in the implementation of CLIL courses as communication in interaction, understanding own contribution in common processes and self-reflection are the leading learning principles in CLIL pedagogy. For this purpose the statements “I know / I can” can be used.

3. Findings and Results

The transmission to CLIL-based teaching in Russian universities was not so easy. The table below gives the succinct specification of the CLIL practices at TPU and presents the types of learning activities to be used and the important “quality parameters” as *Lesson pace* and *Student engagement*.

The data is split into separate practices under the numbers (1–4) and contain:

- a) the name of a course to be observed with a degree level and year of study in brackets;

- b) a place of this course in a general education program;

- c) the language level of participants (teacher and students);

- d) the frequency of a native language use;

- e) the objective of a course;

- f) what teaching methods were used and what lesson pace and students’ engagement they helped to achieve (Table 1).

Let us give the clarification to each case presented.

Practice 1. The objective of the course was to develop general academic skills and was not focused on professional content directly. The students were taught to translate technical texts, specifics of English phrases and terminology. Although the place of the discipline is defined in the programme, its content seems inconsistent and disagrees with programme objectives. It is not clear how the skills of analysing, searching and processing data are integrated into the whole course. Observation showed that insufficient linguistic preparedness of a teacher additionally increased complexity of the course. The language level of students was also different and sometimes exceeded that of the teacher. As a result, the native language was constantly used and the foreign language failed as a communication tool; cognitive processes ran in Russian as well. This negatively influenced students’ motivation and engagement.

Practice 2. The purpose of the lesson was to get acquainted with the basic concepts of the subject area, which fully corresponds to the CLIL format. At the same time, it should be noted that the volume of knowledge has been significantly reduced and the pace of training dropped as compared with a similar discipline implemented in Russian. The level of proficiency in the teacher’s knowledge is much higher than the language level of the students. Active methods are used; this ensures high involvement of students in the process, interaction with one another, high concentration and interest. This practice can be considered successful.

Table 1

CLIL practice at Tomsk Polytechnic University

	Practice 1	Practice 2	Practice 3	Practice 4
Course	Computer Aided Analysis (B3)	Powerful Gas Lasers (M1)	Algorithms and Data Structures (B3)	Introduction to Databases (B3)
Integration into programme	Extension to a previously taught course	New course	Extension to a Russian-mediated co-requisite	Extension to a previously taught course
Proficiency in English (professor/students)	--	B2 / A1-B1	B2 / B1	B2 / B1
Use of Russian	100%	No	Bilingual textbook	To explain difficult concepts
Teaching objective	To teach how to operate information in English	To teach professional concepts in English	To teach professional concepts in English	To teach professional concepts in English
Teaching methods	Translation of an article into Russian	Gaming, lecturing, discussion, reading, peer teaching	Assistance students in preparing a lab report	Active learning techniques
Lesson pace	Low	Low	Low	Low
Student engagement	Low	High	Moderate	High

Practice 3. The educational objective is not clearly formulated. In part, it touches upon the terminology. The course is not clearly placed in the programme. Ambiguous objectives lead to the lack of motivation among students. Pedagogical methods obscure. Communication observed during the lesson did not lead to any learning outcomes.

Practice 4. The lesson objective corresponds to the CLIL model; the level of language proficiency of a teacher and students is adequate. The students are actively involved, although the linguistic materials have not been methodologically normalized. The teacher conducts the lesson in English. Russian is sometimes used to explain difficult or key terms. Active teaching methods requiring students' participation in are used.

3. Conclusion

Global challenges of cross-border education remain relevant and require quick solutions. The understanding that integration of content and language is needed is growing every day. English-mediated higher education has the potential to overcome the passivity of the Russian labor market over time due to opening educational boundaries through academic mobility programs.

CLIL is an approach to learning oriented towards achievement of a dual objective – a language and content. Therefore, CLIL is implemented in many higher educational institutions of Russia as innovative approach able to advance the readiness of students and teachers to global communication and to building new technology enhanced knowledge.

No doubt left that a relatively new CLIL methodology imposes additional requirements to university teachers and implies additional workload, thus provoking rejection. To be successful, the reform should be supported by university management and reflected in national educational standards. At the same time, universities should have flexibility and resources to attract foreign specialists and increase incoming mobility, thereby creating prerequisites for a natural language environment.

References

- Anderson et al., 2001 – Anderson L., Krathwohl D.A. *Taxonomy for Learning, Teaching and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives*. New York, 2001.
- Anthony, 2009 – Anthony L. *AntWordProfiler*. Computer software. 2009.
- Baker, Jones, 1998 – Baker C., Jones S.P. *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education*. Clevedon, 1998.
- Bruton, 2012 – Bruton A. CLIL: Some of the reasons why ... and why not. *System*. 2012. Vol. 41. Pp. 587–597
- Burenkova et al., 2015 – Буренкова Д.Ю., Гудкова С.А. Инструменты практической реализации CLIL-технологии в вузе // Вектор науки Тольяттинского

государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2015. № 4 (23). С. 50–56. [Burenkova D.Ju., Gudkova S.A. Tools of practical implementation of CLIL at universities. *Scientific Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 2015. No. 4 (23). Pp. 50–56. (In Rus.)]

Chuchalin et al., 2005 – Моделирование процессов иноязычной подготовки в вузе с позиции управления качеством / Чучалин А.И., Велединская С.Б., Ройз Ш.С., Охотин И.С. // Инженерное образование. 2005. № 3. С. 136–143. [Chuchalin A.I., Veledinskaja S.B., Rojz Sh.S., Ohotin I.S. Modeling the processes of foreign language training at the university from the perspective of quality management. *Inzhenernoe obrazovanie*. 2005. No. 3. Pp. 136–143. (In Rus.)]

Coyle et al., 2012 – Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL: Content and language integrated learning. Cambridge, 2012.

Cummins, 2000 – Cummins J. Language, power and pedagogy: Bilingual children in the Crossfire. Clevedon, 2009.

Cummins, 2008 – Cummins J. BICS and CAPL: Empirical and Theoretical Status of the Distinctions. The University of Toronto. Street. *Encyclopaedia of Language and Education*. 2nd ed. New York, 2008. Vol. 2: Literacy. Pp. 71–83.

Dalton-Puffer et al., 2009 – Dalton-Puffer Sh., Smit U. Empirical perspectives on CLIL classroom discourse. Frankfurt, Vienna, 2009. Pp. 7–23.

Ferents, 2013 – Ференц И. Развитие политики в области интернационализации высшего образования в Европе или «разноскоростная» интернационализация // Императивы интернационализации / Под ред. М.В. Ларионовой, О.В. Перфильевой. М., 2013. С. 162–186. [Ferents I. Policy development in the field of internationalization of higher education in Europe or “multi-speed” internationalization. *Imperativy internacionalizacii*. M.V. Larionova, O.V. Perfiljeva (eds.). Moscow, 2013. Pp. 162–186. (In Rus.)]

Filippov, 2013 – Филиппов В.М. Внутренняя интернационализация в российском высшем образовании // Императивы интернационализации / Под ред. М.В. Ларионовой, О.В. Перфильевой. М., 2013. С. 162–186. С. 200–213. [Filippov V.M. Internal internationalization in Russian higher education. *Imperativy internacionalizacii*. M.V. Larionova, O.V. Perfiljeva (eds.). Moscow, 2013. Pp. 200–213. (In Rus.)]

Gudkova et al., 2014 – Гудкова С.А., Буренкова Д.Ю. Методология CLIL. Преимущества и недостатки практического использования в вузе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: Международная научная заочная конференция. Тольятти, 2014. С. 167–173. [Gudkova S.A., Burenkova D.Ju. CLIL methodology. Advantages and disadvantages of practical application at universities. *Aktualnye problemy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki i optimizacija prepodavanija inostrannyh jazykov*. Tolyatti, 2014. Pp. 167–173. (In Rus.)]

Knight, 2012 – Knight J. Five truths about internationalization. International Higher Education. *Boston College Magazine*. 2012. Vol. 69. P. 5.

Lasagabaster et al., 2001 – Lasagabaster D.A., Sierra J.M. Internationalization, multilingualism and English-medium instruction. *World Englishes*. 2001. Vol. 30. No. 3. Pp. 345–359.

Lasagabaster et al., 2009 – Lasagabaster D., Sierra J.M. Immersion and CLIL in English: More differences than similarities. *ELT Journal*. 2009. Vol. 64. No. 4. Pp. 367–375.

Lasagabaster et al. 2014 – Lasagabaster D., Doiz A., Sierra J.M. Motivation: Making connections between theory and practice. *Motivation and foreign language learning: From theory to practice*. Amsterdam, 2014. Pp. 173–183.

Marsh, 2002 – Marsh D. CLTL/EMILE – the European Dimension: Actions, Trends and Foresights Potential. Brussels, 2002.

Marsh, 2012 – Marsh D. Content and Language Integrated Learning. A development Trajectory. Cordoba, 2012.

Meyer, 2011 – Meyer O. Introducing the CLIL-pyramid: Key strategies and principles for CLIL planning and teaching. *Basic Issues in EFL-Teaching and Learning*. M. Eisenmann, T. Summer (eds.). Heidelberg, 2011. Pp. 295–313.

Pérez-Cañado, 2012 – Pérez-Cañado M.L. CLIL research in Europe: Past, present and future. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2012. Vol. 15. No. 3. Pp. 315–341.

Polyakova, 2015 – Полякова Л.О. Зачем инженеру иностранный язык? (Анализ профессиональных стандартов) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. С. 371–381. [Polyakova L.O. Why does an engineer need a foreign language? (Analysis of professional standards). *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. No. 6. Pp. 371–381. (In Rus.)]

Popova et al., 2016 – Попова Н.В., Коган М.С., Вдовина Е.К. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей в техническом вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 3 (173). С. 29–42. [Popova N.V., Kogan M.S., Vdovina E.K. Content and Language Integrated Learning (CLIL) as methodology of interdisciplinary approach in technical university. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 2016. Vol. 23. No. 3 (173). Pp. 29–42. (In Rus.)]

Roussel et al., 2017 – Roussel S., Joulia D., Tricot A., Sweller J. Learning subject content through a foreign language should not ignore human cognitive architecture: A cognitive load theory approach. *Learning and Instructions*. 2017. Vol. 52. Pp. 69–79.

Rozanova et al., 2018 – Rozanova Ya., Kudryashova A., Zamyatina O. Computer-aided research of ESP class materials: Vocabulary potential and learning opportunities. *Language and Culture*. 2018. Vol. 42. Pp. 152–162.

Rumlich et al., 2016 – Rumlich D., Stebner F. Cognitive load theory in the context of bilingual education: Exploring uncharted territory. *9th International Cognitive Load Theory Conference*. Bochum, 2016. Pp. 22–24.

Salehova, 2008 – Салехова Л.Л. Дидактическая модель билингвального обучения математике в высшей педагогической школе. Казань, 2008. [Salehova L.L. Didakticheskaja model bilingvalnogo obuchenija matematike v vysshej pedagogicheskoy shkole [Didactic model of bilingual teaching of mathematics in the higher pedagogical school]. Kazan, 2008.]

Sidorenko et al., 2017 – Сидоренко Т.В., Рыбушкина С.В. Интегрированное предметно-языковое обучение и его перспективы в российских технических вузах // Образование и наука. 2017. № 19 (6). С. 182–196. [Sidorenko T.V., Rybushkina S.V. Integrated subject-language education and its prospects in Russian technical universities. *Obrazovanie i nauka*. 2017. Vol. 19. No. 6. Pp. 182–196. (In Rus.)]

Ting, 2017 – Ting T. CLIL not only immersion but also more the sum of its parts. *ELT Journal*. 2017. Vol. 65. No. 3. Pp. 314–317.

Van de Craen et al., 2007 – Van de Craen P., Mondt K., Allain L., Gao Y. Why and how CLIL works. An outline for a CLIL theory. *Views*. 2007. Vol. 16. Pp. 70–78.

Vdovina, 2013 – Вдовина Е.К. Профессиональный английский язык для экономистов: Учебное пособие. СПб., 2013. [Vdovina E.K. Professional'nyj anglijskij jazyk dlja jekonomistov [Professional language for economics students]. St.-Petersburg, 2013.]

Wiesemes, 2009 – Wiesemes R. Developing theories and practices in CLIL: CLIL as post-method pedagogies. *Content and language integrated learning: Evidence from research in Europe*. Y.R. De Zarobe, R.M.J. Catalán (eds.). Bristol, 2009. Pp. 41–62.

Статья поступила в редакцию 17.05.2020

The article was received on 17.05.2020

Об авторах / About the authors

Сидоренко Татьяна Валерьевна – кандидат педагогических наук; доцент отделения иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Tatiana V. Sidorenko – PhD in Pedagogy; Associate Professor at the Department of Foreign Languages of the School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

E-mail: SidorenkoT@tpu.ru

Кудряшова Александра Владимировна – старший преподаватель отделения иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Alexandra V. Kudryashova – senior teacher at the Department of Foreign Languages of the School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0637-9184>

E-mail: english@tpu.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2021.1

Сайт журнала: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.03.2021 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 9,0 п. л. Тираж 1000 экз.